№ 8
21.435
БИБЛИОТЕКА
Государств.
18574

Дмитрію Алексѣевичу

Мельгунову

В знакъ истиннаго почтенія

отъ автора.

КУРСЪ ТЕОРІИ

СЛОВЕСНОСТИ.

КУРСЪ ТЕОРІИ

СЛОВЕСНОСТИ.

Михаила Чистякова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАНІЕ

Кораблева и Сирякова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1847.

PN
37
Чис

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Ноября 22 дня 1846 года. Цензоръ *А. Никитенко*.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
438
54

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ФИШЕРА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

§ 1. Значеніе словесности. Теорія словесности. 1

§ 2. Изученіе теоріи словесности 2

§ 3. Связь теоріи словесности съ психологіей . 4

§ 4. Двойственность человѣческой природы. . 5

§ 5. Душа. Самосознаніе. Психологія. . . . 6

§ 6. Пробужденіе духовной дѣятельности въ человѣкѣ. Впечатлѣніе. Ощущеніе . . . 7

§ 7. Вниманіе 8

§ 8. Чувственные органы. Осязаніе 9

§ 9. Вкусъ и обоняніе 12

§ 10. Зрѣніе 13

§ 11. Слухъ 14

СТР.

§ 12. Перспектива и колоритъ. Мелодія и гармонія 17

§ 13. Зрѣніе и слухъ—благороднѣйшія чувства. Различіе чувственныхъ органовъ по живости впечатлѣній 18

§ 14. Сила впечатлѣнія и вниманія. 21

§ 15. Способности души. Развитіе способностей души. 24

§ 16. Дѣятельность воображенія. Сохраненіе представленій. Повтореніе представленій . 26

§ 17. Преобразованіе представленій — фантазія. Вымыселъ 27

§ 18. Впечатлѣнія, дѣйствующія на воображеніе. 31

§ 19. Различіе въ сохраненіи представленій. Перспектива воображенія 32

§ 20. Взаимная связь представленій воображенія. Законы сочетаній представленій. Близость представленій воображеній—по сродству. Предметы сходные ; предметы совмѣстные; предметы современные , послѣдовательность предметовъ; предметы одного количества. 34

§ 21. Предметы противоположные 37

§ 22. Законы возобновленія представленій. Возобновленіе представленій въ естественномъ порядкѣ. 39

СТР.

§ 23. Возобновленіе впечатлѣній съ измѣненіями въ нихъ. Безпорядокъ въ повтореніи представленій. Причины безпорядочнаго сочетанія представленій 42

§ 24. Зависимость фантазіи отъ внѣшнихъ представленій. Самодѣятельность воображенія . 46

§ 25. Виды дѣятельности фантазіи. Естественное соединеніе формъ въ картинахъ фантазіи. 48

§ 26. Составленіе картинъ фантастическихъ въ тѣсномъ смыслѣ 53

§ 27. Виды воображенія: пластическое—очертательное, цвѣтное и живописное 54

§ 28. Тоническое воображеніе; воображеніе музыкальное. Односторонность въ развитіи воображенія 55

§ 29. Колоритъ воображенія 58

§ 30. Вліяніе природы и общественной жизни на воображеніе 62

§ 31. Познавательная способность. Предметы познанія. Недѣлимое. Размышленіе. Недѣлимое понятіе. 67

§ 32. Общее понятіе. Отношеніе между объемомъ и содержаніемъ понятія 69

§ 33. Понятіе видовое и родовое. Относительное значеніе видоваго и родоваго понятія. Родовой признакъ 71

§ 34. Понятіе соподчиненное. Видовой признакъ. Опредѣленіе 73

СТР.

§ 35. Наведеніе. Путь восхожденія. Путь нисхожденія—подведеніе понятій 76

§ 36. Память. Различіе между памятью и воображеніемъ. Дѣйствіе памяти. Близкія понятія. 77

§ 37. Общія формы соединенія понятій . . . 80

§ 38. Произвольность и непроизвольность сочетанія понятій. Система. 86

§ 39. Потребность системы 88

§ 40. Наука. Двѣ стороны жизни и знанія . . 89

§ 41. Соединеніе исторіи и теоріи 90

§ 42. Природа физическая и нравственная. Воля. Добро. Связь между умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ 92

§ 43. Путь, которымъ человѣкъ доходитъ до идеи о нравственномъ добрѣ. 95

§ 44. Стремленіе къ истиннѣ. Заблужденіе . . 96

§ 45. Различное направленіе умственной дѣятельности. 99

§ 46. Умъ наблюдательный. Умъ теоретической. Вредное послѣдствіе односторонняго умственнаго развитія. Умъ геніальный . . 102

§ 47. Сердце, или чувство. Ощущеніе пріятное, непріятное. 107

СТР.

§ 48. Пробужденіе ощущеній. Ощущеніе чисто духовное 108

§ 49. Причины пріятности и непріятности ощущеній 110

§ 50. Особенность, или индивидуальность ощущеній. Сила ощушеній. Глубокость чувства. Возобновленіе ощущеній. Желаніе и отвращеніе. Склонность и страсть . . 112

§ 51. Безотчетное ощущеніе. Симпатія . . . 115

§ 52. Характеръ. Односторонность характера. Рѣшительное преобладаніе ума 120

§ 53. Преобладаніе воли. 126

§ 54. Преобладаніе чувства. 130

§ 55. Преобладаніе воображенія 135

§ 56. Гармонія въ развитіи силъ души. Поэтическій характеръ 142

§ 57. *Эстетическія понятія*: Изящное. Стремленіе къ изящному. Идея силы и гармоніи въ идеѣ о Богѣ. Проявленіе идеи силы и гармоніи въ физической природѣ . 144

§ 58. Въ душѣ человѣка. 147

§ 59. Виды изящнаго. Физически-высокое. Виды физически-высокаго 150

СТР.

§ 60. Нравственно-высокое. Сочувствіе физически и нравственно-высокому 154

§ 61. Граціозное, или прекрасное. Виды прекраснаго: физически прекрасное; нравственно-прекрасное. Соединеніе высокаго съ прекраснымъ. 156

§ 62. Таинственное. Виды таинственнаго. Таинственное естественное 161

§ 63. Идея о Богѣ. Чудесное въ смыслѣ христіанства. Вѣра въ чудесное. 166

§ 64. Чудесное вымышленное 170

§ 65. Эстетическое чувство 172

§ 66. Вкусъ. Причины, содѣйствующія развитію вкуса. Можно ли спорить о вкусахъ? Соединеніе вкуса съ умственнымъ развитіемъ 174

§ 67. Эстетическое наслажденіе. Дѣйствіе высокаго и прекраснаго на душу человѣка. 179

§ 68. Творчество 182

§ 69. Вдохновеніе или одушевленіе 185

§ 70. Пробужденіе одушевленія: отъ впечатлѣній природы; отъ впечатлѣній искусства; отъ размышленія. Безотчетность одушевленія. 187

§ 71. Заказы работъ художникамъ. Безсознательность художественной дѣятельности. 191

СТР.

§ 72. Практическая цѣль художественныхъ произведеній. Полная независимость художественной дѣятельности 195

§ 73. Идеалъ художественнаго произведенія. Различіе между идеаломъ и идеей. Различіе идеаловъ 198

§ 74. Осуществленіе идеала. Выборъ матеріаловъ и формъ для осуществленія идеаловъ. 202

§ 75. Составныя части художественныхъ произведеній. Отношеніе между ними. Высокое и граціозное въ произведеніяхъ искусства. Положительная и отрицательная форма высокаго. Положительная и отрицательная форма граціознаго. Безобразное. Употребленіе безобразнаго . . 208

§ 76. Смѣшное. Мнѣнія о смѣшномъ. Общія условія смѣшнаго 211

§ 77. Художественное изображеніе смѣшнаго. Комическое 215

§ 78. Соединеніе комическаго съ другими формами выраженія изящнаго 229

§ 79. Исключительное направленіе художника. Школа художниковъ. Раздѣленіе изящныхъ искусствъ. Образовательныя искусства. Музыка. Изящная словесность . . 237

ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

§ 1.

Словесность имѣетъ обширное значеніе. Это—совокупность всѣхъ произведеній слова, изустныхъ и письменныхъ, въ которыхъ выражается высшая, т. е. духовная жизнь человѣка: мысли его ума, нравственныя движенія его сердца, творческія мечты его воображенія. Слѣдовательно, сюда относятся первые, тусклые проблески разсудка, первыя, легкія наблюденія, односторонніе, неимѣющія взаимной связи замѣтки, выражаемыя отрывочными изреченіями, пословицами и поговорками, равно какъ и глубокія, обширныя и стройныя системы знанія; сюда относятся ребяческія пѣсни, несвязные отголоски неясныхъ ощущеній, прихотливыя игры фантазіи дикаря, иногда поражающія насъ только своимъ блескомъ, своими новыми, неожиданными формами, равно какъ и самыя высокія поэтическія созданія геніальныхъ дарованій. Слѣдовательно, міръ словесный, міръ литтературный обширенъ и разнооб-

Значеніе словесности.

Теорія словесности.

разенъ, какъ человѣчество. Это — его голосъ, его языкъ, его рѣчь. По этому теорія словесности есть изслѣдованіе тѣхъ духовныхъ силъ, которыя выражаются въ словесныхъ произведеніяхъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, тѣхъ постоянныхъ законовъ, по которымъ эти произведенія всегда и вездѣ развиваются, тѣхъ общихъ формъ, которыя произведенія словесности принимаютъ въ своемъ развитіи, несмотря на различія, зависящія отъ мѣста, времени, племеннаго характера народа и другихъ случайныхъ частностей. Она не есть сборъ правилъ, какъ упражняться въ сочиненіи: это не-ея дѣло. Она не есть наука мечтательная; она подобно физикѣ, ботаникѣ и другимъ естественнымъ знаніямъ, имѣетъ свои данныя, свои факты, надъ которыми дѣлаетъ наблюденія и изъ которыхъ извлекаетъ выводы; она есть наука точная, не менѣе другихъ: въ ней, какъ въ математикѣ, есть аксіомы, неоспоримыя истинны, и также, какъ въ математикѣ, есть нерѣшеные вопросы.

§ 2.

Изученіе теоріи словесности.

Изученіе теоріи словесности, или точнѣе, теоретическое изслѣдованіе произведеній словесности, важно во многихъ отношеніяхъ: 1) въ отношеніи къ уму; 2) въ отношеніи ко вкусу; 3) въ отношеніи къ творческому дарованію.

Теорія словесности составляетъ часть науки о человѣкѣ; слѣдовательно, чрезъ нее пополняются на-

ши познанія; безъ нея взглядъ на человѣческую природу былъ бы очень одностороненъ: потому что была бы оставлена безъ вниманія одна изъ самыхъ обширныхъ и благороднѣйшихъ отраслей его дѣятельности. Слово, какъ дѣйствіе только физической природы человѣка, составляетъ уже любопытное и занимательное явленіе по разнообразію звуковъ, входящихъ въ составъ его, по механизму рѣчи, по ея музыкальности и т. д., но оно представляется даромъ, истинно чудеснымъ, божественнымъ, когда станемъ разсматривать его, какъ явленіе нравственное, какъ отпечатокъ всей жизни человѣка и единственный органъ, способный выражать всѣ измѣненія души его. Какъ въ человѣкѣ повторяется вся природа: такъ въ словѣ повторяется вся человѣческая жизнь. Исторія народовъ безъ исторіи ихъ литературъ была бы нѣма; а исторія литературъ безъ высшаго возрѣнія — безсвязна, безжизненна. Теоретическое изученіе словесности необходимо заставляетъ человѣка погружаться въ самаго себя, наблюдать развитіе силъ своей внутренней жизни и приводитъ ко многимъ вопросамъ о высшихъ потребностяхъ души, а потому становится наукою нравственною.

Навыкъ углубляться въ произведенія словесности, разбирать ихъ до основныхъ стихій, изслѣдывать взаимное отношеніе частей сочиненія, обнимать составъ его, напечатлѣвая въ душѣ черты самыя важнѣйшія, т. е. существенныя, характеристическія, давать себѣ отчетъ во впечатлѣніи, производимомъ

каждою частію въ отдѣльности и цѣлымъ вмѣстѣ, возводитъ ихъ къ общимъ идеямъ, этотъ навыкъ дѣлаетъ взглядъ человѣка быстрымъ, проницательнымъ и многообъемлющимъ; а кто больше видитъ, кто обнимаетъ больше сторонъ въ предметѣ, тотъ больше имъ и наслаждается *. Къ тому же, безъ теоріи не можетъ быть критики словесныхъ произведеній: всѣ замѣчанія будутъ ограничиваться или только грамматическими формами рѣчи, или личными мнѣніями, т. е. выраженіемъ того впечатлѣнія, которое извѣстное сочиненіе произвело на читателя; а чувство одного человѣка не есть законъ для другаго и не даетъ никакого понятія о сочиненіи, тѣмъ болѣе, что часто бываетъ слѣдствіемъ особенныхъ случайностей, съ измѣненіемъ которыхъ и чувство измѣняется. Поэтическаго таланта не даетъ ни одна наука; слѣдоват. и теорія словесности; онъ получается отъ природы. Но если чрезъ теоретическое изученіе словесности расширяется кругъ познаній, вкусъ дѣлается разборчивѣй и глубже, то это, естественно, содѣйствуетъ зрѣлости и развитію творческой дѣятельности; поэтическая сила, укрѣпляется и мужаетъ вмѣстѣ съ другими.

§ 3.

Связь теоріи словесности съ психологіей.

Каждое слово, въ отдѣльности, выражаетъ понятіе; фраза или рѣчь выражаетъ цѣлую мысль, съ тѣми образами, съ которыми она представ-

* Elemens de la philosophie de l'esprit humain. Dugald-Stewart. T. 1. p. 98.

ляется нашей душѣ, и съ тѣмъ ощущеніемъ, которое произвела въ сердцѣ. Говорить, вообще, значитъ словами выражать всѣ состоянія нашей внутренней, духовной жизни; слѣдовательно, объясненія произведеній словесности надобно искать въ самой таинственной колыбели слова — въ душѣ: мысль и рѣчь раждаются вмѣстѣ; это — близнецы. Поэтому теорія словесности неразрывна съ психологіей; она опирается на психологическихъ наблюденіяхъ и отъ нихъ заимствуетъ прочность, ясность и жизнь. Въ точномъ смыслѣ, ни *одного слова* нельзя объяснить, не обращаясь къ душѣ. Слѣдовательно, теоріи словесности должны предшествовать психологическія понятія.

Психологическія понятія.

§ 4.

Двойственность человѣческой природы.

Въ развитіи жизни человѣческой есть два рода явленій: 1) одни проистекаютъ изъ началъ природы вещественной; сюда относятся всѣ дѣйствія животнаго организма, на примѣръ, питаніе, кровообращеніе, дыханіе и т. д.; 2) въ другихъ нѣтъ ничего вещественнаго, т. е. ничего такого, чтобы служило къ удовлетворенію потребностей нашего тѣла; напримѣръ, размышленіе не утолитъ ни голода, ни жажды; удовольствіе, доставляемое впечатлѣніями прекрасной статуи, картины, музыкальной пьесы,

или поэтическаго произведенія, не подкрѣпитъ утомленныхъ силъ.

Эта двойственность началъ нашей природы неопровержимо доказывается тою борьбой противоположныхъ побужденій, которую всякій безпрерывно испытываетъ въ самомъ себѣ. Напримѣръ: человѣкъ въ знойный лѣтній полдень томится жаждой, видитъ студеный и свѣтлый ключъ и хочетъ напиться воды; но онъ преодолѣваетъ это желаніе другою какою-то силою. Если есть въ человѣкѣ противоположныя побужденія, то есть и противоположныя силы, причины этихъ побужденій. Такимъ образомъ, въ насъ высшая, прекраснѣйшая, совершеннѣйшая природа управляетъ животной жизнью; тѣло служитъ для ней только орудіемъ, необходимымъ для ея развитія, * и человѣкъ, подобно цвѣтку, привязанный къ землѣ, стремится къ Небу.

§ 5.

Душа. Невидимое начало невещественныхъ, сверхъ-чувственныхъ явленій нашей внутренней жизни называется душею.

Самосознаніе. Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ внутренней своей жизни, объ этой невидимой исторіи или драммѣ нашего бытія, мы пріобрѣтаемъ чрезъ наблюденія надъ самими собою. Способность души непосредственно замѣчать всѣ свои состоянія и измѣненія ихъ, переходы

* Histoire de l'homme. T. 3. p. 16—17 Buffon.

изъ одного состоянія въ другое, называется сознаніемъ, или самосознаніемъ.

Психологія.

Наука, въ которой излагаются свѣдѣнія о явленіяхъ нашей души, о силахъ и законахъ этихъ явленій, есть психологія. Она въ отношеніи къ нашей душѣ тоже, что физика въ отношеніи къ вещественной природѣ—система знаній, пріобрѣтенныхъ чрезъ наблюденіе, слѣдовательно, положительныхъ.

§ 6.

Пробужденіе духовной дѣятельности въ человѣкѣ.

Душа возбуждается къ дѣятельности впечатлѣніями предметовъ внѣшней природы. Это происходитъ такимъ образомъ: душа соединена съ тѣломъ; тѣло одарено чувствами, или чувственными органами; органы устроены соотвѣтственно съ свойствами и законами дѣйствія предметовъ природы; такъ напримѣръ, глазъ устроенъ соотвѣтственно съ законами дѣйствія свѣта, ухо—соотвѣтственно съ законами дѣйствія звука и т. д. По причинѣ этой гармоніи между устройствомъ нашего тѣла и устройствомъ внѣшней природы, предметы, находясь въ извѣстномъ отношеніи къ чувственнымъ органамъ, прикасаются къ нимъ, дѣйствуютъ на нихъ и напечатлѣваютъ въ нихъ свою форму, т. е. изображеніе тѣхъ свойствъ, которыми они прикоснулись къ тому, или другому органу, или къ нѣсколькимъ органамъ. Отъ этого дѣйствія предмета происходитъ въ органѣ потрясеніе, которое по связи души съ тѣломъ, мгновенно, вмѣстѣ съ отпечаткомъ предмета, сообщается душѣ.

Впечатлѣніе. Дѣйствіе предмета на органъ называется впечатлѣніемъ; потрясеніе, производимое въ органѣ и душѣ впечатлѣніемъ предмета, слѣдъ, оставляемый имъ въ насъ, есть ощущеніе. Слѣдовательно, ощущеніе есть первый и невольный откликъ души на голосъ природы. Здѣсь душа находится въ страдательномъ состояніи: сила и свойство ощущенія во многомъ зависитъ отъ свойства дѣйствующаго на насъ предмета и силы впечатлѣнія.

Ощущеніе.

§ 7.

Природа дѣйствуетъ на насъ безпрерывно; впечатлѣнія безчисленными струями втекаютъ въ нашу душу; ощущенія смѣняются въ ней съ неимовѣрною быстротою и вытѣсняютъ другъ друга. И отъ всего этого волненія образовъ, цвѣтовъ, звуковъ и проч. въ душѣ не сохранилось бы ничего, если бъ она не имѣла способности останавливаться на нѣкоторыхъ изъ нихъ исключительно, заниматься нѣсколько времени только ими одними, разсматривать въ подробностяхъ признаки ихъ, перебирать каждую черту въ отдѣльности и потомъ снова слагать эти черты въ одно цѣлое, въ одну картину и представлять себѣ предметъ ясно и опредѣленно. Это сосредоточеніе мысленнаго взора преимущественно на одномъ предметѣ есть вниманіе.

Вниманіе.

Слѣдовательно, вниманіе есть первая степень свободной дѣятельности души; а представленіе—первый плодъ вниманія.

Такимъ образомъ, чувственные органы, впечатлѣнія предметовъ и вниманіе составляютъ первоначальныя условія развитія нашей внутренней жизни. Отражаясь въ нашей душѣ съ неистощимымъ разнообразіемъ своихъ чудныхъ, всегда новыхъ, величественныхъ и прекрасныхъ формъ, природа пробуждаетъ въ ней дремлющія силы, воспламеняетъ въ ней сочувствіе къ своимъ созданіямъ, и съ первыми впечатлѣніями вноситъ въ душу младенца начала всей его будущей умственной, нравственной и поэтической дѣятельности и часто

«Отъ первыхъ впечатлѣній
Отъ первыхъ свѣжихъ чувствъ заемлетъ силу геній.

§ 8.

Чувственные органы.

Назначеніе человѣка — совершенствоваться до безконечности; ему дана и организація совершеннѣе всѣхъ земныхъ существъ. Уже по физическому устройству его очевидно, что онъ долженъ жить не односторонней, но общей, міровой жизнью, долженъ быть жрецомъ и истолкователемъ природы *. Впрочемъ, человѣкъ въ физическомъ отношеніи выше другихъ существъ не по числу, а по свойству чувственныхъ органовъ и по тому употребленію, которое онъ изъ нихъ дѣлаетъ. Для животныхъ органы служатъ только орудіями матеріальной жизни; а для человѣка они, сверхъ удовлетворенія физическихъ

* Naturae minister et interpres. Baco W.

потребностей, служатъ орудіями мысли и другихъ отраслей высшей, духовной дѣятельности.

Чувствъ или чувственныхъ органовъ у человѣка пять: осязаніе, вкусъ, обоняніе, слухъ и зрѣніе.

Осязаніе. Можно сказать, что осязаніе есть основное чувство и что всѣ другія суть только различные виды, или формы его. Въ отношеніи къ обоянію и вкусу— это очевидно съ перваго взгляда: но и звуки *прикасаются* къ слуховому органу и формы видимыхъ предметовъ, при помощи лучей свѣта, *поражаютъ* наше зрѣніе. Не смотря на то, впечатлѣнія, производимыя на одинъ органъ, до крайности различны отъ тѣхъ, которыя производятся на другіе. Каждый изъ нихъ служитъ для нашей души проводниковъ своихъ, особеннаго рода ощущеній, которыя можно дополнять ощущеніями, пріобрѣтаемыми чрезъ другіе органы, но замѣнять нельзя.

Осязаніе есть самое положительное чувство: а) чрезъ него мы несомнѣнно удостовѣряемся въ существованіи предмета внѣ насъ; b) пріобрѣтаемъ самыя опредѣленныя, точныя представленія о внѣшнихъ признакахъ предметовъ. Оттуда произошли выраженія: осязаемая истинна, осязаемая достовѣрность, осязательное доказательство, осязательная выразительность рѣчи.

Первоначальныя, простѣйшія представленія, пріобрѣтаемыя нами при помощи осязанія суть: 1, представленіе извѣстнаго, ограниченнаго пространства, протяженія вещи—или ея непроницаемости, 2, пред-

ставленіе большей, или меньшей степени ея плотности, 3, представленіе той или другой степени ея температуры. Изъ этихъ представленій развивается множество другихъ, которыя можно назвать производными. Съ каждымъ прикосновеніемъ къ предмету, мы осязаемъ одну изъ сторонъ его поверхности; взявъ въ соображеніе всѣ стороны, всѣ ограниченія предмета и сличивъ ихъ относительное положеніе, мы представляемъ себѣ 4, форму того, или другаго тѣла. Отличая форму одного тѣла отъ формы другаго, 5, мы составляемъ представленіе о числѣ, или количествѣ; сравнивая протяженіе одного тѣла съ протяженіемъ другаго, мы замѣчаемъ, 6, что они равны, или неравны между собою; отсюда проистекаетъ представленіе относительной величины, или малости. Такимъ же образомъ мы узнаемъ различную величину мѣстъ и разстояній. Формы и разстоянія узнаются не черезъ зрѣніе, какъ это кажется съ перваго взгляда, но чрезъ осязаніе. Это доказываютъ многіе опыты надъ животными и людьми, особенно надъ слѣпорожденными, которымъ было открыто зрѣніе. * Осязая стороны предмета не вдругъ, а постепенно, одну послѣ другой, замѣчая также что предметъ не всегда находится въ одинаковомъ отношеніи къ другимъ предметамъ и не въ одинаковомъ отъ нихъ разстояніи, мы 7, находимъ новый

* Fréder: Cuvier. Mémoires du muséum d'histoire naturelle. Paris 1823. Т. X. p. 257—258.

признакъ въ ихъ существованіи—движеніе. Предметъ перемѣняетъ свое положеніе съ большею или меньшею быстротою; при одинаковой быстротѣ движенія, переходъ чрезъ различныя разстоянія бываетъ неодинаковъ; отсюда—понятіе о продолженіи движенія,—о времени. Понятіе 8, о жесткости, 9, упругости и 10, тяжести пріобрѣтается чрезъ сравненіе большей, или меньшей степени сопротивленія, которое встрѣчаетъ органъ осязанія. Такимъ образомъ съ однимъ этимъ чувствомъ, даже несчастный, отъ природы лишенный зрѣнія и слуха, человѣкъ, для котораго

«міръ закрытъ и нѣмъ,»

находитъ неизмѣримое поле для изслѣдованій и неисчерпаемые источники наслажденія для себя и для другихъ; едва онъ прикоснулся къ природѣ и вотъ она уже предлагаетъ ему для разрѣшенія высшія математическія, физическія и философскія задачи: пространство, количество, движеніе, время, тяготѣніе.

§ 9.

Вкусъ и обоняніе.

Вкусъ и обоняніе — чувства преимущественно животныя; кажется, они даны человѣку только для поддержанія его физической жизни; представленія о предметахъ, пріобрѣтаемыя черезъ нихъ слишкомъ малочисленны и сбивчивы; черезъ нихъ мы узнаемъ только впечатлѣнія, большею частію лично на насъ производимыя. Отъ этого такъ рѣдко случается, чтобы люди согласны были на счетъ пріятности, или непріятности вещей, дѣйствующихъ

на вкусъ и обоняніе. Отъ этого же во всѣхъ языкахъ такъ мало словъ, означающихъ ощущенія этихъ двухъ органовъ; слова выражаютъ опредѣленныя и общія понятія о свойствахъ предметовъ: а горькость, сладость, кислота, ѣдкость и проч. означаютъ не признаки предметовъ, а перемѣны въ нашемъ организмѣ, производимыя впечатлѣніями извнѣ.

§ 10.

Зрѣніе.

Дѣйствія предметовъ на органъ зрѣнія очень разнообразны: 1) чрезъ него мы узнаемъ протяженіе въ двоякомъ измѣреніи — въ длину и ширину; 2) цвѣта; 3) фигуру предметовъ и цвѣтовъ; 4) ихъ величину; 5) ихъ движеніе.

Очевидно, что представленія, пріобрѣтаемыя чрезъ это чувство очень сходны съ тѣми, которыя пріобрѣтаются чрезъ осязаніе; часто они сливаются между собою въ нашемъ умѣ, и только при строгомъ вниманіи мы отличаемъ, что передается душѣ глазомъ, что осязаніемъ. Чрезъ зрѣніе также, какъ чрезъ осязаніе пробуждаются въ насъ понятія пространства, времени, количества: но зрѣніе открываетъ новый міръ представленій нравственныхъ въ положеніи, въ движеніяхъ и особенно въ чертахъ физіономіи другаго человѣка; мы видимъ въ нихъ уже не одни ограниченія пространства, не однѣ холодныя формы вещества, не одни переливы красокъ, но проявленія высшей жизни, символы чувствъ и мыслей: морщина на челѣ старика для насъ не

просто прямая, или кривая линія, но знакъ, имѣющій духовный смыслъ; взглядъ, то тусклый, то свѣтлый, то сверкающій, не есть только различный цвѣтъ глазъ, но отпечатокъ сердечныхъ движеній; голова закинутая назадъ, склоненная на руку, или поникшая къ груди, не есть только физическая перемѣна мѣста одной части тѣла, но выраженіе различныхъ измѣненій души. Уже младенецъ отгадываетъ, что значитъ улыбка на лицѣ матери, тихій взоръ, долго на немъ покоющійся, или слеза, повисшая на ея рѣсницѣ. Смыслъ этихъ знаковъ души дѣти понимаютъ безотчетно, не замѣчая еще, что такія же ощущенія и въ нихъ самихъ выражаются такими же формами. Это — знаки души безусловные, а потому всеобщіе. Древніе много наблюдали ихъ и составили изъ этого искусство. Разсказываютъ, что Россцій выражалъ минами тоже, что Цицеронъ своими рѣчами. Одинъ изъ варварскихъ царей, находясь въ Римѣ, былъ пораженъ выразительностію мимики какого-то актера и взялъ его съ собою для объясненія приказаній нѣкоторымъ подвластнымъ племенамъ, языковъ которыхъ царь не зналъ.

Основные знаки, употребляемые глухонѣмыми, во всѣхъ частяхъ свѣта одни и тѣже.

§ 11.

Слухъ. Слухомъ мы замѣчаемъ: 1) направленіе звуковъ т. е. откуда и куда звукъ идетъ; 2) мы замѣчаемъ, большее, или меньшее пространство имъ

наполняется ; иначе мы не могли бы сказать , что одни звуки происходятъ отъ тѣлъ , находящихся въ ближайшемъ, другіе отъ тѣлъ, находящихся въ дальнѣйшемъ разстояніи; а между тѣмъ это неподлежитъ никакому сомнѣнію; такъ одинъ слѣпой по слуху узнавалъ, какъ великъ ростомъ тотъ, кто разговаривалъ съ нимъ стоя ; другой , прислушиваясь къ стуку шаровъ и къ паденію фигуръ , игралъ очень ловко въ кегли *; 3) со впечатлѣніемъ звуковъ, мы соединяемъ представленіе о большей или меньшей продолжительности ихъ во времени ; 4) мы замѣчаемъ въ звукахъ ихъ многоразличныя свойства, слѣдовательно и съ представленіемъ ихъ въ насъ пробуждается опять мысль о количествѣ. И здѣсь также съ первыми впечатлѣніями невольно представляются уму человѣка, важнѣйшіе вопросы знанія: пространство, время, количество и т. д.

Но чрезъ слухъ , кажется, сообщаятся сердечныхъ движеній еще болѣе , нежели черезъ зрѣніе : не понимая еще значенія словъ, младенецъ въ голосѣ , или въ интонаціи , въ строѣ и музыкальномъ произношеніи рѣчи, уже отгадываетъ отзывъ различныхъ ощущеній. Запойте въ присутствіи дитяти, или дикаря , заунывную , трогательную мелодію : на лицахъ ихъ выразится печаль , участіе , сожалѣніе. Скажите что нибудь въ упрекъ, въ угрозу; вы замѣтите въ нихъ испугъ, досаду, негодованіе, нетерпѣніе

* Spurzheim. Observations sur la phrenologie.

и т. п.; станьте читать стихи, въ размѣрѣ и созвучіи которыхъ отзывалось бы чувство живой, кипучей веселости,—дитя и дикарь запрыгаютъ, запляшутъ, или по крайней мѣрѣ, черты ихъ физіономій, ихъ мины, ихъ движенія покажутъ свѣтлое, веселое состояніе уха. Этотъ естественный, а потому живой и непосредственный языкъ чувства сохраняетъ все свое могущество надъ нашею душею даже и тогда, когда мы живемъ уже силою ума и рѣчь другаго служитъ для насъ выраженіемъ уже отвлеченныхъ понятій, идей. Въ каждомъ языкѣ междометія содѣйствуютъ очень много выразительности рѣчи: въ нихъ слышишь извѣстное потрясеніе сердца, пораженнаго тою, или другою мыслью. Каждое междометіе есть кликъ торжества, вопль отчаянія, вздохъ безмолвной грусти, трепетъ тихаго наслажденія и т. п.; въ междометіи однимъ порывомъ голоса, вдругъ, повторяется то, что раздроблено на понятія во многихъ частяхъ фразы. Отъ этого иногда одно восклицаніе тронетъ глубже, нежели цѣлая рѣчь.

Греки вполнѣ понимали, какое дѣйствіе производитъ на человѣка живое слово, т. е. интонація рѣчи, музыка произношенія. Поэты, ораторы, историки у нихъ читали свои созданія сами; и чтеніе ихъ было близко къ пѣнію. И теперь какая разница — читать, или слышать сочиненіе: читая, только понимаешь; слушая понимаешь и чувствуешь вмѣстѣ, т. е. понимаешь то, чего нельзя передать словами. *

* Herder. Über den Ursprung der Sprache.

§ 12.

Зрѣніе передаетъ намъ не одни только образы, виды, не однѣ краски, положенія и разстоянія, какъ зеркало; нѣтъ, оно открываетъ въ нихъ то, что закрыто для глазъ животнаго, — стройность, соразмѣрность, порядокъ, гармонію въ составныхъ частяхъ предмета, перспективу разстояній, колоритъ цвѣтовъ. Конечно, не въ одинаковой степени, но у всѣхъ есть эта способность, и человѣкъ еще безсознательно, безъ всякихъ примѣненій къ міру не видимому, къ идеямъ и чувствамъ души своей, уже любуется синевою неба, блескомъ звѣздъ, картиной зеленѣющихъ и цвѣтущихъ долинъ, пирамидальныхъ елей, развѣсистыхъ могучихъ дубовъ или гибкихъ ивъ, зыблющихся надъ сверкающимъ потокомъ. И это есть первое безкорыстное наслажденіе; потому что привязанность къ матери основывается на инстинктѣ самосохраненія и погребности удовлетворять физической природѣ. Это первый проблескъ высшаго чувства, когда человѣкъ цѣнитъ вещь только по ея формѣ, по ея красотѣ, а не по той пользѣ, которую онъ можетъ извлечь изъ ней.

Перспектива и колоритъ.

Слухъ также нетолько передаетъ намъ тихіе или рѣзкіе, глухіе, или чистые звуки, ясныя или невнятныя слова, но чувствуетъ въ нихъ согласіе или разногласіе, мелодію въ переходахъ одного звука изъ тона въ тонъ и гармонію въ соединеніи многихъ звуковъ, сладкозвучіе отдѣльныхъ словъ, стройное теченіе рѣчи прозаической и музыкальный размѣръ

Мелодія и гармонія.

стиха. Для этого опять нетребуется образованія, знанія, сравненія, принаровленія, помощи мысли; нѣтъ, это замѣчается какъ-то само собою.

§ 13.

Зрѣніе и слухъ благороднѣйшія чувства.

Послѣ этого вполнѣ справедливо называютъ зрѣніе и слухъ благороднѣйшими, высшими чувственными органами: они служатъ проводниками нравственныхъ и поэтическихъ впечатлѣній изъ внѣшней природы въ нашу душу. Конечно, и чрезъ осязаніе мы пріобрѣтаемъ представленіе о порядкѣ, объ округлостяхъ и соразмѣрностяхъ формъ; но это дѣлается медленно, требуетъ непосредственнаго прикосновенія къ предмету; въ этомъ всегда есть много совершенно животнаго ощущенія; притомъ можно ли чрезъ осязаніе узнать красоту развалинъ зданія, громадъ и видовъ горъ или волнующагося моря и т. п.? Но осязаніе, какъ органъ вспомогательный, содѣйствуетъ ясности впечатлѣній зрѣнія, даетъ имъ бо́льшую опредѣленность, силу, пополняетъ ихъ.

Различіе чувственныхъ органовъ по живости впечатлѣній.

Говоря вообще, по живости и опредѣленности впечатлѣній, слухъ—выше обонянія и вкуса, осязаніе—выше слуха, зрѣніе выше осязанія: но какъ есть цѣлыя племена, у которыхъ одинъ органъ развитъ значительно болѣе другихъ, точно таже разность замѣтна и въ чувственныхъ органахъ каждаго изъ насъ. Это, безъ сомнѣнія, зависитъ: 1.) отъ господствующей природной воспріимчивости того, или другаго органа, 2.) отъ вліянія случайныхъ обстоятельствъ,

содѣйствовавшихъ исключительному развитію котораго нибудь органа. Такъ, напримѣръ, зрѣніе Англійскаго матроса Андерсона было такъ хорошо, что онъ простыми глазами различалъ мачты кораблей на гаризонтѣ лучше, нежели другіе въ зрительную трубу. * Многіе купцы по осязанію легко узнаютъ цвѣтъ матеріи, и металлъ монеты; бедуинъ издали, въ цѣломъ табунѣ различаетъ ржаніе своей любимой лошади. Это иногда зависитъ и отъ силы вниманія и памяти. Впрочемъ совершенство органа состоитъ нетолько въ легкой и быстрой его воспріимчивости, но еще: 1.) въ способности долго сохранять отпечатокъ предмета ; 2.) чувствовать отношенія между однородными впечатлѣніями, которыя вдругъ на насъ дѣйствуютъ. Такъ иные по одному взгляду вѣрно опредѣляютъ разстоянія , относительную величину предметовъ, симметрію въ частяхъ цѣлаго, правильность перспективы и прелесть колорита; другіе въ этомъ отношеніи обнаруживаютъ изумительную тупость чувства. Напримѣръ , одинъ изъ жителей Лондона не могъ различать по глазомѣру высоты церкви Св. Павла отъ высоты сосѣднихъ домовъ. **

Всякому знакомы выраженія : »у него музыкальное ухо, музыкальный слухъ ; онъ музыкантъ

* Арагò Путеш. вокругъ свѣта Т. I. стр. 206.

** Garnier. La psichologie et la phrénolog. comp. 135 Paris. 1839.

отъ природы !» Дѣйствительно, нѣкоторые, еще съ малолѣтства, показываютъ особенную способность, можно сказать, инстинктъ замѣчать музыкальное отношеніе тоновъ, ихъ гармонію, а въ языкахъ—благозвучное сочетаніе буквъ въ составѣ отдѣльныхъ словъ, плавность фразы, гладкость и легкость въ переходахъ отъ одного предложенія къ другому, соотвѣтственность между складомъ рѣчи различныхъ частей сочиненія, вообще, какой-то музыкальный строй въ составѣ цѣлаго,— то, что древніе называли — numerus oratorius,—ораторскимъ размѣромъ;— это въ прозѣ: а въ стихахъ — правильное отношеніе стопъ между собою и къ цѣлому стиху, естественное, умѣстное раздѣленіе, или, какъ говорится, цезуру, разсѣчку стиха, подобозвучные отголоски риѳмъ и мелодію полнаго стиха. Есть напротивъ люди, которымъ трудно даже растолковать разницу между тонами и полутонами, между русскимъ е, и французскимъ ê, между о и eau, между нѣмецкимъ ş и ß, для которыхъ нѣтъ различія между языкомъ неровнымъ и самымъ гармоническимъ; для которыхъ стихъ звучитъ, какъ прозаическая рѣчь и нѣтъ стихотворныхъ размѣровъ .Такое явленія особенно поразительно въ людяхъ геніальныхъ. Екатерина Великая, всегда повелѣвала кому нибудь изъ знатоковъ музыки давать ей знакъ въ лучшихъ пассажахъ пьесы, чтобы аплодировать артистамъ. * Сегюръ, сопровождавшій Монархиню во время великолѣпной

* Жизнь Екатерины Великой Сумарокова

поѣздки ея въ Крымъ, по ея желанію пытался объяснить ей механизмъ французскаго стихосложенія и безъ успѣха прекратилъ свои лекціи. *

Впрочемъ способность замѣчать отношенія между частями одного ощущаемаго предмета или нѣсколькихъ, вдругъ на насъ дѣйствующихъ, независитъ всегда отъ тонкости органа. У иныхъ очень зоркіе глаза, а для колорита нѣтъ зрѣнія; или слухъ очень тонкій для отдѣльныхъ звуковъ, а нѣтъ органа для ощущенія гармоніи; осязаніе, самое чуткое, а они незамѣчаютъ красоты, порядка въ расположеніи и соотвѣтственности фигуръ, и вообще частей осязаемаго предмета. Это извѣстно изъ физіологическихъ наблюденій. **

Всѣ эти свойства и законы развитія чувственныхъ органовъ по неразрывной и не посредственной связи души съ тѣломъ имѣютъ вліяніе на дѣятельность нашей внутренней жизни и больше или меньше отзываются въ словѣ человѣка, отъ первоначальныхъ стихій языка до многосложныхъ произведеній ума и поэтическаго генія; чрезъ это можетъ быть объяснено много логическихъ, живописныхъ и музыкальныхъ свойствъ рѣчи вообще, и особенностей народныхъ и личныхъ.

§ 14.

Предметъ, подѣйствовавшій на наши органы и замѣченный нами, представляется намъ съ боль- Сила впечатлѣнія вниманія.

* Memoires du Comte Ségur.

** Vimont. T. 2. p. 283.

шею или меньшею ясностью. Это зависитъ: 1.) отъ силы впечатлѣнія; 2.) отъ силъ вниманія. Сила впечатлѣнія зависитъ: a.) отъ свойствъ предмета, поразительнаго по величію, красотѣ, странности, или безобразію; b.) отъ особенной воспріимчивости чувственнаго органа, исключительно способнаго живо отражать въ себѣ впечатлѣнія извѣстнаго рода; c.) отъ продолжительности времени, въ которое предметъ на насъ дѣйствуетъ; d.) отъ многосторонности, съ которою предметъ поражаетъ наши чувства: на примѣръ, одну линію намъ представить труднѣй, нежели довольно большую поверхность; фигуру, очеркъ тѣла труднѣй, нежели тѣло во всѣхъ его измѣреніяхъ; также, предметы огромные и въ тоже время изящные по своимъ очеркамъ и живописи мы представляемъ живѣе, нежели только огромные, но нисколько не красивые; предметъ, узнанный нами черезъ два, или три чувства, впечатлѣвается въ насъ глубже, нежели узнанный черезъ одно чувство. Очень естественно: онъ прикасается къ намъ большимъ числомъ признаковъ; его дѣйствіе — многосложнѣе, такъ сказать, массивнѣе, ударъ — сильнѣй.

Неправильно однакожъ думаютъ, что въ душѣ, какъ въ физической природѣ, противодѣйствіе всегда бываетъ равносильно дѣйствію; * нѣтъ, душа подлежитъ вліянію внѣшнихъ предметовъ; но, какъ существо нравственно-свободное, можетъ быть неза-

* Ancillon. Essais de philosophie, de politique et de litterature. T. 1. p. 81. Paris. 1832.

висима отъ нихъ въ своихъ дѣйствіяхъ ; предметъ можетъ вызывать , привлекать къ себѣ наше вниманіе; но остановить свою мысль на немъ , заниматься имъ исключительно , и въ немъ всматриваться преимущественно въ тѣ, или другіе признаки , разбирать ихъ съ большими , или меньшими подробностями , болѣе, или менѣе продолжительно , болѣе или менѣе сильно и глубоко , — это наше дѣло ; это зависитъ рѣшительно отъ нашей воли. Мы иногда съ намѣреніемъ направляемъ свое вниманіе на извѣстный предметъ , хотя онъ произвелъ на насъ впечатлѣніе легкое , поверхностное , и до такой степени погружаемся въ него, что совершенно не замѣчаемъ даже непосредственнаго дѣйствія предметовъ, съ необыкновенною силою потрясающихъ наше чувство. Такъ, во время самой жестокой операціи, человѣкъ не чувствуетъ боли, когда необращаетъ на нее ни малѣйшаго вниманія; не боится опасности, когда не занимается мыслью о ней;забываетъ даже тяжкое многолѣтнее горе, углубляясь въ науки , предаваясь искусству. Слѣдовательно, вполнѣ не произвольнаго вниманія нѣтъ ; есть впечатлѣнія, противъ нашей воли на насъ дѣйствующія, но мы всегда болѣе или менѣе сами отдаемся имъ.

Сила вниманія состоитъ: 1) въ исключительномъ направленіи его, т. е. , когда мы умѣемъ приковать мысль свою къ одному опредѣленному предмету , не развлекаясь другими , съ которыми онъ находится въ неразрывной связи ; 2) въ большей или меньшей напряженности

или глубокости вниманія; 3) въ большей, или меньшей продолжительности его.

Это зависитъ отъ природной энергіи души; а еще болѣе отъ привычки, т. е. отъ упражненія. Есть люди, которымъ мѣшаетъ размышлять малѣйшій шорохъ; а для другихъ, въ минуты ихъ умственной дѣятельности, какъ будто исчезаетъ весь міръ, кромѣ ихъ предмета; послѣдніе почти всегда бываютъ глубокими мыслителями, или пламенными энтузіастами; ихъ вообще называютъ разсѣянными, но правильнѣе надобно бы называть сосредоточенными людьми.

Во всякомъ случаѣ, очевидно, что только силою вниманія мы дѣлаемся властелинами предметовъ, а не игрушкой ихъ измѣнчиваго вліянія: чрезъ нее пріобрѣтаемъ отчетливыя и разнообразныя представленія и все богатство внутренней жизни; чрезъ нее становимся самобытными въ своей духовной дѣятельности. Въ силѣ вниманія заключается основаніе успѣховъ ума и художественности, творчества, можетъ быть, даже тайна геніальности; потому что безъ нея невозможна ни сила памяти, ни сила фантазіи, ни сила мысли, ни даже сила практическаго характера.

§ 15.

Способности души.

Впечатлѣнія внѣшней природы, входя въ наше сознаніе становятся предметами внутренней жизни и доставляютъ работу различнымъ силамъ, или способностямъ нашей души. 1) Способность, дѣ-

ятельность которой ограничивается только міромъ формъ чувственныхъ предметовъ, есть воображеніе; 2) способность сознавать непосредственныя отношенія дѣйствій воображенія и идей ума лично къ намъ самимъ — чувство или сердце; 3) способность открывать въ предметахъ внѣшней и внутренней жизни существенные, неизмѣняемые признаки, силы, законы дѣятельности и связь ихъ — умъ. Изъ этихъ трехъ способностей развивается все, что мы называемъ внутреннею, духовною жизнью человѣка: религія, наука, поэзія, или искуство. Отъ того, 1) въ какой мѣрѣ мы получили эти способности отъ природы, 2) въ какой мѣрѣ и 3) въ какомъ направленіи они развиты у насъ, 4) въ какомъ отношеніи, въ какой пропорціи дѣятельность одной находится къ дѣятельности другихъ, — отъ всего этого вмѣстѣ, зависитъ наше личное нравственное достоинство, наше величіе, или наша ничтожность; отъ этого зависитъ наше относительное значеніе въ мірѣ.

Развитіе способностей души.

Не смотря на то, что вещественная природа, животныя наши наклонности, часто варварскія привычки, предразсудки и другія болѣзни общества, стремятся подавить въ насъ эти высокія начала нашей жизни, они дѣйствуютъ, иногда медленно, незамѣтно, но безпрерывно. На нихъ основывается то святое единство, по которому человѣкъ въ человѣкѣ узнаетъ друга и брата; на нихъ основываются всѣ отрадныя надежды, что когда нибудь люди сольются въ одно семейство и будутъ господствовать надъ

природой силою идей и творчества. И только то общество, гдѣ эти силы развиваются, живетъ человѣческою жизнью; только то общество, гдѣ онѣ развиваются всѣ, развиваются стройно, живетъ жизнью многостороннею, богатою внутренними наслажденіями. Къ счастью человѣчества, потребность этого развитія если неясно сознается, то покрайней мѣрѣ, чувствуется вездѣ и очень рано. Даже тамъ, гдѣ Богопочитаніе есть грубое идолопоклонство, гдѣ знаніе немного выше инстинкта, искусство есть искаженіе природы, уже всѣ согласны, что религія, умъ и красота — предметы великіе, достойные благоговѣнія.

§ 16.

Дѣятельность воображенія.

Первоначально природа дѣйствуетъ на насъ своими формами; мы останавливаемъ вниманіе на этихъ формахъ, переносимъ ихъ въ свою душу, представляемъ ихъ въ своемъ сознаніи и впечатлѣваемъ ихъ въ себѣ съ большею, или меньшею силою и полнотою признаковъ. Такимъ образомъ мы сперва знакомимся съ внѣшнею стороною природы и въ насъ отражается міръ вещественный, «разнообразный, разноцвѣтный, почти такимъ, каковъ онъ есть.»

Предметовъ безчисленное множество; сторонъ ихъ, свойствъ — еще болѣе; они тѣснятся къ намъ отвсюду и безпрерывно поражаютъ наши чувства, а вниманіе наше въ извѣстное время можетъ быть за-

нято только однимъ представленіемъ; слѣдовательно, всякое новое представленіе должно вытѣснять изъ души представленіе, ему предшествовавшее, иначе два представленія смѣшались бы вмѣстѣ, и ни одно изъ нихъ для насъ не было бы отчетливо, ясно, точно такъ же, какъ мы немогли бы ясно разсмотрѣть двухъ вещей, если бы взглядъ нашъ мгновенно перебѣгалъ отъ одной изъ нихъ къ другой.

Сохраненіе представленій.

Но обращая вниманіе на новый предметъ, душа нетеряетъ прежнихъ представленій; въ ней есть способность сохранять формы однажды отразившихся въ ней предметовъ; случается, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ будто зачарованныя отъ вліянія времени, навсегда остаются въ душѣ, неутрачивая свѣжести и полноты перваго впечатлѣнія.

Повтореніе представленій.

Сохраняя, душа можетъ воскрешать или повторять прежде бывшія представленія, т. е. можетъ отыскивать ихъ во множествѣ другихъ представленій, вошедшихъ въ наше сознаніе, мысленно отдѣлять ихъ отъ образовъ, съ которыми они слились въ непрерывную цѣпь и снова останавливать на нихъ свое исключительное вниманіе, снова разлагать ихъ на части, пересматривать черты, ихъ обрисовывающія, краски, дающія имъ тотъ, или другой видъ, ту, или другую выразительность.

§ 17.

Преобразованіе представленій.

Какъ сила самобытная, душа неограничивается сохраненіемъ пріобрѣтеннаго и созерцаніемъ

сохраненнаго; нѣтъ, она дѣлаетъ свое употребленіе изъ сокровищъ, переданныхъ ей природою; она можетъ переработывать впечатлѣнія и выработывать изъ нихъ новыя формы, можетъ по своему произволу раздроблять на составныя стихіи образы, представлявшіеся ей въ индивидуальной цѣлости, въ нераздѣльномъ единствѣ, смѣшивать черты, замѣченныя въ различныхъ предметахъ, усиливать, или ослаблять ихъ, располагать такъ, или иначе, рисовать фигуры, составлять изъ нихъ группы, картины цѣлые, обширные и многосложные ряды картинъ, оригинальныхъ, точь-въ-точь въ такомъ видѣ нигдѣ несуществовавшихъ.

Эта способность души называется воображеніемъ; въ томъ же случаѣ, когда оно является дѣйствующимъ самостоятельно, независимо отъ непосредственныхъ впечатлѣній, — называется фантазіею. Въ первыхъ случаяхъ человѣкъ собираетъ въ природѣ цвѣты и бережетъ ихъ; въ послѣднемъ, онъ связывать ихъ въ букетъ, плететъ изъ нихъ вѣнокъ, или коверъ. *

Фантазія.

Слѣдовательно, фантазія не есть особенная способность души, отдѣльная отъ воображенія, но только особенная форма, особенное направленіе его дѣятельности.

Эти прихотливыя созданія фантазіи называются творческими мечтами, вымыслами. У Римлянъ они

Вымыслъ.

* Schiller.

назывались очень выразительно, хотя односторонно, видѣніями. *

Вотъ какъ поэтъ, удивляющій столько же роскошью, сколько величіемъ своей фантазіи, изображаетъ игры и превращенія этой могучей богини, этой причудливой волшебницы: она»

То въ утреннемъ вѣяньи
Съ лилейною вѣткою,
Одѣтая розою,
Сотканной изъ нѣжнаго
Денницы сіянія,
По долу душистому,
По холмамъ муравчатымъ,
По облакамъ утреннимъ,
Малиновкой носится;
На ландышъ, на лилію,
На цвѣтъ незабудочку,
На травку дубравную,
Спускается пчелкою,
Устами пчелиными
Впиваясь въ листики,
Пьетъ росу медвяную;
То кудри съ небрежностью,
По вѣтру развѣявши,
Во взорѣ уныніе,
Тоской отуманена,
Глава наклоненная,
Сидитъ на крутой скалѣ

* Quas Φαντασιας Graeci vocant, nos sane visiones appellamus. Quinctilianus.

И смотритъ въ мечтаніи
На море пустынное,
И любитъ прислушивать,
Какъ волны плескаются
О камни дробимыя,
И внемлетъ задумавшись,
Какъ вѣтеръ полуночный
Порой подымается,
Шумитъ надъ дубравою
Деревъ сѣнно-лиственныхъ;
То въ сумракѣ вечера,
(Когда златорогая
Луна изъ-заоблака
Надъ рощею выглянетъ,
И слившій дрожащій лучъ,
Съ вечерними тѣнями,
Одѣнетъ и лѣсъ и долъ
Туманнымъ сіяніемъ)
Играетъ съ Наядами
По гладкой поверхности
Потока дубравнаго,
И струекъ съ журчаніемъ
Мѣшая гармонію
Волшебнаго шепота,
Наводитъ задумчивость
Дремоту и легкій сонъ,
Иль быстро съ зефирами
По дремлющимъ лиліямъ,
Гвоздикамъ узорчатымъ,
Фіялкамъ и ландышамъ
Порхая, питается

Душистымъ дыханіемъ
Цвѣтовъ, ожемчуженныхъ
Росинками свѣтлыми;
Иль съ сонмами геніевъ
Воздушною цѣпію
Віясь, развиваяся,
Въ мерцаніи мѣсяца,
Невидима, видима,
По облакамъ носится
И къ рощѣ спустившися,
Играетъ листочками
Осины трепещущей.

(*Гете. Перев. Жуков.*)

§ 18.

На всѣхъ языкахъ воображеніе, по производству слова, означаетъ способность, занимающуюся преимущественно впечатлѣніями предметовъ, дѣйствующихъ на чувство зрѣнія. На русскомъ языкѣ оно происходитъ отъ слова *образъ*, видъ предмета; на латинскомъ *imaginatio* отъ слова *imago* также видъ, образъ; на Нѣмецкомъ Einbildung отъ Bild—образъ, на Греческомъ Θαντασια — явленіе, отъ Θαινω являю, представляю глазамъ: но кругъ дѣятельности его — весь міръ вещественный, міръ чувственныхъ формъ всякаго рода: мы воображаемъ, т. е. представляемъ себѣ запахи, вкусы, звуки точно также, какъ и виды предметовъ. Эти впечатлѣнія сливаются безпрерывно въ одну картину въ нашемъ воображеніи, какъ они

Впечатлѣнія, дѣйствующія на воображеніе.

бываютъ слиты въ природѣ, и какъ нераздѣльно и одновременно иногда дѣиствуютъ на наши чувства. Ограничивать воображеніе впечатлѣніями предметовъ, дѣйствующихъ только на одно чувство зрѣнія, — мнѣніе совершенно произвольное, хотя его принимаютъ знаменитые люди.* Конечно, не всѣ представленія столько опредѣленны, разнообразны и способны къ такимъ изящнымъ сочетаніямъ, какъ образы; но только отъ соединенія всѣхъ ихъ вмѣстѣ составляются картины естественныя, живыя и полныя. И сверхъ того сколько прелестныхъ и сильныхъ формъ рѣчи, сравненій, подобій, символовъ заимствуется безпрерывно отъ благоуханія цвѣтовъ, пѣнія птицъ, гармоніи музыки, прохлады или зноя воздуха, свѣжести и сладости плодовъ и т. д.

§ 19.

Такимъ образомъ, собирая свое богатство во всей безпредѣльности видимаго созданія, сила воображенія обнаруживаетъ свою дѣятельность въ трехъ видахъ, или на трехъ степеняхъ развитія: въ сохраненіи, повтореніи и преобразованіи формъ чувственныхъ предметовъ

Различіе въ сохраненіи представленія.

Представленія сохраняются въ нашемъ воображеніи не съ одинаковою: 1) ясностію, 2) не съ одинаковою полнотою, 3) неравно продолжительно. Это зависитъ: a) отъ большей или меньшей силы впечатлѣнія; b) отъ большей, или меньшей силы вниманія,

* Reid. Addisson.

которое мы обращали на предметъ, насъ поразившій; с) отъ исключительной способности нашего воображенія принимать впечатлѣнія извѣстнаго рода предметовъ и въ предметахъ схватывать больше однѣ черты, однѣ стороны, нежели другія. Напримѣръ, иной преимущественно способенъ принимать впечатлѣніе образовъ, въ нихъ—преимущественно ихъ цвѣта, изъ цвѣтовъ преимущественно впечатлѣнія одного, нежели другаго и т. д., отъ этого вмѣстѣ зависитъ и степень ясности, полноты и продолжительности, съ которою представленія сохраняются въ нашей душѣ.

Перспектива воображенія.

По причинѣ этой разности, представленія располагаются въ нашемъ воображеніи въ строгомъ перспективномъ порядкѣ: одни стоятъ передъ нами на первомъ планѣ, во всей очевидности, близкой къ непосредственному созерцанію предметовъ или ощущенію; другія мерцаютъ, какъ отдаленныя тусклыя точки, или снуются, какъ тѣни. И случается иногда, что мы живѣе представляемъ предметы, которые видѣли за десять лѣтъ, нежели тѣ, которые видѣли за десять дней. Такъ, первыя впечатлѣнія дѣтства — берега родной рѣчки, кусты, склонившіеся надъ ея водами, надколыбельные напѣвы матери или няни, крикъ какой-то дикой птицы въ кустахъ заглохшаго садика, полосы грядъ на родномъ огородѣ —, среди безчисленнаго множества предметовъ, втѣснившихся въ душу, хранятся въ ней, неотуманенныя, живыя, свѣтлыя. Мы тотчасъ издали уз-

наемъ ихъ, какъ узнаемъ старинныхъ друзей въ многолюдной толпѣ.

§ 20.

Взаимная связь представленій воображенія.

Представленія сохраняются въ нашей душѣ, только чрезъ соединеніе ихъ съ другими, прежде бывшими; входя въ наше сознаніе, они примыкаютъ къ тѣмъ, къ которымъ болѣе другихъ близки. Не связываясь ни съ однимъ образомъ, хранящимся въ душѣ, они бы неминуемо исчезли; и на оборотъ, тѣмъ крѣпче и глубже держатся, чѣмъ съ большимъ количествомъ прежнихъ впечатлѣній соприкасаются; сила одного впечатлѣнія поддерживается другими.

Законы сочетанія представленій.

Близки бываютъ представленія: 1) по сродству; 2) по противоположности.

Близость представленій воображенія по сродству.

По сродству. Воображеніемъ мы схватываемъ только формы предметовъ, ихъ внѣшнія стороны, т. е. такъ, какъ они намъ представляются на извѣстномъ пространствѣ, въ извѣстное время, въ извѣстной степени, или въ извѣстной мѣрѣ своего развитія, въ извѣстныхъ случайныхъ отношеніяхъ къ другимъ предметамъ. По этому воображеніемъ мы замѣчаемъ только внѣшнее, случайное, формальное сродство между ними, т. е. сходство въ признакахъ, повторяющихся въ различныхъ предметахъ, сходство, по которому нѣсколько предметовъ могутъ входить въ составъ одного цѣлаго, какъ части, какъ стихіи, невраждующія между собою, неразрушающія однѣ другихъ. И такъ по сродству соединяются между

собою представленія предметовъ: 1) въ которыхъ есть, или представляются намъ, одинакія свойства; такъ, напримѣръ, замѣтивъ, что шиповникъ—колючь, мы соединяемъ въ своемъ воображеніи это представленіе съ какимъ нибудь другимъ, прежде намъ знакомымъ, колючимъ растѣніемъ; представляя въ умѣ преимущественно черноту, мы соединяемъ его съ представленіемъ ворона, черныхъ волосъ, чернаго сукна и т. п. 2). По сродству соединяются представленія предметовъ, находящихся на одномъ пространствѣ т. е. извѣстномъ протяженіи, разсматриваемомъ, какъ нѣчто цѣлое; замѣтивъ новый кустъ, или камень на полѣ, мы соединяемъ это представленіе, напримѣръ, съ представленіемъ жатвы, холмовъ, людей, тѣни облака, стаи птицъ, прежде на этомъ полѣ нами замѣченныхъ; 3) соединяются между собою представленія предметовъ, близкихъ по времени: время, какъ и пространство, мы дѣлимъ произвольно, разсматривая извѣстную эпоху, какъ нѣчто цѣлое. Такимъ образомъ многіе предметы связываются въ нашемъ воображеніи единствомъ эпохи дня, мѣсяца, года, столѣтія и т. д. Напримѣръ, мѣстоположеніе, которымъ мы любовались, входитъ въ составъ одной картины воображенія со всѣми лицами, костюмами, дорогами и происшествіями, въ тотъ же день замѣченными.

Предметы сходные.

Предметы совмѣстные.

Предметы современные.

Время, какъ смѣну явленій природы и жизни человѣческой, мы всегда, и справедливо, представляемъ въ своемъ воображеніи чѣмъ-то безпрерывно

Послѣдовательность предметовъ.

движущимся, безостановочно бѣгущимъ. Настоящее есть одно неуловимое мгновеніе; будущее есть какое-то неопредѣленное предположеніе, какой-то неясный призракъ. Мы можемъ точно и опредѣленно представлять себѣ только прошедшее; оно кажется намъ уже остановившимся, неподвижнымъ, окаменѣвшимъ; но и въ прошедшемъ предметы дѣйствовали на насъ не вдругъ, не всѣ вмѣстѣ, а по очереди, одинъ послѣ другаго, такъ что пустаго, ничѣмъ незанятаго промежутка между ними небываетъ; по этому мы представляемъ предметы въ непрерывной преемственности или послѣдовательности. Такимъ образомъ между предыдущимъ и послѣдующимъ явленіемъ есть непосредственная связь въ дѣйствительности ; она повторяется и въ нашемъ воображеніи. Напримѣръ, пепелъ сгорѣвшаго дерева мы сооединяемъ въ воображеніи съ пламенемъ, когда оно еще горѣло, съ видомъ его вѣтвей, его зелени , когда еще огонь его некасался, привязывая такимъ образомъ, новое представленіе къ прежнимъ, послѣдующее къ предыдущимъ , пополняя одною чертою, или одной фигурой картину, уже хранящуюся въ нашей душѣ. 4) Съ представленіемъ различныхъ предметовъ въ пространствѣ и во времени, въ пространствѣ и во времени вмѣстѣ, мы соединяемъ представленіе извѣстнаго числа, или количества ихъ; различные по свойствамъ предметы, могутъ быть однородны по количеству и по этому количественному сродству могутъ соединяться въ нашемъ воображеніи. Наприм. представ-

Предметы одного количества.

ляя десять домовъ, мы можетъ соединить ихъ съ представленіемъ десяти человѣкъ, десяти улицъ, десяти пальцевъ и т. д. Впрочемъ, сродство представленій по однородству количественному слишкомъ слабо дѣйствуетъ на воображеніе, и въ такомъ сочетаніи предметовъ всегда гораздо больше произвола, нежели при сочетаніи представленій по другимъ отношеніямъ.

§ 21.

Предметы противоположные.

Въ природѣ все проникнуто одною жизнію; слѣдовательно, въ собственномъ смыслѣ, нѣтъ противоположныхъ предметовъ, т. е. такихъ, въ которыхъ бы ничего общаго не было. Подъ именемъ противоположностей, мы обыкновенно разумѣемъ такіе различные предметы и признаки, которыхъ непосредственно нельзя соединить вмѣстѣ въ составѣ отдѣльнаго отъ нихъ цѣлаго, (напримѣръ вода и огонь, звукъ и запахъ не могутъ быть соединены, какъ части чего нибудь третьяго) или изъ которыхъ одно невходитъ, какъ часть, какъ признакъ въ составъ другаго: напримѣръ, ширина и длина, цвѣтъ и тяжесть. Какъ бы то ни было, но эти различія, разграничивающія и предметы и признаки предметовъ, и чрезъ это дающія имъ опредѣленную форму существованія, точно также замѣчаются нами, какъ и сходства, и мы безпрерывно мысленно переходимъ отъ однихъ къ другимъ, отъ сходствъ къ различіямъ и наоборотъ. Нѣтъ человѣка, который бы находилъ

между предметами только сходства, или только различія. Итакъ пріобрѣтая новое представленіе и соединяя его съ подобными, мы тогда же и противополагаемъ его нѣкоторымъ представленіямъ.

Впрочемъ всегда одинъ любитъ болѣе сближать предметы по однородности, по сходству, отыскивая въ нихъ общія черты, скрывающіяся среди множества особенностей: другой — по противоположности, исключительно обращая вниманіе на то, чтобы рѣзче разграничивать и ярче оттѣнять картины ; тому нравится преимущественно единство,—общность; этому— пестрота, разнообразіе, особенность. Но опять и здѣсь воображеніемъ , какъ способностью чувственныхъ формъ , мы можемъ представлять себѣ только внѣшнія противоположности , именно противоположности: a) по отношенію къ случайнымъ свойствамъ ; b) къ мѣсту; c) ко времени ; d) къ количеству , или числу.

На основаніи этихъ законовъ каждое послѣдующее представленіе соприкасается безчисленными точками , связывается безчисленными нитями со всѣми представленіями предыдущими , съ одними больше, съ другими меньше.

На этой неразрывной связи представленій основывается возможность повторять, или воскрешать ихъ по прошествіи долгаго времени послѣ того, какъ предметъ непосредственно отразился въ насъ : точно также на оборотъ, повтореніе или возобновленіе прежнихъ представленій необходимо для удер-

жанія и сохраненія каждаго вновь пріобрѣтаемаго.

Живость повторенія образовъ основывается на совершенствѣ ихъ первоначальнаго напечатлѣнія въ нашей душѣ; быстрота повторенія— на большей или меньшей многосторонности связи ихъ съ другими; способъ перехода отъ однихъ образовъ къ другимъ зависитъ отъ исключительнаго направленія, т. е. отъ привычки преимущественно останавливаться на сходствѣ или различіи, на тѣхъ или другихъ чертахъ.

§ 22.

Законы возобновленія представленій.

Законы сочетанія представленій при ихъ возобновленіи тѣже, какъ и при сохраненіи ихъ. Такъ на примѣръ, представленіе огня можетъ воскрешать въ нашей душѣ представленіе. солнца, золота, воды и т. д. Одна картина, возникшая въ нашемъ воображеніи влечетъ за особою цѣлые, безконечные ряды картинъ, съ ней соприкасающихся по сродству, или противоположности.

Возобновленіе представленій необходимо: 1) для сохраненія ихъ живости, 2) для открытія въ нихъ новыхъ свойствъ и отношеній между ними: пересматривая впечатлѣнія нѣсколько разъ, мы иногда находимъ въ нихъ то, что прежде ускользало отъ нашего взгляда, или было замѣчено неполно; чрезъ это мы увеличиваемъ богатство воображенія силою внутренней своей дѣятельности, независимо отъ внѣшняго дѣйствія предметовъ. Это важно тѣмъ болѣе

что есть впечатлѣнія, которыя никогда неповторяются и, конечно, ни одно впечатлѣніе не повторяется при тѣхъ условіяхъ или обстоятельствахъ, при которыхъ мы приняли его въ первый разъ; иногда въ послѣдствіи оно дѣйствуетъ на насъ гораздо глубже, покрайней мѣрѣ, одной чертой; иногда вызываетъ давно забытое; иногда присоединяется, какъ часть, къ незамѣченной прежде картинѣ; иногда около него самаго, какъ около средоточія, группируются особеннымъ образомъ, въ особенномъ порядкѣ и сочетаніи предметы, прежде отъ него далекіе. Такъ, воображеніе, подобно природѣ, изъ однихъ и тѣхъ же матеріаловъ, чрезъ безпрерывное измѣненіе ихъ т. е. черезъ разложеніе и соединеніе, уже при повтореніи, или возобновленіи представленій, образуетъ безчисленное множество формъ.

Повторяемъ представленія мы иногда 1) въ хронологическомъ порядкѣ и въ томъ видѣ, какъ проходили предъ нами предметы; 2) иногда въ обратномъ отношеніи, восходя отъ настоящихъ впечатлѣній къ прошедшимъ; 3) иногда вполнѣ — цѣлый рядъ ихъ, въ естественномъ ихъ соединеніи; 4) иногда только отрывочно, только нѣкоторыя звѣнья; 5) всегда съ большею, или меньшею примѣсью впечатлѣній, или прежде, или послѣ пріобрѣтенныхъ; 6) иногда невольно, по соприкосновенности ихъ съ другими впечатлѣніями; 7) но мы всегда можемъ съ намѣреніемъ останавливаться болѣе или менѣе про-

должительно на однихъ, удаляя отъ себя всѣ другія.

Повтореніе, или возобновленіе представленій въ естественномъ порядкѣ.

Въ естественномъ порядкѣ, нисходящемъ или восходящемъ, бывшія представленія повторяютъ люди медленные, холодные и часто лѣнивые: воображеніе ихъ зависитъ отъ внѣшности; оно рабски копируетъ дѣйствительность; оно дѣйствуетъ механически. Люди съ подобнымъ воображеніемъ замѣчаютъ множество частностей, подробностей, пустыхъ мѣлочей, между которыми исчезаютъ для нихъ черты рѣзкія и глубокія; или правильнѣе, для нихъ нѣтъ ничего рѣзкаго; для нихъ все ровно и плоско; но за то съ другой стороны, при врожденной силѣ души и вниманіи къ поражающимъ предметамъ, они бываютъ богаты точными, положительными, опредѣленными картинами; въ воображеніи ихъ возникаютъ фигуры не въ общихъ, отвлеченныхъ, такъ сказать, геометрическихъ очертаніяхъ, но съ естественною полнотою свойствъ, безъ пропусковъ, безъ промежутковъ, такъ, что одна сторона, одна выпуклая черта связывается съ другими непрерывною цѣпью частностей, безъ которыхъ предметъ былъ бы безцвѣтенъ.

Многосложныя картины, или ряды картинъ могутъ воспроизводить въ своей душѣ только люди, способные къ напряженному вниманію, потому что только сильнымъ вниманіемъ разнообразныя представленія тѣсно и крѣпко связываются въ одно.

§ 23.

Повторяніе впечатлѣній съ измѣненіями въ нихъ

Повторять впечатлѣнія по частямъ, въ отрывкахъ, раздѣляя группы на отдѣльныя фигуры, картины на цвѣты, исторіи на явленія и отдѣльные случаи, любятъ обыкновенно люди живые, дѣятельные, но враги всякаго строгаго порядка, холодной, статистической расчетливости, особенно враги механизма; они выбираютъ обыкновенно то, что ярче бросается въ глаза, что виднѣй, массивнѣй, или выше; но пылкость и быстрота, съ которою перескакиваютъ они чрезъ большія пространства, часто препятствуетъ имъ останавливаться на однѣхъ и тѣхъ же точкахъ, а еще чаще замѣчать разнообразіе миніатюрной живописи предметовъ. Такъ иногда мы окидываемъ взглядомъ на далекомъ протяженіи кряжи горъ съ ихъ исполинскими очерками, а не видимъ равнинъ, зеленѣющихъ и цвѣтущихъ между ними, или кустарниковъ, которые лѣпятся по ихъ разсѣлинамъ.

Когда ко впечатлѣніямъ повторяемымъ мы безсознательно примѣшиваемъ другія и не отличаемъ, что они вошли къ намъ въ душу при другихъ обстоятельствахъ, отъ другихъ предметовъ и т. д., то воображеніе наше не вѣрно и сбивчиво. Такъ иные перепутываютъ мѣста, лица, костюмы, звуки, языки и проч., а между тѣмъ каждый предметъ въ отдѣльности представляютъ ясно и живо; если же мы замѣчаемъ эту примѣсь — напр. впечатлѣній одного мѣста и времени къ впечатлѣніямъ другихъ временъ

и мѣстъ, то это показываетъ только привычку находить отношеніе, связь и единство между ними, и часто есть признакъ воображенія быстраго и многосторонняго.

Эта примѣсь однихъ впечатлѣній къ другимъ есть неизбѣжное слѣдствіе ихъ взаимной соприкосновенности, и только при чрезвычайной сосредоточенности вниманія, можно приковать свое воображеніе къ извѣстнымъ предметамъ, непозволяя ему уклоняться отъ опредѣленнаго направленія и, такъ сказать, заглядываться по сторонамъ.

Безпорядокъ въ повтореніи представленій.

Всѣ формы воображенія, какъ всѣ формы, всѣ явленія природы, связаны между собою; слѣд. отъ однихъ представленій мы можемъ переходить ко *всѣмъ* другимъ; въ этомъ отношеніи человѣку нельзя предписать закона: все зависитъ отъ его личности, отъ обстоятельствъ мѣста, времени и т. д. можно только сказать, что у одного переходы отъ предметовъ къ предметамъ ближе, естественнѣй, потому что отношенія между самыми предметами многосложнѣй, многостороннѣй и очевиднѣй; что, слѣдовательно у одного воображеніе связнѣй и стройнѣй; а у другаго оно безпорядочно, такъ что иногда трудно отыскать нить, связывающую его представленія. Однажды въ Лондонѣ говорили объ Англійской революціи 1640 года. Вдругъ N. N. спрашиваетъ: а сколько на Европейскія деньги стоитъ древній сребренникъ (динарій)? Странность этого вопроса поразила всѣхъ присутствовавшихъ и они просили N. N. объяснить,

какъ отъ Англійской революціи онъ перешелъ къ сребреннику. N. N. нашелъ слѣдующій порядокъ въ представленіяхъ своего воображенія: отъ революціи онъ перешелъ къ Карлу I-му, бывшему жертвой революціи ; отъ Карла къ измѣнникамъ , предателямъ его; отъ нихъ къ воспоминанію о Спасителѣ , который былъ измѣною преданъ врагамъ ; потомъ къ предателю — Іудѣ; наконецъ къ серебреннику. Конечно тутъ есть тоже связь и связь непрерывная ; но Англійская революція и сребренникъ Іудинъ — предметы очень не близкіе: 1) по времени; 2) по свойствамъ ; 3) по дѣйствію и проч. * Воображеніе , въ которомъ подобнымъ образомъ связываются предметы, неспособно составлять никакой стройной картины; дѣйствіе его походитъ на бредъ горячечнаго, или соннаго.

Причины безпорядочнаго сочетанія представленія

Конечно , не въ такой степени , но во всякомъ изъ насъ воображеніе иногда безсвязно и безпорядочно воскрешаетъ представленія. Это бываетъ : 1) въ минуты душевнаго ослабленія , когда каждое продолжительное впечатлѣніе для насъ тяжело и утомительно, когда намъ нуженъ отдыхъ; 2) когда, сильно пораженные мыслью , или картиной , мы чувствуемъ въ душѣ избытокъ энергіи и потребность дѣятельности , а между тѣмъ ни одинъ предметъ исключительно незанимаетъ , не влечетъ насъ къ себѣ; эти минуты иногда бываютъ предвѣстіемъ творчест-

* Elemens de la philosophie. T 1. Dugald— Stewart.

ва * 3) Когда душа находится въ раздражительномъ болѣзненномъ волненіи, хочетъ освободиться отъ него, ищетъ предмета, который бы доставилъ ей отраду и созываетъ всѣ свои воспоминанія, какъ бы ожидая отъ котораго нибудь изъ нихъ дружеской помощи. Одно изъ подобныхъ состояній души выразилъ Пушкинъ въ описаніи грустнаго раздумья которому предавался бѣднякъ, лежа въ постелѣ.

Ужъ было поздно и темно;
Сердито бился дождь въ окно,
И вѣтеръ дулъ, печально воя;
Въ то время изъ гостей домой
Пришелъ Евгеній молодой . . .
. . . . . .
Стряхнулъ шинель, раздѣлся, легъ:
Но долго онъ заснуть не могъ
Въ волненьи разныхъ размышленій.
О чемъ же думалъ онъ? О томъ,
Что былъ онъ бѣденъ; что трудомъ
Онъ долженъ былъ себѣ доставить
И независимость и честь;
Что могъ бы Богъ ему прибавить
Ума и денегъ; что, вѣдь, есть
Такіе праздные счастливцы,
Ума недальняго, лѣнивцы,
Которымъ жизнь куда легка;
Что служитъ онъ всего два года;

* Пушкинъ.

Онъ думалъ также, что погода
Неунималась; что рѣка
Все пребывала, что едва ли
Съ Невы мостовъ уже несняли.

(*Мѣдный Всадникъ.*)

«Я бѣденъ; я служу всего два года; вѣтеръ и дождь неунимается;» здѣсь небольшой порядокъ въ сочетаніи представленій.

§ 24.

Зависимость фантазіи отъ внѣшнихъ впечатлѣній.

Сохраненіе и возобновленіе чувственныхъ формъ необходимы для дѣятельности фантазіи: несберегая сокровищъ, доставляемыхъ намъ природою, мы бы оставались съ пустымъ сознаніемъ; намъ бы не изъ чего было творить; а творить единственно изъ себя воображеніе не можетъ, какъ неможетъ дѣйствовать ни одна сила природы безъ содѣйствія другихъ силъ. Не пересматривая своего внутренняго богатства, мы бы незнали, что у насъ есть; оно бы лежало въ безпорядочныхъ и нераздѣльныхъ грудахъ; намъ бы не ясно представлялись впечатлѣнія; мы бы не понимали свойствъ ихъ, мы бы не были въ состояніи употребить ихъ; но вѣчнодѣятельная, творящая природа и насъ безпрерывно возбуждаетъ къ дѣтельности, то давая душѣ новые матеріалы, то пробуждая сознаніе о прежнихъ, то заставляя переходить отъ однихъ къ другимъ, переставлять ихъ, смѣшивать, раздроблять. Такимъ образомъ начало мечты, ея ма-

терія и возбудительная сила, — въ природѣ и дѣйствія фантазіи неразрывно связаны съ дѣйствіями внѣшнихъ предметовъ.

Самодѣятельность воображенія

Уже въ самомъ сохраненіи впечатлѣній есть что-то творческое; сохраненіе ихъ невозможно безъ вниманія; а вниманіе есть дѣйствіе: 1) произвольное, свободное; 2) силою вниманія мы соединяемъ черты отразившагося въ насъ предмета — a) въ извѣстной мѣрѣ, b) извѣстнымъ образомъ; слѣдовательно c) каждый изъ насъ соединяетъ ихъ по своему.

Въ повтореніи, или возобновленіи представленій еще болѣе самодѣятельности; слѣдовательно еще болѣе попытокъ творчества, стремленія къ творчеству. Тутъ мы также свободно перебѣгаемъ отъ одного представленія къ другому, иногда весьма отдаленному, черезъ длинную цѣпь представленій посредствующихъ, или промежуточныхъ, свободно останавливаемся на томъ, или другомъ, связываемъ ихъ не такъ, какъ связаны предметы, къ которымъ эти представленія относятся, слѣдовательно, также свободно, своеобразно и своенравно. Но тутъ все еще главная работа наша — только сливать впечатлѣнія новыя съ впечатлѣніями прежними и сохранять весь запасъ ихъ въ неразрывномъ единствѣ.

Въ собственномъ смыслѣ, дѣятельность фантазіи начинается тогда, когда мы изъ сочетанія представленій образуемъ: 1) новыя, нигдѣ въ дѣйствительности, въ такомъ же видѣ, несуществующія *формы;* 2) такія, которыя составляютъ что нибудь

особенное, полное, окончепное цѣлое, а не просто въ большемъ или меньшемъ количествѣ соединеніе извѣстныхъ матеріаловъ воображенія. Смѣшеніе красокъ не есть еще картина; сочетаніе нѣсколькихъ представленій не есть еще созданіе фантазіи; 3) такія, въ которыхъ отражается нѣчъ личный характеръ.

§ 25.

Виды дѣятельности фантазіи.

Фантазія составляетъ свои картины двоякимъ образомъ: 1) она слѣдуетъ тѣмъ же закономъ, которымъ слѣдуетъ природа, несмѣшивая въ одномъ фантастическомъ явленіи, или недѣлимомъ, въ одномъ цѣломъ, разнородныхъ формъ, непереступая черты раздѣленія, положенной между различными царствами созданія. Тогда фантазія производитъ *не то, что* производитъ природа, но *также, какъ* природа; картины ея — не копіи, снятыя съ дѣйствительности, но сходны съ дѣйствительностью. Онѣ создаются воображеніемъ, но имѣютъ всѣ свойства, всѣ условія естественныхъ; въ нихъ человѣкъ дѣйствуетъ, какъ человѣкъ, животное, какъ животное, растеніе какъ растеніе и проч., дѣйствуетъ соотвѣтственно своему природному характеру, своей стихіи, т. е. тѣмъ качествамъ, которыми каждое изъ нихъ отличается отъ существъ другаго рода. Напримѣръ, человѣкъ не летаетъ по воздуху, или не живетъ въ огнѣ, рыба не говоритъ, цвѣтокъ не поетъ и т. п.

Естественное соединеніе формъ въ картинахъ фантазіи.

Вотъ картина сѣвернаго сіянія, составленная Козловымъ:

. . . Углубленъ въ моихъ мечтахъ,
Подъ буркой я лежалъ въ санѣхъ,
И снѣгъ копытами взвѣвая,
Неслася тройка удалая,
И мой ямщикъ унывно пѣлъ,
И колокольчикъ мой звенѣлъ.
Ужъ ночь морозная настала;
Ямщикъ коней легонько гналъ
И подрѣзь по снѣгу визжала;
А я подъ пѣснею дремалъ.
Вдругъ бѣгъ коней остановился;
Открылся взоръ усталый мой;
Гляжу: стоимъ; ямщикъ крестился;
Зажглося небо надо мной,
Горитъ кровавою зарей;
Волнуясь, сѣверъ пламенѣетъ,
То весь багровый, то блѣднѣетъ,
И море зыбкаго огня
Готово хлынуть на меня.
Холоднымъ блескомъ рдяной ночи
Невольно ужаснулись очи;
Клубясь въ сверкающихъ волнахъ,
Столбы багряные явились,
То расходились, то сходились,
Сливались, таяли въ лучахъ,
Иль, разсыпаяся, дымились;
И зарево съ высотъ небесъ
Сіянье страшное бросало

На снѣжный долъ, на ближній лѣсъ;
Оно таинственно мерцало;
Пушистый иней вкругъ вѣтвей
Березъ высокихъ, соснъ косматыхъ
Трепещетъ въ искрахъ красноватыхъ;
И снѣжные ковры полей
Гдѣ пожелтѣли, гдѣ алѣютъ;
Вездѣ дрожащій, чудный свѣтъ,
Какого днемъ и ночью нѣтъ;
Свѣтло и страшно; — лишь темнѣютъ,
Со всѣхъ сторонъ омрачены,
Лѣсныхъ враговъ глубины.
И въ полѣ только раздастся
Звонъ колокольчика порой,
И тихо изъ лѣсу несется
Болковъ голодныхъ дальній вой.

. . . . . .

И кони борзые пугливо
Храпятъ, какъ будто чуя диво.
Ямщикъ молчалъ, смотрѣлъ кругомъ
И молвилъ мнѣ: «Не предъ добромъ!
«Вѣрна примѣта, не обманетъ:
«Намъ черный годъ, бѣда нагрянетъ;
«Столбы — къ войнѣ, а пламя — моръ;
«Того гляди, опять наборъ!»
Напрасно, гнавъ его сомнѣнье,
Я толковалъ ему явленье;
Не понялъ онъ, какъ »мерзлый паръ
Среди снѣговъ родитъ пожаръ« *
Едва везти меня рѣшился,

* Ломонос.

Онъ возжи взялъ, перекрестился,
Лѣниво сѣлъ, махнулъ кнутомъ
И повторилъ: «Не предъ добромъ!»

(*Козловъ*).

Это не копія того, или другаго сѣвернаго сіянія; да и какъ вполнѣ, совершенно скопировать хотя одно явленіе природы? Но здѣсь всѣ подробности *возможны*, согласны съ дѣйствительностію, все въ *порядкѣ вещей*; даже болѣе: здѣсь узнаемъ русскую природу, русскую ѣзду, русскаго крестьянина съ его опасеніями, набожностію, привычкою толковать все по своему, особенно сны и воздушныя явленія, съ его недовѣрчивостію къ понятіямъ людей другаго, высшаго сословія.

Вотъ описаніе смерти офицера, погибшаго на Кавказѣ.

На берегу, подъ тѣнью дуба,
Пройдя заваловъ длинный рядъ,
Стоялъ кружокъ; одинъ солдатъ
Былъ на колѣняхъ; мрачно, грубо
Казалось выраженье лицъ,
Но слезы капали съ рѣсницъ,
Покрытыхъ пылью, на шинели:
Спиною къ дереву лежалъ
Ихъ капитанъ . . . онъ умиралъ:
Въ груди его едва чернѣли
Двѣ раны; кровь изъ нихъ чуть, чуть
Сочилась; но высоко грудь
И трудно поднималась; взоры

Бродили страшно ; онъ шепталъ :
«Спасите , братцы ! — Тащутъ въ горы !
«Постойте ! . . . гдѣ же генералъ ? . . .
«Не слышу . . .» долго онъ шепталъ ,
Но все слабѣй , и по немногу
Затихъ и душу отдалъ Богу.
На ружья опершись кругомъ,
Стояли усачи сѣдые
И тихо плакали ; потомъ
Его останки боевые
Покрыли бережно плащемъ
И понесли . . .
Уже затихло все: тѣла
Изрубленныхъ стащили въ кучу . .
. . . . . Кровь потекла
Струей багровой по каменьямъ:
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ; генералъ
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ;
Окрестный лѣсъ , какъ бы въ туманѣ ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ ;
А тамъ вдали — грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной
Тянулись горы . . . и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ : жалкій человѣкъ !
Чего онъ хочетъ ? . . . Небо ясно:
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ:

Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ . . . За чѣмъ? . . .

(*Лермонтовъ.*)

Многія изъ подробностей здѣсь изображенныхъ, можетъ быть, всѣ — дѣйствительныя, а невымышленныя; но изъ цѣлой битвы *выбрать* именно эту сцену, *соединить* ихъ въ картину, соединить именно *такъ*, а не иначе, *одну черту* выразить *рѣзче*, сильнѣе другой, *обставить* все такими, а не другими предметами, дать цѣлому изображенію извѣстный характеръ, или колоритъ — это принадлежитъ фантазіи поэта. Въ этомъ случаѣ воображеніе подчиняется тѣмже законамъ, какъ и при повтореніи, или воспроизведеніи представленій, именно сближаетъ предметы: по сходству, по противоположности, по совмѣстности и т. д.

§ 26.

Составленіе картинъ фантастическихъ, въ тѣсномъ смыслѣ.

2) Фантазія составляетъ свои картины, заимствуя изъ природы только матеріалы и формы, но совершенно измѣняя порядокъ ея, смѣшивая ея царства, свойства однихъ существъ давая другимъ, словомъ, уничтожая законы матеріальной необходимости и границы, которыя положены развитію силъ каждаго созданія. Такого рода картины называются собственно *фантастическими*. Въ этомъ фантастическомъ мірѣ все *иное*, или живетъ и дѣйствуетъ

иначе, нежели на самомъ дѣлѣ: тутъ есть и сапоги-самоходы, и коверъ — самолетъ, и богатыри — голова съ пивной котелъ, въ плечахъ косой сажень, и карлики, дерева съ золотыми яблоками, жаръ-птица, ключи живой и мертвой воды и пр... Въ такихъ картинахъ нѣтъ внѣшняго, такъ сказать, физическаго единства, но есть единство внутреннее — согласіе частей съ мыслью, которая скрывается подъ картиной, даетъ ей жизнь, занимательность и естественность.

§ 27.

Виды воображенія.

Впечатлѣнія, преимущественно поражающія нашу душу извнѣ суть образы и звуки; потому и воображеніе развивается преимущественно также въ двухъ направленіяхъ: оно бываетъ *пластическое* и *тоническое*. Человѣкъ съ пластическимъ воображеніемъ особенно живо принимаетъ впечатлѣнія предметовъ видимыхъ, т. е. дѣйствующихъ на зрѣніе, скоро, вѣрно схватываетъ не только рѣзкія черты ихъ, но и подробности и оттѣнки; отразившіяся въ немъ картины природы сохраняются безъ всякаго со стороны его усилія, сохраняются долго, не тускнѣя не увядая; въ немъ есть способность какъ-то безотчетно, инстиктуально открывать стройность въ ихъ составѣ и художественно соединять ихъ съ другими картинами. Такъ русскій офицеръ, пробывшій нѣсколько дней въ плѣну у Табасаранскихъ разбойниковъ, послѣ нарисовалъ довольно вѣрно портреты

Пластическое.

нѣкоторыхъ изъ нихъ. * Одинъ Англичанинъ снялъ портретъ съ италіянца Мази, приходивъ къ нему раза три, или четыре, чтобы напечатлѣть въ своемъ воображеніи черты его физіономіи. ** Одинъ скульпторъ, послѣ десятилѣтней слѣпоты своей, сдѣлалъ изъ гипса статую Папы Урабана VIII, котораго онъ, конечно часто видалъ прежде; сходство было поразительное. ***

И здѣсь замѣтно въ воображеніи опять два направленія: 1) оно способно болѣе схватывать или только линіи, очерки предметовъ, ихъ фигуры; 2) или способно болѣе замѣчать цвѣта, краски предметовъ. Перваго рода воображеніе называютъ *очертательнымъ*; второе *цвѣтнымъ* — (coloriste). Только при соединеніи этихъ двухъ свойствъ, воображеніе становится художественнымъ, или живописнымъ; потому что предметы видимые пріятны намъ не по однимъ очеркамъ, или цвѣтамъ; но по тому и другому вмѣстѣ.

Воображеніе очертательное и цвѣтное (coloriste)

и живописное.

§ 28.

Тоническое воображеніе есть способность особенно живо и сильно принимать впечатлѣнія звуковъ, различать въ нихъ большую, или меньшую степень чистоты (timbre), продолжительности и т. п., сохранять, возобновлять и легко соединять ихъ въ гармо-

Тоническое воображеніе.

* Марлин:

** Римъ и Тоскана. Пужула ч. 1 стр. 78.

*** Delille. poëme — imagniation.

нические аккорды. При содѣйствіи другихъ силъ души, оно дѣлается музыкальнымъ. Есть цѣлые народы, которые замѣтно отличаются чувствомъ мелодіи, такъ на примѣръ: Италіянцы, Нѣмцы, Русскіе; для другихъ прелесть музыки не существуетъ; таковы — напримѣръ Голландцы, Англичане.

Воображеніе музыкальное.

Музыкальность воображенія обнаруживается также способностью къ гармоніи рѣчи въ стихахъ и прозѣ, и больше въ томъ или другомъ. Такъ Цицеронъ писалъ весьма плохіе стихи; а между тѣмъ прозаическій языкъ не только въ ораторскихъ рѣчахъ, но и философскихъ его сочиненіяхъ въ высшей степени плавенъ, текучъ и строенъ; припомнимъ, что римляне не употребляли риѳмы: слѣдовательно, въ стихахъ затруднялъ его просто только размѣръ. Горацій писалъ очень дурно въ прозѣ. Бюффонъ и Монтескьё положительно утверждали, что стихъ стѣсняетъ дарованіе и что только въ прозѣ можно въ точности выразиться: но, по свидѣтельству Цицерона, Антипатеръ, уроженецъ Сидонскій, могъ всегда говорить гекзаметрами; и стихи его лились свободно и стройно. * Попъ, Англійскій поэтъ, писалъ гораздо опредѣленнѣй, отчетливѣй и легче въ стихахъ. ** Вспомнимъ о греческихъ рапсодахъ, арабскихъ и италіянскихъ импровизаторахъ. Многіе изъ жителей Петербурга, безъ сомнѣнія, еще не забыли, съ какою

* Harris. Rcherches philosophiques. p. 109—110.

** Elemens d. ph. Dugald—Stew. P. p. 222.

изумительною прихотливостью Г. Джюстиніани игралъ механизмомъ, размѣромъ и риѳмами рѣчи Тасса и Петрарки. Въ этомъ случаѣ много значитъ навыкъ: но навыкъ есть только развитіе природной способности.

Односторонность въ развитіи воображенія.

Такая односторонность въ развитіи воображенія иногда доходитъ до удивительной крайности: бываютъ люди, для которыхъ достаточно только однажды посмотрѣть на предметъ, и онъ навсегда оставляетъ въ нихъ свой отпечатокъ, живой и полный: но имъ стоитъ большихъ усилій, чтобы удержать въ воображеніи двѣ-три ноты, или куплетъ стиховъ. Наоборотъ, иные, прослушавъ цѣлую и многосложную музыкальную пьесу, или большое стихотвореніе, могутъ точь-въ-точь повторить ихъ; такъ Моцартъ, прослушавъ одинъ только разъ *Stabat mater dolorosa*, пришелъ домой и написалъ эту пьесу съ удивительною точностію; но для этакихъ же людей бываетъ трудно представить извѣстное мѣстоположеніе, покрой и матерію платья, черты и цвѣтъ физіономіи. Это много зависитъ отъ природнаго совершенства и отъ исключительнаго развитія преимущественно органа зрѣнія, или слуха.

Въ иныхъ людяхъ эти два вида воображенія чуднымъ образомъ соединяются между собою: цвѣта и звуки для нихъ равно живы, стройные очерки и размѣры картинъ, равно какъ и гармоническія созвучія, для нихъ легко ощутительны.

§ 29.

Колоритъ воображенія.

При всемъ разнообразіи свойствъ и направленій, въ воображеніи какъ пластическомъ, такъ и тоническомъ всегда бываетъ замѣтна его наклонность преимущественно или къ величественному, массивному, важному, или къ нѣжному, тихому, прелестному. Это можно назвать *колоритомъ*, или *стилемъ* воображенія. Такъ Державинъ всегда любитъ яркіе цвѣта, — блескъ, размѣры *обширные*, формы *колоссальныя*. Въ этомъ отношеніи болѣе другихъ могутъ служить доказательствомъ его *Павлинъ*, *Соловей* и къ *Ручью*.

Павлинъ.

Какое гордое творенье
Хвостъ пышно расширяя свой,
Чернозелены въ искрахъ перья
Со разсыпною бахрамой
Позадь чешуйной груди кажетъ,
Какъ нѣкій круглый, дивный щитъ?

Лазурно-сизы-бирюзовы
На каждаго концѣ пера,
Тѣнисты круги, волны новы
Струиста злата и сребра:
Наклонитъ, — изумруды блещутъ!
Повернетъ, — яхонты горятъ!

Не то ли славный Царь пернатый?
Не то ли райска птица-Жаръ,

Которой столь уборъ богатый
Приводитъ въ удивленье тварь?
Гдѣ ступитъ, — радуги играютъ!
Гдѣ станетъ, — тамъ лучи вокругъ!

Конечно, сила и паренье
Орлиныя въ ея крылахъ,
Гласъ трубный, лебедино нѣнье
Въ ея пресладостныхъ устахъ,
А пеликана добродѣтель
Въ ея и сердцѣ и душѣ.
. . . . . .

(*Державинъ*).

Кажется, павлинъ — предметъ, самъ по себѣ, не величественный: но какими блестящими, великолѣпными красками онъ изображается! *Искры*, *лазурь*, *бирюза*, *золото*, *серебро*, *изумруды*, *яхонты*, *радуги*, *лучи*, — *орлиное* паренье, *трубный* голосъ! . . . Слушая эти выраженія: *лазурно-сизы-бирюзовы круги*, *волны* струиста *злата* и *сребра*, *радуги* играютъ, *лучи* вокругъ,» легко подумать, что поэтъ описываетъ сѣверное сіяніе, или другое величественное воздушное явленіе.

Еще болѣе это направленіе воображенія Державина къ картинамъ массивнымъ и яркимъ видно въ его стихотвореніи: *Соловей*.

На холмѣ, сквозь зеленой рощи,
При блескѣ свѣтлаго ручья,
Подъ кровомъ тихой майской нощи
Вдали я слышу соловья.
По вѣтрамъ легкимъ, благовонным ,
То свистъ его, то звонъ летитъ;
То шумомъ заглушаетъ водным,
Вдыханьемъ сладостным томитъ.

Пѣвецъ весенних дней пернатый,
Любви, свободы и утѣхъ !
Твой гласъ отрывный, перекаты
Отъ грома къ нѣжности, отъ нѣгъ
Ко плескамъ, трескамъ и перунамъ,
Средь позднихъ, ранних красных зарь,
Раздавшись неба по лазурямъ,
Въ безмолвіе приводятъ тварь.

Молчитъ пустыня изумленна ,
И ловитъ громъ твой жадный слухъ,
На крыльяхъ эха раздробленна
Плѣняетъ пѣснь твоя всѣхъ духъ,
Тобой цвѣтущій долъ смѣется,
Дремучій лѣсъ пускаетъ гулъ;
Рѣка бѣгущая чуть льется,
Стоящій холмъ чело нагнулъ,

И свѣсясь со скалы кремнистой,
Густокудрява мрачна ель,
Напѣвъ твой яркій, голосистый
И разсыпную звонку трель,

Какъ очарованна внимаетъ.
Не смѣетъ двинуться луна,
И свѣтъ свой слабо испускаетъ:
Восторга мысль моя полна!

Какая громкость, живность, яспость
Въ созвучномъ пѣніи твоемъ
Стремительность, пріятность, каткость
Между колѣнъ и перемѣнъ!
Ты щелкаешь, крутишь, поводишь,
Журчишь и стонешь въ голосахъ,
Въ забвенья души ты приводишь
И отзываешься въ сердцахъ.

О! если бы одну природу
Съ тобою взялъ я въ образецъ,
Воспѣлъ боговъ, любовь, свободу:
Какой бы славной былъ пѣвецъ!
Въ моихъ бы пѣснях жаръ и сила
И чувствы были, вмѣсто словъ;
Картину, мысль и жизнь явила
Гармонія моихъ стиховъ.

Пѣсня соловья, сумракъ, безмолвіе и сладость весенней ночи — все располагаетъ воображеніе къ мечтамъ тихимъ и нѣжнымъ; но поэтъ не могъ удержаться отъ привычныхъ картинъ: «Звонъ, плескъ, трескъ, перуны, раздающіеся среди лазуреваго неба, громъ, отзывающійся въ изумленной пустынѣ гулъ — это черты картины грозной, поражающей; это кра-

ски для изображенія бури. И какая обстановка! Шумъ водъ, дремучій лѣсъ, кремнистая скала, мрачная ель!... Слушая пѣсни соловья, поэтъ не забывалъ однакожъ любимыхъ предметовъ, которые по своей угрюмости, или по своему дикому величію, гармонируютъ съ его душею.

Стихотворенія Жуковскаго напротивъ вездѣ исполнены картинъ тихихъ, граціозныхъ, пѣжно-меланхолическихъ: тишина, туманъ, сумракъ вечера, полусвѣтъ утра, тусклое сіяніе мѣсяца, идиллическія сцены патріархальной сельской жизни, младенческая невинность ангельскихъ лицъ, тонкія, легкія линіи дѣвственной красоты, или дѣтски-беззаботно игривой и рѣзвящейся, или сладко мечтающей и безболѣзненно грустящей . . . . . Безпрерывную цѣпь подобныхъ изображеній представляетъ *Ундина*.

§ 30.

Вліяніе природы и общественной жизни на воображеніе.

На воображеніе человѣка имѣютъ самое сильное вліяніе впечатлѣнія предметовъ природы, среди которой онъ живетъ: земля и небо, климатъ, состояніе атмосферы, зной и холодъ, богатство, роскошь растительности и животнаго царства, или безплодіе пустынь, всѣ свойства и формы мѣстности, кладутъ на воображеніе свой отпечатокъ. Теперь чтеніе дѣлаетъ намъ доступными всѣ страны свѣта и знакомитъ съ природою въ разнообразныхъ ея видахъ; поэтому воображеніе наше иногда обогащается такими картинами, которымъ нѣтъ ничего подобнаго въ

предметахъ, насъ окружающихъ: но природа сильнѣе всякой книги; непосредственныя впечатлѣнія живѣе всякихъ описаній; по этому сквозь чужеземныя краски всегда будутъ пробиваться неизгладимыя черты родной природы.

Воспитаніе во всѣхъ его видахъ и направленіяхъ, образъ жизни, общество, бытъ семейный и гражданскій — и даже всякое случайное вліяніе даетъ нашему воображенію пищу, а слѣдовательно, сообщаетъ ему извѣстныя свойства и содѣйствуетъ природѣ, чтобы дать ему опредѣленное развитіе.

Вотъ картина, которую могло создать только воображеніе, полное впечатлѣній могучей и колоссальной природы юга. Поэтъ описываетъ, какъ къ Индѣйскому царю Бимѣ собрались знаменитые гости, цари и царевичи, чтобы представиться его дочери— Дамаянти:

Они прошли сквозь златые
Своды высокихъ дверей, какъ львы сквозь разсѣлину.
Въ блескѣ
Свѣжихъ, душистыхъ вѣнковъ, въ сергахъ драгоцѣнныхъ сидѣли
Тамъ величавые гости на пышныхъ, упругихъ подушкахъ;
Тѣсно ихъ сонмище было, какъ львиная грива густая;
Полная жъ ими палата казалась разинутымъ зѣвомъ
Тигра, полнымъ зубовъ. И было тутъ, чѣмъ любоваться:
Крѣпкія бедра, какъ будто столбы, литые изъ мѣди,
Сильныя мышцы и плечи, какъ будто могучіе дубы;

Съ гибкими пальцами руки, какъ змѣи съ пятью головами;
Гордыя шеи, свѣтлымъ гранитнымъ зубцамъ на вершинахъ
Горныхъ подобныя, въ блескѣ прекрасныхъ, веселъемъ горящихъ
Лицъ и пышныхъ волосъ, и высокихъ бровей, и огнистыхъ глазъ.

Львы, проходящіе сквозь разсѣлину скалы, блестящіе цвѣты, разинутый зѣвъ тигра, полный зубовъ, ноги по крѣпости, и по цвѣту кожи (Индѣйцы мѣднаго цвѣта) похожіе на мѣдные столбы, руки, какъ змѣи, сонмище тѣсное, какъ густая львиная грива, пышные волосы, высокія брови, огнистые глаза — это краски мѣстныя: чувствуешъ, что поэтъ насмотрѣлся на нихъ съ дѣтства; онъ привыкъ къ нимъ; сравненія эти для него обыкновенны и естественны, а намъ кажутся странными по ихъ новизнѣ и, безъ сомнѣнія по тому, что съ этими величественными образами въ нашей душѣ не возникаетъ живо ни берегъ священнаго Гангеса, ни божественная глава Гиммалая, ни широколиственный бананъ, ни хижина, сплетенная изъ тростника, ни южно-пламенный взглядъ роднаго существа.

Намъ знакомѣе дикій и бѣдный, но также въ своемъ родѣ величественный и прекрасный сѣверъ. Всмотримся, какъ отразился онъ въ воображеніи норманна. « Въ скандинавскомъ сборникѣ законовъ сохранилась слѣдующая клятва, употреблявшаяся во

время примиренія наслѣдниковъ убитаго съ убійцею: «Побратавшіеся дѣлятъ все между собой по-поламъ, какъ друзья, не какъ враги. Гдѣ ни встрѣтятся, на сушѣ, иль на морѣ, на кораблѣ, иль на камнѣ подводномъ, на волнахъ, иль на конѣ, дѣлятъ все пополамъ, весла и ведра, землю и доски, вездѣ, гдѣ нужда ни застигнетъ. Они всегда питаютъ взаимную дружбу, какъ отецъ къ сыну и сынъ къ отцу. Кто нарушитъ клятву, тотъ изгонится изъ отечества, куда только можетъ человѣкъ быть изгнанъ, туда, гдѣ христіане въ церковь не ходятъ, а язычники въ храмы, туда, гдѣ огонь не горитъ и земля не зеленѣетъ, гдѣ дитя не плачется по матери . . . . . , гдѣ дрова не питаютъ огня, не ходятъ корабли, щитъ не блеститъ, снѣгъ отъ солнца не таетъ, пухъ не летаетъ, не ростетъ сосна, ястребъ не паритъ въ длинный вешній день и вѣтеръ не стоитъ подъ обоими его крыльями, гдѣ небо не сводомъ, а земля не жильемъ; гдѣ вихорь не воетъ и къ морю вода не струится; гдѣ люди хлѣба не сѣютъ.» . . . . *)

Здѣсь, очевидно, говоритъ человѣкъ, знакомый съ бурями, подводными скалами, отмелями, кораблекрушеніями, опасностями и нуждами; человѣкъ, рожденный въ странѣ холодной и суровой: для него огонь — истинное благо, для него прекрасна земля, покрытая хотя одною зеленью; для него отрадно ве-

* Изъ Grimm's Deutsches Recht — въ соч. П. Колмыкова о символизмѣ права. 1839. стр. 43—44

сеннее солнце, отъ котораго уже таетъ снѣгъ; это говоритъ воинъ, которому пріятенъ блескъ щита; мореходецъ, для котораго корабль — иногда единственное средство спасти отъ голодной смерти себя, свою семью, или даже свой родной край, иногда — другъ его дерзкихъ предпріятій, мести, блистательныхъ побѣдъ, романическихъ приключеній и т. п. *) Это говоритъ человѣкъ, которому ужасна страна, гдѣ люди не сѣютъ хлѣба; потому что въ его отчизнѣ земля сама собой не производитъ ничего для удовлетворенія самыхъ первыхъ потребностей; а между тѣмъ ему милы предметы родной природы: и сосна, и ястребъ, и вой вихря и потокъ, образовавшійся отъ растаявшаго снѣга и стремящійся въ море.

Другими картинами наполнено воображеніе бедуина: въ слѣдующемъ отрывкѣ, взятомъ изъ одного Арабскаго стихотворенія, есть нѣкоторыя характеристическія черты мѣстности и народности.

«Исчезли становища бедуиновъ съ ихъ подвижными шатрами; опустѣли города и отъ водопроводовъ ихъ остались только голые слѣды. Тамъ и сямъ разбросанные обломки ихъ, кажется, заключаютъ въ себѣ какую-то таинственную мысль. И все это уже только развалины! Годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ тутъ были жители; прошли и мѣсяцы священные и мѣсяцы простые. Весенними дождевыми созвѣздіями много и долго орошались эти обломки; изъ громо-

* Histoire des Normands. Depping.

выхъ тучь лился на нихъ и крупный дождь и мелкій дождь, лился изъ тучи ночной, изъ тучи утренней, разстилающей мракъ по небосклону, и изъ тучи вечерней, издающей прерывчатые громы. И высоко развѣтвился надъ ними Айгуканъ и по обоимъ скатамъ горы стали водиться дикія козы и строфокамилы. Глазастые газели лежатъ надъ новорожденными дѣтьми; а другіе козлята разбѣгаются по долинѣ. Дождевые ручьи смываютъ пыль съ этихъ остатковъ, и обломки камней выказываются изъ подъ земли. Такъ выступаютъ черты древнихъ письменъ, подновляемыя калемомъ, или узоры на тѣлѣ, подновляемые рисовальщицей. Она сыплетъ ровными кругами свои краски, и — изъ подъ руки ея является рисунокъ.

И остановился я и хотѣлъ вопросить эти остатки: но за чѣмъ вопрошать то, что вѣчно нѣмо и не издаетъ ясной рѣчи? Какъ голы эти развалины! А когда-то здѣсь обитало пѣлое племя; оно уѣхало и оставило послѣ себя только канавки, да конопатку своихъ жилищъ.*»

§ 31.

Вмѣстѣ съ дѣятельностію воображенія въ душѣ человѣка пробуждается и познавательная способность. Она называется *умомъ*, *разумомъ*, *разсудкомъ*, *смысломъ*. Въ значеніи этихъ словъ есть нѣкоторые оттѣнки различія: но въ сущности они выражаютъ одно и тоже. Познавательная способность.

Предметъ познанія составляютъ: 1) явленія природы физической, отражающіеся въ нашихъ

* Перев. съ Араб. С. Ч.

чувственныхъ органахъ; 2) дѣйствія самыхъ чувственныхъ органовъ; 3) дѣйствія воображенія, чувства и самаго ума: словомъ міръ внѣшній, природа вещественная, и міръ внутренній, природа духовная.

Предметы познанія.

О Богѣ и мірѣ высшихъ духовъ намъ сообщаются истины въ Св. откровеніи.

Недѣлимое.

Всякій предметъ, принимаемый за единицу, разсматриваемый, какъ особенное цѣлое, составленное изъ извѣстнаго количества частей, называется недѣлимымъ, индивидуальнымъ, или единичнымъ, не потому, чтобы его нельзя было раздѣлить, но потому что мы беремъ его, какъ самостоятельное данное, въ полномъ составѣ, какъ цѣлое, а не какъ часть другаго цѣлаго. Напримѣръ, мы беремъ за единицу для своего размышленія тѣло человѣка: оно есть недѣлимое; беремъ только голову, представляя ее, какъ своего рода особенное цѣлое: это-тоже недѣлимое; беремъ въ разсмотрѣніе только глазъ, зрачекъ глаза, и это недѣлимыя.

Примѣръ изъ внутренней, или духовной жизни человѣка: всякое впечатлѣніе, производимое предметомъ на душу, есть недѣлимое; но если раздробить это впечатлѣніе: то и картина, доставляемая имъ воображенію, и ощущеніе, раждающееся отъ него въ сердцѣ, и мысль, пробуждаемая имъ въ умѣ, также — недѣлимыя. Слѣдовательно, наши познанія начинаются съ познанія недѣлимыхъ.

Размышленіе.

Познанія мы достигаемъ чрезъ *размышленіе*; размышленіе есть пріуготовительная работа и условіе

познанія. Оно производится слѣдующимъ образомъ: изъ многихъ предметовъ чувственныхъ, или духовныхъ мы выбираемъ одинъ, останавливаемъ на немъ свое вниманіе, разлагаемъ (анализисъ) его на составныя части, или признаки, отыскиваемъ части, или признаки временные, измѣняющіеся, случайные, и постоянные, неизмѣняющіеся, существенные, потомъ снова слагаемъ ихъ (синтезисъ) въ одно цѣлое представленіе ума, которое соотвѣтствуетъ извѣстному цѣлому, недѣлимому предмету.

Это представленіе есть недѣлимое, единичное, индивидуальное понятіе. Недѣлимое понятіе.

§ 32.

Но ни одинъ предметъ несуществуетъ и не можетъ существовать въ совершенной отдѣльности отъ другихъ; напротивъ, какъ частица вселенной, онъ находится въ связи со всѣми другими, входящими въ составъ этого безконечнаго цѣлаго; слѣдовательно, чтобы вполнѣ узнать какой нибудь предметъ, намъ надобно бъ было узнать всѣ его отношенія къ цѣлой природѣ, т. е. ко всѣмъ другимъ предметамъ: но какъ это выше силъ человѣческихъ, то мы стараемся, по крайней мѣрѣ, пріобрѣсти познанія, сколько возможно, болѣе многостороннія, и недѣлимыми понятіями довольствоваться не можемъ.

Для этого мы сравниваемъ недѣлимыя понятія, находимъ, что въ нихъ есть нѣкоторыя сходныя черты, или признаки, отдѣляемъ или отвлекаемъ (ана- Общее понятіе.

лизъ) ихъ отъ другихъ признаковъ, несходныхъ, слагаемъ (синтезъ) въ одно представленіе ума, которое соотвѣтствуетъ уже не одному недѣлимому, но многимъ, имѣющимъ одинакіе признаки—цѣлому классу, разряду, или роду предметовъ. Это представленіе называется понятіемъ общимъ, отвлеченнымъ.

Такимъ же образомъ мы поступаемъ и съ общими понятіями и восходимъ къ другимъ, болѣе общимъ, болѣе отвлеченнымъ. На примѣръ *N. N.* есть единичное понятіе; жилецъ извѣстнаго дома — понятіе общее; житель извѣстнаго города — болѣе общее; житель извѣстной губерніи — еще болѣе общее, и т. д. Слѣдовательно, въ общемъ отвлеченномъ понятіи, съ одной стороны, мы представляемъ извѣстное количество признаковъ; съ другой — извѣстное количество предметовъ, которымъ всѣмъ равно приписываются одинакіе признаки. Первое т. е. количество признаковъ, которыми мы связываемъ въ одно общее понятіе нѣсколько предметовъ, называется содержаніемъ; второе, т. е. количество предметовъ, которые посредствомъ одинакихъ признаковъ связываются въ нашемъ умѣ въ одно, называется объемомъ понятія.

Содержаніе и объемъ понятія.

Объемъ и содержаніе понятія находятся въ противоположномъ отношеніи между собою: съ увеличеніемъ объема понятія, уменьшается его содержаніе; съ увеличеніемъ содержанія, уменьшается его объемъ; очень естественно, когда мы возмемъ въ асчетъ большее количество предметовъ, то, конеч-

Отношеніе между объемомъ и содержаніемъ понятія.

но, найдемъ между ними меньше сходныхъ признаковъ; наоборотъ, когда возмемъ меньшее число предметовъ, то найдемъ больше сходства между ними.

Между русскимъ и его соотечественниками больше сходства, нежели между Русскими и Европейцами, между Русскими и Европейцами опять больше, нежели между народами всего земнаго шара, и т. д. По этому, когда мы отнимаемъ отъ понятія признаки, оно дѣлается общее; когда прибавляемъ къ понятію признаки, оно дѣлается частнѣе; напр: человѣкъ, русскій, образованный, съ Европейскими идеями, и Европейскимъ вкусомъ. Станемъ отдѣлять по одному признаку отъ содержанія понятія. Здѣсь признаки: 1) Русскій, 2) образованный, 3) съ Европейскими идеями; 4) съ Европейскимъ вкусомъ. Съ отнятіемъ каждаго признака — объемъ понятія будетъ дѣлаться обширнѣй. Русскихъ больше, нежели образованныхъ русскихъ, образованныхъ больше, нежели образованныхъ по-Европейски; Русскихъ, раздѣляющихъ Европейскія понятія больше, нежели такихъ, которые съ умственнымъ Европейскимъ образованіемъ соединяютъ и Европейскій вкусъ.

§ 33.

Понятіе видовое и родовое.

Если одно изъ понятій заключается въ объемѣ другаго, т. е. если мысля объ одномъ, мы въ тоже время неминуемо мыслимъ и о другомъ, какъ о составной части перваго: то понятіе, заключающееся

въ другомъ, называется частнымъ, подчиненнымъ, низшимъ, меньшимъ, тѣснѣйшимъ, видовымъ, а понятіе, въ которомъ оно заключается, въ отношеніи къ нему, называется общимъ, подчиняющимъ, высшимъ, большимъ, обширнѣйшимъ, родовымъ. Такъ какъ степеней общности, или обширности понятій безчисленное множество, то одно и то же понятіе, въ различныхъ отношеніяхъ, можетъ быть названо общимъ и частнымъ: *общимъ* — когда станемъ разсматривать его въ отношеніи къ низшимъ, въ немъ заключающимся понятіямъ; *частнымъ*, — когда станемъ его разсматривать въ отношеніи къ высшему понятію, въ которомъ оно, со многими другими, само заключается. Напримѣръ, изъ понятій: наука, географія, географія Россіи, географія Мало-россіи, понятіе — географія Россіи есть общее въ отношеніи къ понятію — географія Мало-россіи, но частное въ отношеніи къ понятію — географія; а понятіе — географія, общее въ отношеніи къ понятію географія Россіи, есть въ то же время частное въ отношеніи къ понятію наука.

Относительное значеніе видоваго и родоваго понятія.

Подводя какое нибудь понятіе подъ высшее, мы показываемъ: 1) съ какими другими понятіями это подводимое понятіе находится въ сродствѣ: 2) какимъ общимъ признакомъ, или какими многими общими признаками, оно связывается съ ними; или говоря иначе, мы показываемъ, съ какими понятіями и почему надобно отнести его къ одному разряду.

Родовой призн.

Высшее понятіе составляетъ родовой признакъ каждаго низшаго. Этимъ родовымъ признакомъ мы отличаемъ подчиненное понятіе отъ другихъ, несродныхъ съ нимъ понятій и отъ другихъ родовыхъ понятій, которымъ оно не подчиняется. Такъ, напримѣръ, говоря, что географія есть наука, мы показываемъ сродство географіи съ другими науками и въ тоже время отличаемъ ее этимъ признакомъ отъ другихъ предметовъ, съ ней несродныхъ, отъ другихъ родовъ, или классовъ, напримѣръ, отъ изящныхъ искусствъ, отъ ремеслъ, отъ нравственныхъ поступковъ, отъ свѣтскихъ увеселеній и т. п.; нельзя сказать: географія есть наука и ремесло, или одно изъ свѣтскихъ увеселеній и т. п.

§ 34.

Понятія соподчиненныя.

Понятія, заключающіяся въ одномъ общемъ высшемъ понятіи, какъ части одного умственнаго цѣлаго, какъ виды одного рода, называются однородными; какъ части, всѣ равно принадлежащія къ составу цѣлаго, какъ виды, находящіеся въ одинаковомъ, равномъ отношеніи къ своему роду, въ равной подчиненности ему, называются соподчиненными (вмѣстѣ подчиненными). Напримѣръ, понятія: исторія, географія, физика, теорія словесности, всѣ заключаются въ понятіи: наука и суть въ отношеніи къ нему — понятія однородныя и соподчиненныя. Понятіе—исторія находится къ понятію наука въ такомъ же отношеніи, какъ географія, физика и теорія

словесности. Здѣсь различія между ними нѣтъ: каждое изъ нихъ есть такая же единица, какъ и всѣ другія; равенство ихъ заключается въ равенствѣ отношенія къ высшему общему понятію; признакъ, принадлежащій одному, принадлежитъ и всѣмъ другимъ; весь кругъ понятій держится въ единствѣ и скрѣпляется одною общею связью. «Это жемчужное ожерелье, сквозь зерна котораго проходитъ одна и таже нить» — сказалъ кто то — слишкомъ роскошно для такой суровой науки, какъ логика, но живописно и вѣрно.

Видовой признакъ.

Будучи равны въ отношеніи къ своему высшему понятію, подчиненныя понятія не равны между собою, и одно не можетъ быть признакомъ другаго; нельзя сказать: географія есть теорія словесности, физика есть географія. Признаки, которыми одно изъ этихъ понятій отдѣляется, или разграничивается отъ другихъ, принадлежащихъ къ одному съ нимъ роду, составляютъ видовое его отличіе. Такимъ образомъ извѣстныя понятія въ одномъ отношеніи сходны, или согласны между собою, въ другомъ различны: географія, физика, теорія словесности, сходны между собою въ томъ, что каждая изъ нихъ есть наука, то есть что въ каждой изъ нихъ есть 1) идеи положительныя; 2) идеи связанныя между собою; 3) идеи прикрѣпленныя къ одному основному началу, къ одной господствующей идеѣ; различны тѣмъ, что каждая изъ нихъ есть наука, имѣющая свой особенный, исключительно ей принадлежащій предметъ. Первымъ признакомъ (наука)

онѣ всѣ вмѣстѣ, цѣлымъ классомъ, цѣлымъ родомъ отличаются отъ другихъ классовъ; вторымъ признакомъ (собственный предметъ) отличаются каждая въ особенности, по одиначкѣ, другъ отъ друга.

Показать: 1) родовое, и 2) видовое отличіе ка- Опредѣ-
кого-нибудь понятія — значитъ опредѣлить его, т. е. леніе.
показать существенныя и постоянныя его отношенія ко всѣмъ другимъ понятіямъ: напримѣръ, теорія словесности есть наука, въ которой объясняются общіе начала, законы и формы произведеній словесности. Это — опредѣленіе теоріи словесности; здѣсь есть родовое отличіе теоріи словесности — наука, и видовое — въ ней объясняются общія начала, законы и формы словесныхъ произведеній. Первымъ она вмѣстѣ съ другими однородными предметами — географія, физика и проч. отличается отъ всего, чего нельзя назвать наукой; вторымъ она одна, въ особенности, отличается отъ другихъ наукъ.

Это дѣйствіе мысли — составленіе опредѣленій, не есть произволъ, пустая игра ума: оно есть отраженіе дѣятельности природы, есть повтореніе въ нашемъ умѣ того, что есть въ природѣ: потому что въ природѣ все живетъ общею, родовою, и въ тоже время частною, единичною жизнью; всякое существо находится въ связи съ цѣлымъ созданіемъ; но всякое же существо живетъ иначе, нежели всѣ другія, живетъ по своему, въ своей особенной формѣ. Законы логики и законы природы одни и тѣ же. Природа

дѣйствуетъ логически ; логика есть пояснение законовъ природы.

§ 35.

Наведеніе.

Неимѣя возможности пересматривать *всѣхъ* признаковъ въ сравниваемыхъ предметахъ, мы иногда заключаемъ отъ сходства въ нѣкоторыхъ чертахъ о сходствѣ въ цѣломъ ихъ составѣ. Неимѣя возможности пересматривать всѣхъ недѣлимыхъ, относящихся къ извѣстному классу, мы отъ сходства между нѣкоторыми изъ нихъ, заключаемъ о сходствѣ между всѣми ; такого рода предположеніе сходства — есть *наведеніе*; а дѣйствіе ума, переходящаго отъ частнаго къ общему называется путемъ *восхожденія*. Это стремленіе ума связывать въ одно представленіе части, или признаки недѣлимаго, а тысячи представленій недѣлимыхъ въ одно общее понятіе есть 1) усиліе отыскать общее родство природы, ту единую творческую, неисчерпаемую жизнь, которая присутствуетъ во всѣхъ разнообразныхъ явленіяхъ ; 2) усиліе привести наши понятія въ такую же гармонію, въ какой находятся всѣ созданія природы: намъ хочется, чтобы мысли наши были живымъ отраженіемъ дѣйствительности, чтобы міръ понятій соотвѣтствовалъ міру существъ.

Путь восхожденія.

Путь нисхожденія—подведеніе понятій.

Если можно восходить отъ понятій единичныхъ къ общимъ : то на оборотъ можно нисходить отъ понятій общихъ къ понятіямъ единичнымъ ; въ такомъ случаѣ мы раздѣляемъ то, что было соеди-

нено, дробимъ цѣлое на части. Этотъ путь *нисхожденія* называется еще подведеніемъ, или подчиненіемъ понятій.

§ 36.

Это развитіе ума предполагаетъ въ немъ память. Память

Память иногда принимаютъ за одно съ воображеніемъ; на многихъ языкахъ, вмѣсто выраженія — представить себѣ, или вообразить прежде видѣнный предметъ, голосъ, мѣстоположеніе, запахъ, вкусъ, употребляются слова: вспомнить, привести на память, воскресить въ памяти; но это доказываетъ только, что дѣйствія памяти и воображенія не разрывны, и отъ однихъ мы переходимъ къ другимъ.

Кажется, существенное различіе между памятью и воображеніемъ состоитъ въ томъ, что памятью мы сохраняемъ и приводимъ снова въ свое сознаніе понятія, а не образы: къ понятіямъ мы присоединяемъ образы, для понятій создаемъ образы, которые служатъ имъ чувственной формой, или оболочкой; но воображать понятій мы не можемъ. Какъ вообразить напримѣръ понятія: государство, законъ, справедливость, благосостояніе, религія, учепость, искусство и т. д. Такъ, если мы разговарпвали съ кѣмъ нибудь, то представить себѣ по прошествіи нѣкотораго времени фигуру этого человѣка, его костюмъ, мѣсто, гдѣ мы съ нимъ видѣлись, его голосъ, музыкальность, или нестройность его рѣчи, однимъ словомъ, все чувственное, внѣшнее, — есть дѣло Различіе между памятью и воображеніемъ.

воображенія ; а представить предметъ разговора, образъ воззрѣнія извѣстнаго человѣка на этотъ предметъ, сторону, съ которой онъ этотъ предметъ разсматривалъ, порядокъ мыслей въ его разговорѣ, выводы, до которыхъ онъ дошелъ, это—дѣло памяти. Конечно , слово и понятіе, теченіе рѣчи и теченіе мыслей, картины воображенія и идеи ума , вдругъ входятъ въ нашу душу; однакожъ это не одно и тоже.

Даже , можно представлять себѣ образъ, не представляя понятія , подъ нимъ скрывающагося. Такъ дѣти живо воображаютъ лица, виды природы, происшествія, описываемыя въ сказкахъ и повѣстяхъ, а не понимаютъ внутренняго ихъ смысла. Такъ въ живописныхъ стихотвореніяхъ, они обыкновенно ничего невидятъ, кромѣ картинъ воображенія. Прочтите для опыта дитяти семи или осьми лѣтъ слѣдующіе стихи Державина, въ которыхъ онъ говоритъ, обращаясь къ Богу :

«Какъ искры сыплются, стремятся
Такъ солнцы отъ тебя родятся
Какъ въ ясный, мразный день зимой.
Пылинки инея сверкаютъ, —
Вратятся, зыблются, сіяютъ:
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ тобой» —

объясните ему каждое слово: дитя, вообразитъ себѣ искры, сыплющіяся изъ кремня, иней, сверкающій въ воздухѣ, летающія солнцы и звѣзды; а идея о всемогуществѣ безконечно-творческой жизни для него останется за-

крытою. Значитъ, дитя возметъ только картину, матеріалъ для своего воображенія, а не для памяти.

Отличіе памяти отъ воображенія еще болѣе видно изъ того, что люди самые памятливые, ученые, глубокомысленные, умъ которыхъ полонъ разнообразныхъ идей, бываютъ часто сухими, холодными, людьми безъ воображенія, не только неимѣютъ фантазіи, но не могутъ ясно представлять себѣ формъ самыхъ обыкновенныхъ, самыхъ знакомыхъ предметовъ. *

Дѣятельность памяти состоитъ въ томъ, чтобы: 1) сохранять пріобрѣтенныя понятія; 2) возобновлять или воскрешать ихъ въ нашемъ сознаніи. Дѣйствія памяти.

Условія и законы сохраненія понятій ума одинаковы съ условіями и законами сохраненія картинъ въ воображеніи.

Что бы возобновлять понятія, надобно переходить отъ одного изъ нихъ къ другому; слѣдовательно, надобно сближать ихъ, или находить между ними непосредственную связь.

Непосредственно близкими, или соприкосновенными понятіями, называются тѣ, въ которыхъ для перехода отъ одного къ другому нѣтъ надобности въ третьемъ, — изъ которыхъ одно возбуждается другимъ въ нашемъ умѣ. Близкія понятія.

Въ непосредственной связи находятся понятія: 1) общее и частное; на примѣръ, представляя себѣ

* Essais. Montaigne.

ель, мы отъ этого понятія переходимъ къ понятію— *дерево*, отъ понятія — дерево, къ понятію растѣніе, и на оборотъ. Тутъ — связь естественная: въ одномъ частномъ понятіи мы представляемъ себѣ признаки, принадлежащіе всѣмъ частнымъ, слѣдовательно, цѣлому роду; 2) понятія сходныя; а) единичныя сходныя: такъ напримѣръ, физіономія одного человѣка напоминаетъ физіономію другаго, у котораго есть хотя нѣкоторыя черты одинакія съ первымъ; b) общія понятія сходныя: такъ на примѣръ, развитіе жизни растѣнія и развитіе жизни человѣка; увяданіе растѣнія и смерть человѣка; 3) понятія противоположныя: а) единичныя, b) общія.

При этомъ не надобно забывать, что извѣстныя понятія въ одномъ отношеніи бываютъ сходны, въ другомъ противоположны.

4) Понятія причины, дѣйствія и орудія: такъ отъ понятія о кисти (орудіи) мы непосредственно можемъ переходить къ понятію о художникѣ (причинѣ) или къ понятію о картинѣ (дѣйствіи, или произведеніи); отъ понятія о картинѣ къ понятію о кисти и художникѣ; отъ понятія о художникѣ — къ понятію о картинѣ и кисти.

§ 37.

Общія формы соединенія понятій.

Въ такихъ переходахъ ума отъ одного понятія къ другому заключаются всѣ возможныя *формы* его дѣятельности, всѣ *способы*, или пріемы соединенія мыслей, неизмѣнные, общіе, свойственные, не одно-

му человѣку, не одному времени, но всему человѣчеству. Основываясь на этомъ умственномъ родствѣ, мы легко можемъ слѣдить мысли другъ друга, какое бы пространство и какіе бы вѣка насъ ни раздѣляли.

Въ доказательство, что именно такимъ образомъ связываются мысли въ нашемъ умѣ, разберемъ нѣсколько примѣровъ въ прозѣ и стихахъ.

О ПОЭЗІИ.

«Поэзія — сей пламень небесный, который менѣе или болѣе входитъ въ составъ души человѣческой — сіе сочетаніе воображенія, чувствительности, мечтательности, поэзія нерѣдко составляетъ и муку и услажденіе людей, единственно для нея созданныхъ. Есть минуты дѣятельной чувствительности: ихъ испытали люди съ истиннымъ дарованіемъ; ихъ—то должно ловить на лету живописцу, музыканту, и болѣе всѣхъ поэту: ибо онѣ рѣдки, преходящи и зависятъ часто отъ здоровья, отъ времени, отъ вліянія внѣшнихъ предметовъ, которыми по произволу мы управлять не въ силахъ. Но въ минуту вдохновенія, въ сладостную минуту очарованія поэтическаго, я никогда не взялъ бы пера моего, еслибъ нашелъ сердце, способное чувствовать вполнѣ то, что я чувствую, еслибы могъ передать

ему всѣ тайныя помышленія, всю свѣжесть моего мечтанія и заставить въ немъ трепетать тѣже струны, которыя издали голосъ въ моемъ сердцѣ. Гдѣ сыскать сердце, готовое раздѣлять съ нами всѣ чувства и ощущенія наши? Нѣтъ его съ нами — и мы прибѣгаемъ къ искусству выражать мысли свои, въ сладостной надеждѣ, что есть на землѣ сердца добрыя, умы образованные, для которыхъ сильное и благородное чувство, счастливое выраженіе, прекрасный стихъ и страница живой, краснорѣчивой прозы суть сокровища истинныя» . . . (Бат).

«Поэзія и пламень небесный—предметы сходные: по чистотѣ, по могуществу, по рѣдкому явленію, по своему вліянію и т. д. Поэзія и воображеніе, чувствительность, мечтательность, эти понятія относятся какъ общее (поэзія) къ частному (воображеніе, чувствительность, мечтательность). «Поэзія менѣе или болѣе входитъ въ составъ души человѣческой»—эта мысль есть предыдущее и причина, основаніе, а мысль «поэзія не рѣдко составляетъ муку и услажденіе людей» — есть послѣдующее, дѣйствіе. «Есть минуты дѣятельной чувствительности» — эта мысль въ отношеніи къ понятію—чувствительности вообще есть частное понятіе: чувствительность — родъ; а дѣятельная т. е. сильно возбужденная чувствительность — видъ; въ отношеніи къ мысли — «входитъ въ составъ души человѣческой» поэзія — причина: поэзія сильно волнуетъ наше сердце; слѣдоват. входитъ въ составъ духовной дѣятельности. Въ отно-

шеніи къ мысли «составляетъ муку и наслажденіе человѣка»—также причина: поэзія сильно дѣйствуетъ на чувство; потому и составляетъ наслажденіе и муку человѣка. «Ихъ (минуты дѣятельной чувствительности) испытали люди съ истиннымъ дарованіемъ» это противоположность мысли «есть минуты дѣятельной чувствительности: есть минуты дѣятельной чувствительности, но не для всѣхъ, а только для людей съ истиннымъ дарованіемъ. «Ихъ-то должно ловить на лету живописцу, музыканту, а болѣе всѣхъ поэту.» Это послѣдующее къ мысли «есть минуты и проч.» «ибо онѣ рѣдки» это причина, почему надобно ими пользоваться; «преходящи,» вторая причина; «зависятъ часто отъ здоровья, отъ времени и проч... третья причина. «Но въ минуту вдохновенія я не взялъ бы пера моего;» это—мысль противоположная мысли—«должно ловить на лету минуты вдохновенія. «Еслибы нашелъ сердце, способное чувствовать то, что я чувствую». Это предполагаемое предыдущее, условіе, въ отношеніи къ мысли: «не взялъ бы пера въ минуту вдохновенія.» «Еслибы могъ передать ему всѣ тайныя помышленія, всю свѣжесть моего мечтанія и заставить въ немъ трепетать тѣ же струны, которыя издали голосъ въ моемъ сердцѣ.» Это, во первыхъ частности въ отношеніи къ мысли «еслибы нашелъ сердце, способное раздѣлять мои чувства; во вторыхъ, опять предыдущее въ отношеніи къ мысли:» не взялъ бы пера... «Гдѣ сыскать сердце, готовое раздѣлять съ нами всѣ чувства наши?» Это противоположность къ мыс-

ли «не взялъ бы пера.» «И мы прибѣгаемъ къ искусству выражать мысли свои» это слѣдствіе къ мысли:» нѣтъ человѣка, который бы могъ непосредственно намъ сочувствовать: нѣтъ такого человѣка; а потому мы и выражаемъ мысли свои. «Въ сладостной надеждѣ, что есть на землѣ сердца добрыя и проч.». . . это еще причина, почему мы выражаемъ свои мысли.

КЪ ДРУГУ.

(1819).

Когда изъ глубины души моей угрюмой,
Гдѣ грусть одна живетъ въ тоскѣ нѣмой,
Проступитъ мрачная на блѣдный образъ мой
И осѣнитъ чело мнѣ черной думой;
На сумрачный ты видъ мой непрощи;
Мое страданіе свое жилище знаетъ;
Оно сойдетъ опять во глубину души,
Гдѣ нераздѣльное, безмолвно обитаетъ.

Гнѣдичъ.

«Въ душѣ моей живетъ одна нѣмая грусть» это — предыдущее, причина; «проступаетъ иногда на блѣдный образъ мой» — это послѣдующее, дѣй-

ствіе; «осѣнитъ чело мнѣ черной думой» — послѣдующее. «На сумрачный ты видъ мой перопщи», противоположность мысли подразумѣваемой: и печаль, выразившаяся на лицѣ моемъ, произведетъ на тебя непріятное впечатлѣніе. «Мое страданіе свое жилище знаетъ» — причина, почему другъ поэта не долженъ роптать на его задумчивость. «Оно сойдетъ опять во глубину души» — слѣдствіе въ отношеніи къ мысли: «мое страданіе свое жилище знаетъ».

ДУМА.

(1832).

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ничьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ, сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ;
Прошелъ одинокъ его — тощее поле.
На коемъ, какъ въ знойной Ливійской юдолѣ,
Невстрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю,
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ:
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

Здѣсь общее понятіе: печаленъ мой жребій — раздроблено на частныя: печаленъ былъ въ дѣтствѣ, печаленъ при вступленіи въ свѣтъ, печаленъ въ продолженіи всей жизни и печаленъ теперь — въ дряхлой старости.

§ 38.

Произвольность и непроизвольность въ сочетаніи понятій.

Переходы отъ одного понятія къ другому бываютъ въ высочайшей степени и происходятъ: 1, иногда безъ всякаго напряженія ума, непроизвольно,—по какимъ нибудь случайнымъ причинамъ; 2, иногда мы съ намѣреніемъ и слѣдовательно съ меньшимъ или большимъ усиліемъ отыскиваемъ извѣстныя отношенія между своими понятіями. Такимъ образомъ память даетъ намъ возможность пробѣгать безчисленные ряды мыслей и пользоваться всѣмъ запасомъ пріобрѣтенныхъ познаній.

На способности живо воскрешать прежнія представленія ума основывается: 1, живость соображенія т. е. легкость находить разнообразныя многосторонія отношенія между самыми отдаленными понятіями; 2, возможность приводить всѣ понятія ума въ порядокъ, связывать ихъ послѣдовательно, такъ чтобы одно служило объясненіемъ, или доказательствомъ другаго, и прикрѣплять къ одному основному общему понятію.

Система.

Совокупность понятій, опирающихся на одномъ основаніи, т. е. на одной общей мысли, находящихся во взаимной связи и развитыхъ въ послѣдователь-

номъ порядкѣ, называется системою. Система можетъ быть болье или менѣе обширна; опредѣленнаго объема въ развитіи понятій для составленія системы нельзя назначить; поэтому правильно говорится: система наукъ вообще, система словесности, система грамматики, система словопроизводства именъ существительныхъ и т. д. Здѣсь все различіе состоитъ въ количествѣ развиваемыхъ понятій; а способъ ихъ развитія и соединенія во всѣхъ случаяхъ долженъ быть одинъ и тотъ же.

Въ системѣ всѣ понятія подчиняются одно другому, какъ частное общему, будетъ ли она развиваема путемъ восхожденія, или путемъ нисхожденія; съ нарушеніемъ подчиненія между понятіями разрывается ихъ внутренняя связь, какая находится между предметомъ и признакомъ, и слѣдовательно нарушается система; потому что тогда умъ нашъ не можетъ найти перехода отъ основанія къ послѣдствіямъ и наоборотъ. Такой безпорядокъ или такая безсвязность въ мысляхъ происходитъ отъ незнанія надлежащаго отношенія между понятіями, т. е. когда мы считаемъ однородными понятія разнородныя, или разнородными однородныя.

Изслѣдованіе законовъ и формъ соединенія мыслей составляетъ предметъ логики; по этому нарушеніе системы или безпорядокъ въ мысляхъ называется еще отсутствіемъ логики, или отсутствіемъ логической послѣдовательности.

§ 39.

Потребность системы.

Человѣкъ, по своей природѣ, стремится къ систематическому построенію понятій ; безъ этого невозможно развитіе ума ; всѣ знанія наши были бы отрывочными; одно изъ нихъ не служило бы матеріаломъ, или основаніемъ для другихъ: 1, мы немогли бы составить ни одного общаго понятія ; потому что для этого необходимо отыскивать связь между понятіями частными ; 2, мы не могли бы общаго понятія раздробить (анализировать) на части; потому что переходъ отъ общихъ понятій къ частнымъ возможенъ только тогда , когда мы находимъ между ними сродство, слѣдоват. опять связь. Эта потребность логической послѣдовательности, порядка , или лучше сказать, согласія въ мысляхъ, есть въ нашемъ умѣ выраженіе , символъ всеобщаго закона жизни— гармоніи.

Отъ этого стройное теченіе мыслей производитъ на нашу душу дѣйствіе , которое напоминаетъ впечатлѣнія пзящныхъ образовъ, живописныхъ видовъ, граціозныхъ движеній человѣка, созвучій музыки. Греки живо чувствовали это единство законовъ мысли и искуства: все умственное, нравственное и художественное образованіе человѣка у нихъ было извѣстно подъ именемъ музыки. Логика сестра поэзіи. Стройная система, логическая связь въ мысляхъ есть, можно сказать, художественная форма ихъ.

§ 40.

Познаніе несостоитъ въ одной логической строй- Наука.
ности понятій, во внутренней ихъ гармоніи между собою. Если основаніе ложно, то, естественно, и всѣ понятія, ему подчиненныя и изъ него выводимыя, также будутъ ложны; тогда система будетъ только искуснымъ сцѣпленіемъ призраковъ ума; нѣтъ, мысли наши должны еще гармонировать съ предметами, къ которымъ онѣ относятся: единичное понятіе должно быть мысленнымъ образомъ недѣлимаго предмета, родовое понятіе — представленіемъ цѣлаго класса, или семейства предметовъ; система — картиной извѣстной стороны природы физической, или нравственной. Только при этихъ условіяхъ понятія наши бываютъ истинными, мысли становятся знаніемъ, система дѣлается наукой.

Слѣдовательно, система и наука — не одно и тоже; науки безъ связи и послѣдовательности въ понятіяхъ быть не можетъ; а можетъ существовать система, понятія которой несоотвѣтствуютъ дѣйствительному бытію предметовъ, не служатъ представленіями того, что въ самомъ дѣлѣ есть.

Въ каждомъ предметѣ мы замѣчаемъ двѣ сто- Двѣ стороны жизни и знанія.
роны: 1) его дѣйствія, его измѣненія, тѣ безчисленные, разнообразныя, временныя его состоянія, которыя безпрерывно въ немъ смѣняются одни другими. Это—сторона явленій, формъ его существованія. Его опытъ. Изучить пеструю, подвижную картину

этой стороны предмета съ различными ея оттѣнками и переходами значитъ — узнать его исторію. Во 2-хъ, мы замѣчаемъ что-то, постоянно дѣйствующее въ предметѣ, что-то, сокрытое подъ его явленіями, что-то, неизмѣнное, при всѣхъ переходахъ его изъ одного состоянія въ другое. Это — силы, т. е. тѣ дѣятельныя начала, отъ которыхъ зависитъ существованіе предмета въ томъ, или другомъ видѣ, которыя выражаются въ различныхъ перемѣнахъ жизни предмета. Силы, въ своемъ дѣйствіи, подчиняются постоянно однимъ и тѣмъ же общимъ условіямъ; развиваются опредѣленными способами, отъ которыхъ никогда не отступаютъ. Эти границы, эти размѣры, назначенные природой дѣятельности силъ, называются законами. Силы и законы силъ составляютъ вторую сторону предмета. Объяснить силы и законы, проявляющіяся въ разнообразныхъ состояніяхъ предмета значитъ написать его теорію. Исторія представляетъ намъ его картину, его такъ сказать, внѣшность и занимаетъ насъ живописью подробностей, въ ихъ естественной характеристикѣ въ ихъ фактической положительности и опредѣленности; теорія разкрываетъ намъ душу, внутренній смыслъ предмета, тайны его бытія; теорія есть высшая часть знаній опытныхъ.

§ 41.

Соединеніе исторіи и теоріи.

Безъ исторіи теорія не возможна; потому, что исторія представляетъ предметы для наблюденія и

соображенія, — явленія, дѣйствія, первые матеріалы мысли: безъ теоріи исторія будетъ знаніемъ поверхностнымъ, мелочнымъ, бездушнымъ, потому что не будетъ вести ни къ чему. Слѣдовательно, только въ соединеніи свѣдѣній историческихъ съ теоретическими состоитъ то знаніе, котораго ищетъ умъ нашъ, знаніе полное, живое; потому что только тогда оно есть отраженіе дѣйствительности; только тогда идетъ объ руку съ природой, въ которой явленія, силы и законы составляютъ одно гармоническое, прекрасное созданіе. Думать, что природа состоитъ изъ многихъ участковъ, изъ которыхъ каждый управляется своими особенными законами, не имѣя никакой связи съ другими — значитъ оскорблять мудрость Божественнаго ума и нарушать требованія человѣческаго разсудка; * безъ высшаго, теоретическаго воззрѣнія на природу, мы не найдемъ въ ней единства. Слѣдовательно, нельзя представлять и наукъ въ видѣ отдѣльныхъ участковъ, несоединяемыхъ между собою никакими общими началами, или идеями.

§ 42.

Природа физическая и нравственная.

Вселенная раздѣляется на двѣ части; природу существъ физическихъ и нравственныхъ: силы природы физической дѣйствуютъ по законамъ необходимости, по преобладанію одной изъ нихъ надъ другою; напримѣръ, если я брошу камень, то онъ не

* Buffon. Histoire de l'homme. T. III. p. 80 — 81.

встрѣчая противодѣйствія, непремѣнно полетитъ, непремѣнно въ ту сторону, въ которую двинетъ его сила моей руки, ни ближе, ни дальше, а непремѣнно до того мѣста, до котораго могла добросить рука моя; чувственный органъ невольно принимаетъ впечатлѣніе: мы не можемъ не видѣть предмета, который представляется глазамъ нашимъ; животное инстинктуально, по безотчетному влеченію, переходитъ изъ одной части свѣта въ другую; иногда самъ человѣкъ дѣйствуетъ невольно, покоряясь впечатлѣнію удовольствія, или страха: въ этомъ случаѣ, онъ — существо чувственное, физическое. Здѣсь, въ этихъ поступкахъ, нѣтъ идеи объ обязанности — дѣйствовать такъ, а не иначе. Здѣсь господствуетъ неизбѣжная, механическая необходимость.*

Но человѣкъ можетъ дѣйствовать независимо отъ внѣшняго вліянія, даже вопреки внѣшнему вліянію, по внутреннему побужденію, по сознанію, по увѣренности, что такъ, или иначе должно дѣйствовать; онъ признаетъ что нибудь хорошимъ, или дурнымъ, и мысленно, по своему соображенію, по расчету, рѣшается на поступокъ.

Воля. Способность такъ дѣйствовать называется волею или нравственною свободою человѣка. Напримѣръ, я хочу склонить кого нибудь къ извѣстному предпріятію, убѣждаю его умъ, дѣйствую на его воображеніе и чувство: но склониться на мои убѣжденія,

* Du perfectionnement moral. T. 1. ch. IX. p. 120. Degerando.

согласиться, или нѣтъ на предлагаемое предпріятіе— зависитъ отъ него; его личному сознанію, его чувству, его волѣ предоставляется рѣшиться на это: онъ свободенъ; насильно внести въ его душу убѣжденіе— невозможно. Только дѣйствуя по убѣжденію, по выбору человѣкъ является существомъ нравственнымъ.

Система понятій о законахъ дѣятельности человѣка, какъ существа свободнаго, есть наука нравственности. Желанія и поступки, согласные съ этими законами, называются добрыми. Добр.

И такъ то, что въ умѣ человѣка есть истинна, въ жизни практической, въ поступкахъ въ отношеніи къ себѣ и другимъ людямъ, есть добродѣтель. Добродѣтель есть осуществленіе истинны, есть истинна въ нашихъ дѣйствіяхъ *.

Изъ этого очевидна связь между умственнымъ образованіемъ, между познаніями, и нравственностію человѣка: чѣмъ вѣрнѣе взглядъ человѣка на предметы, чѣмъ чище, возвышеннѣе его понятія о Богѣ, самомъ себѣ и природѣ, словомъ, чѣмъ онъ просвѣщеннѣе: тѣмъ онъ благороднѣе, тѣмъ добродѣтельнѣе. Такъ ложныя идеи о Богопочитаніи были причиною, что многіе народы приносили въ жертву людей; по ложнымъ идеямъ о могуществѣ государства у Лакедемонянъ были расторгнуты всѣ святыя узы семейства и истреблены человѣческія чувства; рабство, которое оправдывалось и одобрялось законами, Связь между умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ.

* Vico. Scienza nuova.

было слѣдствіемъ ложныхъ понятій о правѣ завоевателя надъ побѣжденнымъ. Для Грековъ и Римлянъ всякій иностранецъ, всякій плѣнникъ былъ варваръ, не человѣкъ; его, какъ рабочій скотъ, можно было продать, промѣнять, проиграть въ кости, убить по своей прихоти. Понятія о кастахъ у Индѣйцевъ останавливали развитіе общественности и порождали безчисленное множество безчеловѣчныхъ поступковъ. У Мусульманъ женщина не считается человѣкомъ: у ней нѣтъ души: она не будетъ существовать за гробомъ—и по причинѣ этихъ понятій, у нихъ нѣтъ тѣхъ сладкихъ привязанностей сердца, которыя служатъ основаніемъ многихъ добродѣтелей въ частной и общественной жизни. Ужасная секта удавителей (Фазенгаровъ) дѣйствуетъ по варварскому убѣжденію, что это угодно богинѣ Кали. У насъ факиры Гебровъ (огнепоклонниковъ) близъ крѣпости Баку, представляютъ примѣры ужаснаго и отвратительнаго фанатизма, изувѣчивая, или изпуряя себя безсмысленнымъ образомъ въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ, а все потому, что думаютъ, будто это — средство возвыситься къ созерцанію Божества и непоколебимому безстрастію.

Но иногда человѣкъ съ самыми истинными понятіями, съ самымъ обширнымъ и глубокимъ умомъ, своими поступками неоправдываетъ своихъ идей. Такого рода примѣры нисколько неопровергаютъ непосредственнаго отношенія между истиною и добродѣтелью, между просвѣщеніемъ и практическою

нравственностію. Это обыкновенно происходитъ 1, отъ неумѣнья примѣнять общія свои идеи къ жизни, къ тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ мы находимся; 2, приступая къ дѣлу, мы часто теряемъ изъ виду, забываемъ то, что прежде говорилъ нашъ умъ, въ чемъ мы были убѣждены теоретически; 3) отъ вліянія чувственной, или животной нашей природы, которая заставляетъ насъ часто поступать вопреки нашимъ понятіямъ; 4) болѣе же всего это происходитъ отъ недостатка рѣшительности, или твердости воли.

§ 43.

Путь, которымъ человѣкъ доходитъ до идеи о нравственномъ добрѣ.

До идеи объ обязанности, о нравственномъ добрѣ, мы доходимъ слѣдующимъ образомъ: мы видимъ поступокъ, въ которомъ человѣкъ является лицемъ дѣйствующимъ свободно, по выбору, по убѣжденію, а не по вліянію внѣшнихъ, физическихъ побужденій: разсматривая безпристрастно, съ совершеннымъ спокойствіемъ, не только свойства и послѣдствія этого поступка, но и причины, заставившія человѣка дѣйствовать такъ, а не иначе, мы безотчетно одобряемъ, или неодобряемъ его, мы произносимъ приговоръ: это хорошо, благородно, или это дурно, низко. Къ этому приговору непримѣшивается никакихъ личныхъ расчетовъ о пользѣ, которая можетъ проистекать для насъ отъ извѣстнаго поступка; это приговоръ безкорыстный. И чѣмъ болѣе пожертвованія, чѣмъ болѣе самоотверженія замѣчаемъ мы въ комъ нибудь при исполненіи обязанности: тѣмъ болѣе любимъ и уважаемъ его, и на оборотъ.

Иногда одобреніе, или порицаніе извѣстнаго поступка соединяется съ мыслью о полезномъ или вредномъ вліяніи, которое онъ производитъ на кого нибудь, третьяго; но если этотъ третій и въ отношеніи къ тому, кто дѣлаетъ ему добро, или зло, и въ отношеніи къ намъ, которые наблюдаемъ его, есть человѣкъ постороннiй: то наше одобреніе, или обвиненіе чуждо всякихъ личныхъ расчетовъ.

Къ тому же наше одобреніе, или обвиненіе нисколько не умеиьшается, если что нибудь помѣшаетъ человѣку дѣйствовать такъ, какъ бы ему хотѣлось: заслуга или проступокъ его въ нашихъ глазахъ остаются равно великими; мы цѣнимъ ихъ по намѣренію, по рѣшимости человѣка; потому что только намѣреніе и рѣшимость вполнѣ зависятъ отъ насъ; только въ отношеніи къ своимъ убѣжденіямъ, мы совершенно свободны; а поступокъ, какъ внѣшнее дѣйствіе, какъ осуществленіе мысли при помощи средствъ матеріальныхъ, зависитъ отъ безчисленныхъ случайностей: отъ обстоятельствъ мѣста, времени, здоровья, положенія въ обществѣ, способностей, искусства, денегъ и т. д. По этому, мѣру добра и нравственнаго достоинства поступка составляетъ не то, сколько человѣкъ дѣлаетъ, но то, какъ сильно, искренно и безкорыстно его желаніе, и какъ велики его старанія сдѣлать добро; въ этомъ отношеніи, кто дастъ бѣдняку пять копѣекъ, иногда поступаетъ благороднѣй и великодушнѣй того, кто жертвуетъ пять тысячь.

Но вотъ мы дѣйствуемъ сами и наблюдаемъ свои поступки; собственныя побужденія для насъ яснѣй и опредѣленнѣй; отъ этого и внутренній приговоръ надъ нашими поступками рѣшительнѣй, и одобреніе, или порицаніе живѣй. Это одобреніе есть такое же удовольствіе, какое мы испытывали, когда ставили себя на мѣсто другаго человѣка, дѣйствовавшаго благородно. Но когда мы вспомнимъ, что благородный поступокъ принадлежитъ лично намъ, нашимъ усиліямъ, нашей рѣшительности, силѣ нашей воли, — тогда мы чувствуемъ какое-то новаго рода наслажденіе, похожее на сознаніе справедливо оцѣненнаго достоинства, или заслуженной похвалы. Это порицаніе есть такое же болѣзненное чувство, какое возбуждалъ въ насъ низкій поступокъ другаго; но только оно гораздо глубже, гораздо горше. Чтобы истребить его, недостаточно уничтожить только вредныя послѣдствія нашего дурнаго поступка; нѣтъ, надобно уничтожить въ себѣ самое дурное побужденіе, самое желаніе зла, убить зло въ душѣ; раскаяніе есть зародышь добраго дѣла, и отъ того оно такъ сладостно.

Разбирая эти явленія жизни, мы отыскиваемъ наконецъ общіе законы нашей дѣятельности, которые всѣ вытекаютъ изъ одного великаго и самаго простаго правила: «люби другаго, какъ самъ себя.» *

* Degerando. Du sentiment moral. T. 1. ch. IX. p. 125.

§ 44.

Стремленіе къ истинѣ.

Истинна (знаніе) есть существенная потребность для человѣка: любовь къ ней, есть стремленіе безкорыстное, чистое, святое; оно раждается вмѣстѣ съ нами, но никогда не умретъ, какъ душа наша.

Оно обнаруживается тѣмъ раннимъ и безпрерывнымъ любопытствомъ, которое дитя показываетъ при видѣ всякой новой вещи; если что нибудь привлечетъ его вниманіе, еще *безсловный младенецъ* выражаетъ это своимъ вопрошающимъ взглядомъ, полнымъ нерѣшительности, сомнѣнія, испуга, желанія овладѣть новымъ открытіемъ и т. п.

Первый лепетъ дитяти, первый разговоръ его съ матерью состоитъ большею частію въ вопросахъ: что это за дерево? какая это птица? Отъ чего земля покрывается цвѣтами лѣтомъ, а не зимой? Зачѣмъ крестьянинъ бросаетъ въ землю зерна? Зачѣмъ жнетъ рожь, коситъ сѣно? и т. д. Подобные, такъ называемые, пустые вопросы ребенка, показываютъ, что въ немъ пробудилась мысль и требуетъ себѣ пищи.

Если нищета, грубость окружающаго общества, черные и убивающіе труды, безпрерывныя заботы о дневномъ пропитаніи, о защитѣ отъ холода, отъ зноя, или роскошь, излишество чувственныхъ наслажденій, жизнь мелочная и разсѣянная, не подавляютъ этой святой врожденной склонности человѣка, то она превращается въ страсть пылкую и возвышенную: въ ней самой, въ одномъ удовлетвореніи ей, онъ находитъ неисчерпаемый источникъ наслажденій,

для которыхъ осуждаетъ себя на затворничество, на безсонныя ночи, на пожертвованія самыя тяжкія; для нихъ онъ готовъ переносить горькую бѣдность, гоненія и даже кровавыя страданія.

Заблужденіе

Если человѣкъ иногда привязывается къ ложнымъ понятіямъ, вдается въ заблужденія, то по тому, что принимаетъ ихъ за истину; слѣдовательно, эта привязанность есть только дурное направленіе благородной склонности: человѣкъ неумышленно идетъ не туда, куда бы ему хотѣлось, или выбираетъ не надлежащій путь. Ложь, заблужденіе ненавистны человѣку сами по себѣ, потому что несогласны съ его природой; и естественно: три предмета возбуждаютъ нашу любознательность: Богъ, человѣкъ и природа; въ ихъ изслѣдованіи заключается для человѣка не только источникъ глубокаго наслажденія, но и усовершенствованія; слѣдовательно, всякое заблужденіе (не истина) отравляетъ его жизнь и унижаетъ его нравственное достоинство. Человѣкъ съ ложными понятіями о Богѣ, природѣ и самомъ себѣ былъ бы существомъ жалкимъ, презрѣннымъ или ужаснымъ; или безсмысленнымъ животнымъ, безумцемъ, или чудовищемъ, злодѣемъ.

§ 45.

Различныя направленія умственной дѣятельности.

Отъ природы, отъ воспитанія и различныхъ обстоятельствъ жизни, направленіе, степени развитія и мѣра познавательной способности у различныхъ людей разнообразны до чрезвычайности: 1) у одного

Умъ наблюдательный.

умъ больше наблюдательный, обращенный къ опыту къ явленіямъ жизни; онъ способенъ преимущественно разбирать составъ предметовъ дѣйствующихъ на внѣшнее, или внутреннее чувство, и замѣчать не только крупныя и рѣзкія, но и тонкія, нѣжныя, только всегда характеристическія, отличительныя черты; онъ быстро отыскиваетъ сходства и различія между предметами и стройно группируетъ ихъ по классамъ.

Людей съ этимъ направленіемъ особенно занимаетъ дѣйствительность: одаренные, большею частію, воспріимчивымъ воображеніемъ, памятью вѣрною и обширною, они съ особеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ останавливаются на всемъ, что представляется имъ въ природѣ и жизни человѣческой; въ каждомъ созданіи они видятъ существо, достойное любви, участія и изученія; поражаемые этимъ изумительнымъ разнообразіемъ, этою чудною новизною, этою вѣчною свѣжестію и неистощимою дѣятельностію, которою кипитъ дѣйствительный міръ, они хотѣли бы перенести его въ свой умъ со всѣми подробностями, отразить его въ себѣ вполнѣ, ничего не презирая; и справедливо: потому что каждое существо, каждое явленіе, каждая перемѣна въ существѣ и явленіи, имѣютъ свой смыслъ, свое значеніе; слѣдовательно, оставлять безъ вниманія что нибудь дѣйствительно-существующее, значитъ отнимать у себя одно изъ пособій, одно изъ средствъ понимать жизнь.

Отъ этого люди наблюдательные, люди опыта, страстно любятъ историческія науки, во всей ихъ обширности. Кость какого-то допотоннаго животнаго, окаменѣлость незнаемаго теперь первобытнаго дерева, капитель древней колонны, нѣсколько полустертыхъ гіероглифическихъ фигуръ на пирамидѣ, или руническихъ буквъ на скалѣ, отломокъ старннаго меча или плуга, возбуждаетъ въ нихъ большое любопытство, также какъ памятники древнихъ монархій, кровавыя борьбы когда-то могущественныхъ народовъ востока и запада, перемѣны династій, переселенія племенъ, перевороты въ общественномъ порядкѣ цѣлыхъ частей свѣта; для нихъ равно занимательны планета и песчинка, образованіе материковъ, океановъ, кряжей первозданныхъ горъ и формы микроскопическихъ животныхъ, привычки эфемеровъ, тычинки, пестики, корешки едва примѣтныхъ растеній и т. п.

Люди наблюдательные любятъ фактическую точность и опредѣленность; вѣсъ, мѣра, число, время, мѣсто и другія условія жизни дѣйствительной, составляютъ необходимую потребность ихъ знанія; потому что только отъ этихъ условій каждый предметъ получаетъ особенную опредѣленность и характеристику, и слѣдовательно только отъ соображенія всѣхъ ихъ вмѣстѣ мы надлежащимъ образомъ можемъ понимать предметы, ихъ связь съ другими и ходъ, или развитіе жизни. Перемѣшайте, напримѣръ, въ исторіи хронологію, или топографію, и произшествія

не будетъ имѣть для васъ смысла ; перенесите изъ одной страны въ другую художественное произведеніе , разсматривайте его безъ всякаго отношенія къ мѣстности, характеру народа, религіи, и оно часто будетъ казаться мертвымъ, или безобразнымъ. Еслибы человѣкъ наблюдательный могъ достигнуть цѣли въ своемъ направленіи и совершенства въ развитіи своего ума, ткань его познаній была бы похожа на выкованный Ифестомъ щитъ , на которомъ божественный художникъ изобразилъ и небо , и землю , и море , со всѣми великими , блестящими и дробными, миніатюрными явленіями. *

§ 46.

Умъ теоретическій

Есть люди , умъ которыхъ имѣетъ преимущественно теоретическое направленіе : все , замѣчаемое ими въ опытѣ , служитъ имъ только поводомъ къ размышленію; они недовольствуются знаніемъ того , что есть; они стремятся къ рѣшенію вопросовъ : почему, какъ и для чего что нибудь существуетъ; они смотрятъ на предметы природы, на явленія души , какъ на случайныя формы , которыя сами по себѣ не имѣютъ занимательности , но важны только по отношенію къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя можно изъ нихъ вывести , важны по тѣмъ силамъ , и законамъ, которыя подъ ними можно открыть.

Эти теоретическіе , или умозрительные люди не любятъ частностей и подробностей , изъ кото-

* Иліада. Ч. 2. п. XVIII стр. 191. перев. Гнѣдича.

рыхъ слагается опытъ, жизнь дѣйствительная; ихъ занимаютъ однѣ отвлеченности, однѣ идеи.

Они не обращаютъ вниманія на случайныя, временныя обстоятельства, на примѣры, происшествія, опредѣленныя примѣненія; они усиливаются открыть условія жизни вообще, условія постоянныя для всѣхъ существъ, на какомъ бы пространствѣ, въ какую бы эпоху ни развивались эти существа.

Въ природѣ физической они ищутъ законовъ необходимости, которыми слѣпо, безсознательно, такъ сказать, деспотически управляется міръ вещественный; въ исторіи человѣка ищутъ основныхъ началъ души, основныхъ понятій религіи, познанія, нравственности, красоты, которыя должны служить законами мыслящему существу и указывать ему путь къ совершенству и счастію.

Для теоретическихъ мыслителей ничего не значатъ живописныя подробности явленій, характеристическія особенности каждаго изъ недѣлимыхъ предметовъ, лицъ, мѣстъ и проч.; для нихъ довольно если имъ понятенъ общій характеръ цѣлыхъ классовъ, цѣлыхъ отдѣленій, или царствъ природы, цѣлыхъ материковъ, періодовъ, или эпохъ исторіи, что бы опираясь на этихъ данныхъ, имъ можно было дѣлать свои высшія заключенія.

Крайности, въ которыя впадаютъ люди при опытномъ и теоретическомъ направленіи, доводятъ до странностей, иногда до весьма вредныхъ послѣдствій. Въ первомъ случаѣ, люди дѣлаются или ме-

Вредныя послѣдствія односторонняго умственнаго развитія.

лочными, или сухими мыслителями, матеріалистами въ наукѣ: груды ихъ фактическихъ знаній, не возводимыхъ къ высшимъ идеямъ, остаются безплодными; наука для нихъ становится или ремесломъ, или бездушною, механическою работой. Во второмъ случаѣ, при недостаткѣ опытныхъ знаній, при поспѣшности выводить общія идеи, чаще всего впадаютъ въ несбыточныя мечты, и вмѣсто того, что бы открывать силы и законы въ природѣ и человѣчествѣ, ихъ выдумываютъ, и слѣдовательно принимаютъ гипотезы за истины, мечты — за дѣйствительность.

Только изъ соединенія этихъ двухъ свойствъ образуется умъ обширный,—потому что тогда обнимаетъ разныя стороны жизни; взглядъ глубокій, — потому что не останавливается на поверхности предмета, но проникаетъ въ его сущность; система понятій стройная, — потому что каждое понятіе связывается въ одно цѣлое съ безчисленнымъ множествомъ другихъ понятій, само объясняетъ многія и само отъ многихъ получаетъ свѣтъ; тогда каждое опытное знаніе служитъ указаніемъ на общую идею, съ которою оно соединено; каждая общая, отвлеченная мысль примѣняется къ множеству случаевъ и явленій, существующихъ въ опытѣ.

Умъ геніальный.

Умъ, отличающійся необыкновенною быстротою соображенія, вѣрностію и обширностію памяти, многосторонностію и отчетливостію наблюденій, проницательностію и глубокостію, послѣдова-

тельнымъ развитіемъ идей и гармоніею своихъ познаній, называется геніальнымъ.

Конечно, геніальности пріобрѣсти нельзя никакимъ трудомъ, никакимъ образованіемъ: но и человѣкъ, одаренный отъ природы геніальными способностями, не произведетъ ничего великаго, если не получитъ никакого опредѣленнаго направленія, а будетъ безпрерывно переходить отъ предмета къ предмету, отъ одного занятія къ другому; если не будетъ собирать богатыхъ свѣденій въ опытѣ, не станетъ углубляться въ предметы и обобщать свои идеи, словомъ, если не будетъ образовываться, — учиться, размышлять. Правда, геніальный умъ иногда многое отгадываетъ, но только тогда, когда ему есть, на чемъ опереться; если удастся ему иногда случайно сдѣлать какое нибудь открытіе, то, при недостаткѣ вспомогательныхъ познаній, оно никогда неповедетъ его самаго далеко. Человѣкъ можетъ открывать истины въ душѣ своей, когда самаго себя сдѣлаетъ предметомъ изслѣдованій, когда будетъ наблюдать свой характеръ, свои склонности, свои случайныя измѣненія, слѣдовательно опять, когда будетъ учиться надъ самимъ собой.

§ 47.

Сердце или чувство.

Есть въ душѣ сила, которая составляетъ средоточіе всей нашей внутренней жизни, или начало, или конецъ всѣхъ ея явленій, или то и другое вмѣстѣ.

Это — сердце, или чувство. Картины фантазіи, идеи ума, влеченія воли—все или происходитъ отъ сердца, или къ сердцу возвращается; потому что все начинается или оканчивается болѣе или менѣе сильнымъ, болѣе или менѣе яснымъ и опредѣленнымъ потрясеніемъ всего нашего существа и непосредственнымъ сознаніемъ, что какой нибудь предметъ на насъ дѣйствуетъ.

Ощущенія пріятныя.

Эти потрясенія души называются ощущеніями; а замѣчать или непосредственно сознавать ихъ въ самомъ себѣ значитъ—чувствовать.

Ощущенія бываютъ двухъ родовъ: пріятныя и непріятныя. Пріятными называются тѣ, которыя не производятъ въ нашей душѣ противо-естественнаго раздраженія, не разстраиваютъ ея, т. е. не препятствуютъ легкой и свободной дѣятельности ея способностей; предметъ, ихъ пробуждающій, сливается въ одно съ нашею душею, какъ родственная стихія, не возмущаетъ ея, а поддерживаетъ ея свѣжесть и энергію. Противоположныя ощущенія называются непріятными; они производятъ на человѣка разрушительное вліяніе, оканчивающееся иногда помѣшательствомъ или смертью. * Кто не испыталъ, что среди прекрасныхъ картинъ природы, въ обществѣ, гдѣ все дышетъ искренностію, добротою, образованностію, въ минуты сладкихъ воспоминаній, или отрадныхъ надеждъ, душа чувствуетъ какую-то нео-

Непріятный.

* Essais. Montaigne. T. 1. ch. II.

быкновенную бодрость и силу : впечатлѣнія , давно забытыя , обновляются въ воображеніи быстро и развертываются непрерывною и стройною тканью ; одно понятіе вызываетъ множество другихъ , съ нимъ соприкосновенныхъ; память становится свѣтлѣй; въ умѣ мысли развиваются связно ; человѣкъ чувствуетъ готовность къ труду, смѣлость къ предпріятіямъ? Но вотъ какое дѣйствіе , производитъ на душу скука, порождаемая мертвою природой и мертвымъ обществомъ; поэтъ въ этой картинѣ является столько же вѣрнымъ живописцемъ, сколько и наблюдателемъ;

Зима! Что дѣлать намъ въ деревнѣ?
Я встрѣчаю
Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? Утихла ли метель?
Пороша есть, или нѣтъ? И можно ли постель
Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
Возиться съ старыми журналами сосѣда?
Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
И рысью по полю, при первомъ свѣтѣ дня;
Арапники въ рукахъ; собаки вслѣдъ за нами;
Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилежными глазами,
Кружимся, рыскаемъ и позднеи ужъ порои ,
Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домои.
Куда какъ весело! Вотъ вечеръ; вьюга воетъ;
Свѣча темно горитъ; стѣсняясь сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно глотаю скуки ядъ.
Читать хочу, — глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко. . . Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу, насильно вырываю

У музы дремлющей несвязныя слова:
Ко звуку звукъ нейдетъ; теряю всѣ права
Надъ рифмой, надъ моей прислужницею странной;
Стихъ вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, съ музою я прекращаю споръ,
Иду въ гостиную: тамъ слышу разговоръ
О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ . . .
Хозяйка хмурится въ подобіе погодѣ,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червоннаго гадаетъ короля.
Тоска! . . . Пушк.

Иногда пріятныя впечатлѣнія отъ чрезвычайной напряженности, силы, или продолжительности чувства превращаются въ болѣзненныя и подобно имъ, гибельно дѣйствуютъ на человѣка; такъ бывало много примѣровъ, что люди умирали отъ радости. Одна Римлянка умерла, увидѣвъ неожиданно сына, котораго почитала погибшимъ при Каннахъ. Папа Левъ X умеръ отъ лихорадки, въ которую впалъ, узнавъ о взятіи Милана. *

§ 48.

Пробужденіе ощущеній.

Ощущенія пробуждаются въ душѣ: 1) впечатлѣніями внѣшними, формами вещественной природы и искусства; 2) дѣятельностію воображенія и 3) дѣятельностію ума

* Essais. Montaigne. T. 1. ch. II.

1) Ощущенія души, пробуждаемыя въ ней внечатлѣніями внѣшними, такъ близки къ ощущеніямъ физическимъ, что иногда сливаются съ ними въ одно: когда мы слышимъ гармоническіе звуки, видимъ живописныя мѣста, дышемъ свѣжимъ полевымъ воздухомъ, обоняемъ ароматическіи запахъ луговъ и т. п., то въ это время вдругъ наслаждается и наше тѣло и наша душа; но если во внѣшнемъ предметѣ, въ явленіи, человѣкъ видитъ прообразованіе высшаго міра, Творческихъ идей, или намекъ на нравственную сторону жизни: то ощущеніе, пробуждаемое ими, дѣлается преимущественно духовнымъ, или, покрайней мѣрѣ, въ немъ духовное беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ вещественнымъ. Ощущенія чисто духовныя.

2) При дѣятельности воображенія, чувство возбуждается по двумъ причинамъ: a) по сознанію большей или меньшей силы, съ которою у насъ возникаютъ, группируются, или образуются представленія; b) по свойству самыхъ представленій, по отношенію ихъ къ намъ, или по степени ихъ красоты.

3) Отъ дѣятельности ума возбуждаются извѣстныя ощущенія въ сердцѣ также: a) по сознанію большей или меньшей силы соображенія, проницательности, послѣдовательности въ идеяхъ, легкости и быстроты воспоминанія, или: b) по свойству предметовъ, къ которымъ наши идеи относятся.

Иногда случается, что предметъ, представляемый воображеніемъ, или созерцаемый умомъ,

т. е. или образъ, или идея предмета, потрясаютъ душу гораздо глубже и продолжительнѣй, нежели непосредственное впечатлѣніе. Это происходитъ или отъ того, что: 1) погрузясь въ самихъ себя, мы сильнѣе можемъ сосредоточить вниманіе на какомъ нибудь представленіи, ничѣмъ не развлекаясь; или отъ того что: 2) усиливаемъ дѣйствіе предмета, увеличивая его свойства, его размѣры, его красоту, безобразіе и т. д. дѣятельностію своего воображенія, или размышленіемъ развивая идею его.

§ 49.

Причины пріятности и непріятности ощущеній.

Предметы дѣйствуютъ на насъ пріятно, или непріятно потому, что они согласны, или не согласны: 1) съ общими и основными законами нашей природы. Такъ, напримѣръ, никто не любитъ невѣжества, безсвязности въ мысляхъ, лжи, преступленія, порока, картинъ воображенія, чуждыхъ смысла, безнравственныхъ, безобразныхъ. Въ этомъ отношеніи чувство, особенно въ жизни нравственной, часто предупреждаетъ умъ и служитъ ему руководителемъ: еще не понимая предмета, не дошедъ до опредѣленнаго представленія о его свойствахъ, отношеніяхъ и законахъ его дѣятельности, мы иногда, хотя тускло и не отчетливо, предощущаемъ идею, которую послѣ открываетъ умъ, и дѣлаетъ несомнѣнною своими доводами и выводами; поэтому, можно сказать, что чувство есть безсознательный, или

безотчетный умъ, а умъ, — до отчетливаго сознанія доведенное чувство. *

2) Пріятность или непріятность ощущеній зависитъ отъ согласія, или несогласія предметовъ съ личнымъ нашимъ характеромъ, взглядомъ на вещи, особеннымъ положеніемъ, въ которомъ мы находимся. Такъ, напримѣръ, иной съ наслажденіемъ предается тоій наукѣ, которая другому кажется совершенно незанимательною, мертвою; одинъ любитъ уединеніе, сельскую жизнь, безъискуственность, природу; другой — многолюдство, движеніе, шумъ, дѣятельность, роскошь и блескъ большихъ городовъ; иногда одному и тому же человѣку становится въ тягость то, что въ другой разъ доставляло удовольствіе.

Душевныя страданія, даже очень сильныя и продолжительныя, проистекающія отъ нравственныхъ причинъ, отъ идей истинны, добродѣтели, отъ любви къ счастью человѣчества, отъ негодованія на лихоимство, на эгоизмъ, словомъ, чувства невинныя, чистыя, безкорыстныя, всегда растворяются наслажденіемъ; природа въ самомъ движеніи благороднаго сердца заключила для насъ высокую, святую, ни отъ кого независящую награду, потому что подобныя чувства часто остаются тайною для всѣхъ людей; и кто посторонній можетъ постигнуть всю глубокость ихъ? По этому, души благородныя такъ

* Ancillon.

охотно и съ такой силой предаются заботамъ объ участи безроднаго и безпріютнаго бѣдняка, такъ часто останавливаются надъ родными могилами, или развалинами запустѣвшей отеческой хижины, такъ любятъ воскрешать грустныя воспоминанія о дорогихъ утратахъ сердца, или предаваться меланхолическому размышленію о горѣ, неразлучномъ съ судьбою человѣчества. Подобное страданіе сердца есть печаль возвышенная и сладкая; жалокъ и несчастенъ тотъ, кто неспособенъ ея испытывать.

§ 50.

Особенности или индивидуальность ощущеній.

Ощущеніе есть слѣдствіе сознанія того впечатлѣнія, которое предметъ производитъ на человѣка; степени живости и продолжительности сознанія впечатлѣній, равно какъ и самыя впечатлѣнія измѣняются, смотря по свойствамъ каждаго: слѣдовательно, каждый человѣкъ чувствуетъ по своему; мы можемъ вполнѣ понять идеи другаго; потому что идея есть общее представленіе: но о чувствѣ другаго можемъ только догадываться, судя по себѣ, только представляя, какъ предметъ дѣйствовалъ, или могъ бы подѣйствовать на насъ. Въ этомъ отношеніи, чувство составляетъ нашу тайну, ни для кого недоступную: но за то всякій безотчетно, по сродству одной души съ другою, способенъ раздѣлять сердечныя движенія другаго: въ этомъ случаѣ обмана быть не можетъ; искренняя непритворная радость или печаль всегда возбуждаетъ въ насъ сочувствіе.

Сила ощущенія зависитъ: 1) отъ дѣйствія предмета; предметъ, прикасаясь къ душѣ, поражаетъ ее соотвѣтственно своимъ свойствамъ, и ощущеніе часто бываетъ подобозвучнымъ отголоскомъ дѣйствующаго предмета: но иногда предметъ самый обыкновенный трогаетъ насъ живѣе и глубже, нежели рѣдкое и величественное явленіе; 2) отъ природной воспріимчивости человѣка. Это различіе рѣзко замѣтно не только между людьми въ отдѣльности, но и между цѣлыми народами. 3) Отъ привычной настроенности: разныя обстоятельства даютъ чувству каждаго извѣстное направленіе; слѣдовательно, впечатлѣнія, согласныя съ этими постоянными наклонностями нашего сердца, всегда поразятъ насъ больше. Такъ, всякая угрюмая, мрачная картина природы, всякое печальное происшествіе сильно трогаетъ человѣка съ характеромъ меланхолическимъ, тогда какъ въ душѣ беззаботнаго весельчака они едва оставляютъ минутный слѣдъ. 4) Отъ временнаго или случайнаго расположенія его духа. Иногда сердце какъ будто отвердѣетъ, и нужно сильное впечатлѣніе, чтобы тронуть его; иногда оно становится какъ-то особенно чуткимъ, раздражительнымъ, и достаточно одной легкой черты, одного слова, одного взгляда, чтобы взволновать душу чувствомъ наслажденія, надежды или вражды, досады, негодованія. Этой быстрой измѣнчивости чувства подвержены особенно люди съ душами нѣжными.

Сила ощущенія.

Глубокость чувства.

Люди, способные чувствовать живо, рѣдко чувствуютъ глубоко и продолжительно. Вообще, чѣмъ сильнѣе потрясеніе души, тѣмъ оно быстрѣе проходитъ; мы не можемъ выносить постоянно напряженнаго и порывистаго чувства: оно изнуряетъ насъ; но за то мы можемъ хранить въ продолженіе цѣлой жизни ощущенія тихія, хотя глубокія.

Возобновленіе ощущеній.

Говоря собственно, вспомнить ощущенія нельзя: потому что оно есть сознаніе непосредственнаго прикосновенія предмета къ намъ и въ ту минуту, когда онъ на насъ дѣйствуетъ: но воскрешать и поддерживать ощущенія можно, представляя себѣ идеи, или картины, съ которыми они находятся въ связи, или въ которыя они переводятся нашимъ умомъ и воображеніемъ. Такъ на чужбинѣ мы сохраняемъ любовь къ родинѣ, размышляя о наслажденіяхъ дѣтства, о товарищахъ своихъ игръ, о благодѣяніяхъ полученнаго воспитанія, представляя себѣ милые образы существъ, драгоцѣннѣйшихъ въ мірѣ, широкія поля, дремучіе лѣса, берега знакомыхъ рѣкъ, все, съ чѣмъ соединяется столько глубокихъ и сладкихъ воспоминаній.

Желаніе и отвращеніе.

Предметъ, производя на насъ пріятныя впечатлѣнія, влечетъ насъ къ себѣ, — мы стремимся къ нему, мы стараемся сохранить то состояніе, въ которомъ онъ пріятно на насъ подѣйствовалъ. Это влеченіе души къ предмету называется желаніемъ. Когда предметъ дѣйствуетъ на насъ непріятно, мы усиливаемся удалиться отъ него, или его удалить

отъ себя; это называется отвращеніемъ. Постоянное влеченіе къ какому нибудь предмету называется склонностію. Склонность, соединенная съ сильнымъ движеніемъ сердца, часто возобновляющаяся и безпрерывно возрастающая, есть страсть. Склонность и страсть.

§ 51.

Ощущенія, причины которыхъ намъ неизвѣстны, называются безотчетными; поэтому часто бываетъ у насъ безотчетное желаніе, или отвращеніе. Если безотчетное влеченіе одного человѣка къ другому превращается въ постоянную, привычную и непреодолимую склонность, оно есть симпатія (сочувствіе). Безотчетныя ощущенія. Симпатія.

Симпатія пробуждается въ душѣ мгновенно, при первой встрѣчѣ людей совершенно незнакомыхъ. Можно подумать, что они любятъ другъ друга по какому-нибудь высшему предопредѣленію, что между ними есть предустановленная гармонія. «Если бы меня спросили, говоритъ Монтень, почему я люблю друга: я бы сказалъ: потому, что это онъ, а это—я; мы прежде свиданія уже искали одинъ другаго и обрадовались неожиданной встрѣчѣ; узы наши гораздо сильнѣе всѣхъ связей, проистекающихъ отъ убѣжденій ума; ихъ создало само небо. * Жизнь одного была бы неполна безъ жизни другаго.

Симпатія есть склонность безкорыстная: она рождается не отъ какихъ-нибудь личныхъ видовъ и расчетовъ;

* Essais T. 1. ch. XXVII.

даже не есть слѣдствіе увѣренности, что извѣстное лице можетъ намъ содѣйствовать къ достиженію какихъ-нибудь нравственныхъ цѣлей, что мы въ немъ найдемъ существо, способное вполнѣ раздѣлять наши благородныя мысли и чувства, что оно несравненно выше другихъ по свойствамъ ума и сердца; такія и подобныя имъ соображенія чужды симпатической привязанности; она есть любовь безотносительная и безрасчетная — въ хорошемъ значеніи этого слова; она можетъ быть даже безъ надежды на взаимность, хотя взаимность была бы для нея самою сладкою и единственною наградой.

Это самое уже предполагаетъ, что симпатія есть склонность чисто-нравственная; къ ней не примѣшивается никакое матеріальное, животное чувство, а тѣмъ менѣе чувство преступное: ни богатство, ни власть, ни красота, ни полъ, ни возрастъ, ничто внѣшнее и случайное не усиливаетъ и не ослабляетъ этого влеченія сердца. Люди чувственные, матеріальные, у которыхъ животная сторона существованія подавляетъ высшую, духовную, будучи сами неспособны къ симпатіи, не могутъ понять ея и въ другихъ; они хотятъ всегда объяснять ее физически и медицински, почитаютъ ее слѣдствіемъ праздности, пустой прихоти, временнаго раздраженія организаціи, или болѣзни. Если мы, привязываясь къ кому-нибудь симпатически, не беремъ въ расчетъ степени его внутреннихъ достоинствъ и не думаемъ, что любимъ его за эти достоинства: то всегда, по крайней мѣрѣ,

неопредѣленно предполагаемъ, что онъ есть существо благородное, достойное любви и уваженія. Къ глупцу, человѣку низкому, или злодѣю, мы можемъ питать симпатію только по заблужденію.

Симпатія есть склонность постоянная; она не слабѣетъ отъ разлуки и не охлаждается привычкой. Напротивъ, то, что обезсиливаетъ обыкновенныя чувства, ее еще болѣе воспламеняетъ—препятствіемъ, или противодѣйствіемъ. Съ погерей любимаго предмета она получаетъ какой-то, можно сказать, религіозный характеръ; она сливается съ мыслью о таинственной связи между здѣшнею и другою жизнію, и поддерживается вѣрой, что для истинной любви нѣтъ смерти. Тогда всякій ничтожный предметъ, напоминающій утраченнаго друга, становится для насъ драгоцѣннымъ, а могила его — святыней; мысль о немъ не есть горькое сожалѣніе, не есть печаль, но какое-то благоговѣйное и сладкое размышленіе, сливающееся изъ множества чистыхъ чувствъ — дружбы, признательности, отраднаго воспоминанія, пламеннаго участія, надежды свидѣться снова и т. д.

Она есть чувство тихое и ровное; она чужда этихъ внезапныхъ и бурныхъ порывовъ души, за которыми всегда, по свойству нашей природы, слѣдуетъ охлажденіе. Не основываясь на случайностяхъ, она и чужда этихъ измѣненій, отъ случайностей зависящихъ; въ ней есть какая-то ясность невозмутимая, проистекающая отъ увѣренности въ своей чистотѣ, искренности, и непоколебимости.

Она измѣняется только по различію свойствъ тѣхъ ощущеній, на которыя разлагается и тѣхъ состояній, въ которыхъ находится любимый предметъ: она принимаетъ оттѣнокъ то нѣжной заботливости, то благодарности, то состраданія, то кроткаго упрека, то радости и т. д., но въ основаніи остается неизмѣнною и вѣрною самой себѣ, полною, неограниченною,

Она не есть только плодъ большаго умственнаго развитія, или многосторонней образованности: напротивъ часто, какъ святая лампада въ закопченной избѣ, она теплится въ груди простолюдина, этого суроваго и бѣднаго понятіями брата многочисленной семьи человѣчества, такъ выразительно и такъ жестоко называемой чернью; въ этомъ быту она кажется еще трогательнѣе; потому что составляетъ рѣзкую противоположность съ угрюмой, часто неопрятной наружностью, съ низкимъ трудомъ, съ грубыми заботами и печальной долею. Но она всегда предполагаетъ душу нѣжную, воспріимчивую, способную къ высокому развитію, — душу энергическую, которой не утомитъ продолжительное усиліе, не испугаетъ опасность, не убьетъ горе и нищета; она предполагаетъ душу съ высшимъ призваніемъ, съ зародышемъ идеальнаго направленія. За то, богатство познаній, образованіе, расширяютъ поприще ея дѣятельности и доставляютъ тысячи средствъ для удовлетворенія ея благородныхъ потребностей.

Нѣкоторые думаютъ, что мужчины, а другіе, что женщины болѣе способны питать эту возвышенную склонность. Конечно, симпатія мужчинъ разнится отъ симпатіи женщинъ; иначе и быть не можетъ; но отдавать въ этомъ отношеніи преимущество однимъ передъ другими также странно, какъ утверждать, будто, по назначенію природы, одни должны быть добрѣе ,благороднѣе и слѣдовательно счастливѣе другихъ. Природа не дѣлаетъ ошибокъ и несправедливостей.

Какъ ни тайны дѣйствія симпатіи , однакожъ она, подобно другимъ чувствамъ, должна развиваться изъ причинъ естественныхъ, только часто нами неоткрываемыхъ. Она бываетъ иногда какимъ-то непосредственнымъ , можно сказать , пророческимъ открытіемъ въ другомъ достоинствъ , или свойствъ , возбуждающихъ любовь и уваженіе ; иногда слѣдствіемъ темнаго сознанія близости нашей души къ душѣ другаго ; но эта близость не всегда состоитъ въ большомъ сходствѣ характеровъ ; напротивъ , иногда разности въ характерахъ между сочувствующими другъ другу людьми до чрезвычайности поразительны , но при всемъ томъ между ними есть какое-то чудное соотвѣтствіе, какое-то единство—залогъ ихъ святой взаимности: это, вѣроятно, въ разныхъ формахъ, въ разныхъ характерахъ проявляющіяся идеи истинны и добродѣтели.

Иногда , особенно молодые люди , за симпатію принимаютъ минутную вспышку чувства , или неправственное желаніе , возбужденное внѣш-

ностью : но время, неудача, оскорбленное самолюбіе, чаще всего, нерѣшительность на пожертвованіе, изобличаютъ ихъ и разрушаютъ ихъ самообольщеніе.

§ 52.

Характеръ.

Люди получаютъ отъ природы неодинаковыя способности ; у каждаго есть много особенностей въ организаціи ; каждый находится подъ вліяніемъ особенныхъ дѣйствій и впечатлѣній внѣшнихъ предметовъ ; каждому дается не такое воспитаніе, какое другимъ ; отъ этого у каждаго душевныя силы развиваются не въ одинаковомъ направленіи, не въ одинаковой мѣрѣ и не въ одинаковой соразмѣрности, или пропорціи.

Эти особенности : 1) природной силы ума, воображенія, воли и чувства, 2) ихъ развитія, 3) ихъ взаимнаго отношенія, составляютъ личность человѣка, или его характеръ, въ обширномъ значеніи слова.

Односторонность характера.

Равенства ни въ чемъ нѣтъ и быть не можетъ; жизнь каждаго существа состоитъ въ безпрерывной борьбѣ силъ: жизнь души — также. Борьба предполагаетъ преимущество, или преобладаніе одной силы надъ другими; когда это преобладаніе дѣлается постояннымъ и господствующимъ до такой степени, что препятствуетъ свободному естественному, развитію другихъ силъ : тогда жизнь существа становится слишкомъ односторонней ; нѣкоторыя черты

его получаютъ рѣзкую выразительность ; другія ослабѣваютъ, такъ сказать, стираются и дѣлаются едва замѣтными. Прослѣдимъ развитіе характеровъ односторонних, чтобы яснѣе видѣть вліяніе каждой силы души на весь составъ ея.

Рѣшительное преобладаніе.

Вотъ человѣкъ, у котораго развитъ преимущественно умъ: онъ жаждетъ истины ; онъ ищетъ идей точныхъ, несомнѣнныхъ; онъ строго наблюдаетъ явленія внѣшней и внутренней жизни ; надолго останавливаетъ на нихъ вниманіе ; подробно разбираетъ ихъ на составныя части; осторожно сравниваетъ одно явленіе съ другимъ ; отъ этого микроскопическаго вниманія , онъ привыкаетъ замѣчать множество тонкихъ отношеній; поэтому, естественно, онъ любитъ дѣленія и подраздѣленія: онъ дорожитъ каждымъ открытіемъ , каждымъ даннымъ ; онъ порабощаетъ свой умъ природѣ и, подобно ей, ничего несчитаетъ маловажнымъ и безполезнымъ.

Но онъ не мелоченъ: онъ изучаетъ частности и подробности , чтобы взойти къ цѣлому и общему ; онъ разлагаетъ явленіе на составныя стихіи, чтобы, узнавъ свойства ихъ , снова сложить разрозненныя начала вмѣстѣ, составить изъ нихъ цѣлое и возвратить природѣ ея созданіе. Онъ располагаетъ явленія по классамъ, по родамъ, но только для того, чтобы послѣ между всѣми этими различными классами и родами найти общее сродство и взаимное единство.

Онъ не поверхностенъ: одни явленія опыта для него не удовлетворительны; онъ смотритъ на нихъ, какъ на случаи, которые служатъ ему задачами, вопросами, темами для размышленія. Онъ опирается на нихъ, чтобы дѣлать выводы, иногда догадки и предположенія о томъ, что подъ ними скрывается; отъ наблюденій онъ переходитъ къ умозрѣніямъ, отъ видимаго, или подлежащаго чувству, къ невидимому, сверхчувственному.

Дошедъ до такихъ высшихъ отвлеченныхъ понятій, онъ находитъ особенное наслажденіе отыскивать между ними отношенія, еще болѣе тонкія, нежели тѣ, которыя находилъ въ опытѣ между явленіями, и покушается рѣшать окончательныя задачи— ищетъ средоточія всѣхъ началъ, верховнаго начала знанія, добродѣтели, красоты, всѣхъ дѣйствій міра физическаго и нравственнаго. Великость предпріятія изумляетъ и одушевляетъ его и онъ всѣмъ жертвуетъ наукѣ, высшимъ, общимъ идеямъ, отвлеченнымъ, умозрительнымъ истиннамъ.

Чтобы дойти до такихъ пріобрѣтеній, онъ съ первыхъ занятій пріучилъ свой умъ къ логической, строгой послѣдовательности: ни одна идея не пропадаетъ у него по напрасну; ни одна не остается безъ употребленія; онъ связываетъ ее съ другими или какъ начало, или какъ заключеніе, или какъ переходное посредствующее понятіе, помощію котораго соединяются два другія: онъ систематикъ.

Но привыкнувъ жить въ міръ умственномъ, находя глубокое наслажденіе въ изслѣдованіи вѣчныхъ, непреложныхъ истинъ и въ созерцаніи той чудной связи и гармоніи, которая существуетъ между всѣми науками, онъ часто теряетъ изъ виду жизнь практическую. Пламенный, восторженный энтузіастъ ко всякой идеѣ, или, какъ обыкновенно говорится, къ ученымъ занятіямъ, онъ показываетъ удивительную холодность ко всему, его окружающему, къ дѣйствительности, къ современности и даже къ тому, что лично до него касается.

Удалившись такимъ образомъ отъ міра, отъ общества человѣческаго, онъ въ этомъ отчужденіи теряетъ способность дѣйствовать вмѣстѣ съ людьми: переходъ отъ умозрѣній къ частнымъ случаямъ и обстоятельствамъ слишкомъ далекъ; примѣненія общихъ понятій къ жизни очень разнообразны, многосложны, требуютъ большаго навыка, знанія множества подробностей, находчивости въ соображеніи при встрѣчѣ препятствій; поэтому глубокомысленный систематикъ, принимаясь за какое-нибудь дѣло, иногда показываетъ странную робость въ сужденіяхъ о немъ и большую перѣшительность; потому что это для него — незнакомая стихія; онъ не увѣренъ въ успѣхѣ предпріятія, какъ прежде бывалъ увѣренъ въ успѣхѣ изслѣдованій; онъ не видитъ ясно послѣдствій поступка, какъ видитъ выводы и заключенія, логически вытекающія изъ очевидной истины. а на

удачу, безъ строжайшаго расчета, онъ дѣйствовать не привыкъ.

Отъ этого произошло странное мнѣніе, что вообще ученые люди ни къ какимъ дѣламъ не способны, что для этаго нужны не знаніе, не идеи, не высокій умъ, а только наглядка, обыденная сметливость и механическій навыкъ.

Но часто слабые, нерѣшительные и безуспѣшные въ практической жизни сами, мыслители по своимъ высшимъ воззрѣніямъ, по своимъ обширнымъ планамъ всегда будутъ руководителями для другихъ; часто холодные къ мелочнымъ заботамъ жизни, они всегда бываютъ существа благороднѣйшія, способныя своими идеями внушать безкорыстіе, истинную, всеобъемлющую любовь къ человѣчеству, чуждую всякихъ исключеній и условій, и не стѣсняемую временными требованіями, различіями племени, религіи, степени образованности, происхожденія, сословія и т. д.

Столько полезные для другихъ, они всегда вредны для самихъ себя: для нихъ не существуютъ удовольствія общества; одиночество дѣлаетъ ихъ дикими и до ребячества застѣнчивыми даже въ присутствіи тѣхъ, кого они презираютъ; всегда погруженные въ себя, они разсѣянны и угрюмы; умъ ихъ медленъ для вниманія къ живому разговору и для участія въ немъ: взоръ ихъ слабъ для этой дробной жизни.

Часто даже произведенія изящныхъ искусствъ не возбуждаютъ въ нихъ живаго сочувствія. Сочувствіе къ прекрасному требуетъ участія воображенія

и сердца; впечатлѣніе бываетъ сильно, когда ему предаешься вполнѣ, безотчетно, безраздѣльно, когда обнимаешь весь предметъ и всею душею; они привыкли все разбирать (анализировать); а это охлаждаетъ всякій порывъ сердца и убиваетъ воображеніе. То, что сильно поражаетъ, дѣйствуя въ цѣломъ, то, что прекрасно и увлекательно въ живой органической картинѣ, слабѣетъ, при разрѣшеніи на части, теряетъ всю прелесть или даже становится отвратительнымъ. «Выжмите изъ цвѣтка сокъ, что отъ него останется *?» Какъ много трогательнаго въ потухшемъ взглядѣ несчастливца, во вздохѣ, вырывающемся изъ груди его, въ слезѣ, повисшей на его рѣсницѣ! Но станьте разлагать эту картину: вздохъ въ отдѣльности—порывъ, движеніе воздуха, не болѣе; слеза—капля воды; я и не хочу говорить, что она такое будетъ, когда вы станете разсматривать ее въ микроскопъ **. Холодное размышленіе препятствуетъ дѣятельности нашей фантазіи, разрушаетъ ея очарованіе и подчиняетъ ее тягостному ярму разсудка ***.

Но за такія пожертвованія природа не оставляетъ ученаго безъ вознагражденія: если для него почти не существуютъ удовольствія, доставляемыя обществомъ и впечатлѣніями изящнаго, за то онъ живѣе другихъ чувствуетъ наслажденіе, проистекающее отъ напряженной дѣятельности ума, отъ усилій проник-

* Schiller.

** Herder.

*** Burke. Essais sur le goût.

нуть тайну природы, рѣшить трудный вопросъ, отъ самой жажды къ знанію, а еще болѣе отъ удовлетворенія своему благородному любопытству, иногда отъ неожиданнаго открытія и отъ созерцанія стройной послѣдовательности и гармоніи, съ которою пріобрѣтенныя познанія располагаются въ умѣ его. Для мыслителя, также какъ для художника, есть своего рода вдохновеніе, творческія минуты и восторгъ. Иначе и быть не можетъ: человѣкъ мѣняетъ одно наслажденіе на другое, предпочитаетъ одно другому, но даромъ никогда не отказывается отъ наслажденія, особенно такого, начала котораго глубоко кроются въ нашей природѣ.

§ 53.

Преобладаніе воли.

Отъ рѣшительнаго преобладанія воли надъ всѣми способностями души образуется характеръ практическій, житейскій, дѣловой.

Человѣкъ съ этимъ характеромъ не вдается въ отвлеченности, не погружается въ умозрѣнія; онъ считаетъ ихъ излишествомъ или пустымъ, безплоднымъ любопытствомъ и смѣется надъ тѣмъ, что составляетъ для глубокаго мыслителя предметъ пламенной заботы и наслажденія. Ему нужна истинна опытная, наглядная, осязаемая, такъ сказать, непосредственно соприкасающаяся съ жизнію, истинна, примѣненіе которой очевидно. У него есть смѣтливость скоро и вѣрно схватывать подобныя истинны и какъ слѣдуетъ употреблять ихъ въ дѣло.

Но часто, не принимая на себя труда, или неимѣя способности разбирать (анализировать) общія идеи, онъ легко покоряется понятіямъ другихъ, не имѣетъ своего оригинальнаго взгляда и поступаетъ такъ, какъ поступаютъ всѣ, т. е. большая часть людей, не мыслящихъ своимъ умомъ, не привыкшихъ давать себѣ строгій отчетъ въ своихъ поступкахъ. Иногда онъ хочетъ идти своимъ особеннымъ путемъ; но, неимѣя обширнаго и глубокаго взгляда на вещи, принимаетъ за общую, основную идею какое-нибудь одностороннее понятіе, частное правило, противорѣчитъ самому себѣ, противорѣчитъ другимъ, и дѣлается страннымъ и смѣшнымъ; если же съ ограниченностію его взгляда и ложнымъ направленіемъ соединяется еще упрямство, то онъ часто доходитъ до самыхъ безразсудныхъ или ужасныхъ послѣдствій. Даже самыя неудачи раздражаютъ его желаніе и онъ съ какимъ-то ожесточеніемъ, съ какимъ-то фанатизмомъ привязывается къ плану, несбыточность котораго, кажется, иногда ему самому очевидна.

Если же подобная настойчивость характера соединяется съ идеями здравыми, то она бываетъ благотворна для жизни практической. Въ такомъ случаѣ человѣкъ дѣловой часто бываетъ орудіемъ высшихъ воззрѣній другаго; онъ выполняетъ то, что умъ глубокій обдумалъ и что чрезъ длинный рядъ понятій дошло до самыхъ простыхъ истинъ и сдѣ-

лалось доступнымъ всякому въ житейскомъ быту, во многолюдствѣ.

Онъ же имѣетъ и всѣ достоинства самаго лучшаго исполнителя: онъ рѣшителенъ и смѣло принимается за дѣло; сомнѣній, проистекающихъ отъ многосложныхъ умственныхъ расчетовъ, повѣрокъ, для него не существуетъ; онъ беретъ уже идею готовую, очищенную и не считаетъ нужнымъ подвергать ее изслѣдованію; все вниманіе его устремлено только на средства и способы, какъ осуществить ее.

По этому онъ и скоръ въ исполненіи: медленность происходитъ или отъ неопредѣленности въ мысляхъ, или отъ робости и недостатка предпріимчивости въ предположеніяхъ, или отъ неумѣнья исполнить начатое дѣло, или отъ непостоянства, отъ перерывовъ и частыхъ остановокъ въ занятіяхъ.

Онъ рѣдко бываетъ энтузіастомъ, рѣдко предается какому нибудь занятію съ тѣмъ жаромъ души, который составляетъ муку и наслажденіе людей, живущихъ идеями. Энтузіазмъ есть такое состояніе, когда одинъ предметъ становится для человѣка средоточіемъ всей его жизни и поглощаетъ всѣ силы его существа, когда этому предмету человѣкъ предается искренно, безкорыстно, безусловно, безъ всякихъ посторонніхъ видовъ, по какому-то симпатическому увлеченію, съ готовностію на самопожертвованія; а такое состояніе едвали возможно для человѣка практическаго.

При ограниченности ума, или тѣснотѣ круга дѣятельности, онъ становится мелочнымъ: всякая бездѣлица—для него важное занятіе, серьезное дѣло; онъ, можно сказать, изобрѣтаетъ для себя заботы.

Человѣкъ практическій не любитъ уединенія: въ природѣ для него нѣтъ красоты; онъ ищетъ въ ней только пользы. До чтенія онъ не охотникъ: въ книгахъ все мысли, чувства, иногда мечты, — а ему нужно дѣло; книги онъ употребляетъ только, какъ отдыхъ отъ дѣльныхъ занятій, или, какъ развлеченіе во время болѣзни, безсонницы, когда не можетъ заняться чѣмъ нибудь лучше. Изящныхъ искусствъ онъ не презираетъ, однакожъ не питаетъ къ нимъ ни большаго сочувствія, ни уваженія. Онъ ищетъ общества: оно замѣняетъ ему собственное размышленіе; въ мнѣніяхъ другихъ, а еще больше въ поступкахъ ихъ, онъ видитъ то, чего другіе ищутъ въ книгахъ и въ умственныхъ соображеніяхъ — правилъ жизни. Справедливо считая общественную жизнь существенною потребностью всякаго дѣльнаго человѣка, онъ строго соблюдаетъ условія и приличія.

Но подчиняясь требованіямъ общества, онъ постоянно стремится къ своимъ цѣлямъ и никогда не дѣйствуетъ безъ видовъ. Если у него не высокія нравственныя понятія, или нѣтъ природной доброты сердца, онъ бываетъ холоднымъ эгоистомъ, который хочетъ все дѣлать только для себя: по вполнѣ владѣя собой, онъ умѣетъ скрывать свой ненавистный характеръ, бываетъ искателенъ, вкрадчивъ, умѣетъ

кстати показать видъ благороднаго участія, непоколебимой прямоты, гордой независимости духа, безкорыстія, даже благотворительности, а дѣйствуетъ открыто, вступаетъ въ рѣшительную борьбу, когда она неизбѣжна. И тогда обнаруживаетъ опытность ума, наблюдательность, прозорливость, удивительную силу соображенія, особенно же твердость души, которая постоянно, прямо и неуклонно идетъ къ своей цѣли. Иногда это постоянное стремленіе къ одному предмету превращается въ страсть: но это не есть страсть бурная и порывистая,—источникомъ которой бываетъ сильное и пламенное чувство; нѣтъ, это страсть ровная, мѣрная, расчитанная, соединенная съ полнымъ сознаніемъ условій, средствъ и предмета дѣйствія. Будь у него другія побужденія, и мы бы глубоко уважали его; потому что онъ произвелъ бы что нибудь великое.

§ 54.

Преобладаніе чувства.

Характеръ, проистекающій отъ рѣшительнаго преобладанія чувства надъ всѣми силами души, можно назвать сантиментальнымъ. Сантиментальность не есть чувствительность, а только раздражительность чувства; это—живость сердца, открытаго всѣмъ впечатлѣніямъ, чуждая глубокости, энергіи и постоянства. Сантиментальный человѣкъ — врагъ всякаго умственнаго занятія, особенно требующаго продолжительнаго, послѣдовательнаго и глубокаго размышленія: онъ не способенъ къ напряженному вниманію.

Онъ не способенъ и къ строгому соображенію; потому что для этого необходимо ясно представлять себѣ каждую черту предмета въ отдѣльности и тонкія, иногда многосложныя отношенія между различными предметами; а сантиментальный человѣкъ любитъ предаваться безотчетнымъ ощущеніямъ; безпрерывное потрясеніе, безпрерывная тревога сердца препятствуютъ ясности мысли.

Онъ боится отвлеченностей; общія, безформныя понятія, кажутся ему слишкомъ сухими, холодными и мертвыми; а если онъ и коснется ихъ, то тотчасъ же возвращается къ своему чувству и снова вполнѣ предается впечатлѣніямъ, которыя въ душѣ его пробуждаетъ идея. Говоря собственно, онъ не представляетъ ясно, во всей полнотѣ, ни одной мысли, и сознаетъ ее только по тѣмъ ощущеніямъ, на которыя она разрѣшается въ душѣ его.

Не имѣя строгихъ и отчетливыхъ понятій, сантиментальный человѣкъ, естественно, не можетъ быть послѣдовательнымъ въ своихъ мысляхъ: онѣ мелькаютъ въ умѣ его безсвязно, раждаются какъ-то такъ—сами собою, не какъ послѣдствія мыслей предыдущихъ, не какъ логическіе выводы, и исчезаютъ также неожиданно, какъ рождаются, будучи вытѣсняемы безпрерывно смѣняющимися впечатлѣніями. Отъ этого сантиментальные люди слабы умомъ и памятью; умъ передаетъ мало понятій на сохраненіе памяти; память мало изъ переданнаго сохраняетъ для ума. Это для науки люди потерянные, а принуждать ихъ

заниматься выше мѣры значитъ обречь на совершенную тупость.

Сантиментальность часто соединяется съ горячимъ воображеніемъ: но это не есть воображеніе, которое, какъ зеркало повторяетъ дѣйствительность живо, вѣрно, и полно; это не есть воображеніе, въ которомъ въ послѣдовательной и стройной непрерывности, въ перспективѣ, развертываются возникающія, прежде бывшія впечатлѣнія, образы и картины: это не есть воображеніе художественное, изобрѣтательное, украшающее, или преобразующее дѣйствительность: воображеніе сантиментальныхъ людей также сбивчиво и безпорядочно въ своихъ представленіяхъ, какъ умъ ихъ въ своихъ идеяхъ: предметы природы, мѣстоположенія, лица, происшествія, никогда не напечатлѣваются въ душѣ сантиментальнаго съ своею естественною опредѣленностію; для этого необходимо опять глубокое, напряженное и часто продолжительное вниманіе; онъ не создаетъ для себя даже мечты, которая бы долго и сильно занимала его: для этого также необходимо сосредоточеніе души на одномъ предметѣ; и дѣйствительность и мечта его зыбки, переходчивы,—неуловимы, «дымъ—не дымъ, туманъ—не туманъ.»

Неспособные къ жизни созерцательной, или умозрительной, сантиментальные люди еще менѣе способны къ жизни дѣятельной, практической: они никогда не имѣютъ опредѣленнаго взгляда на вещи; мнѣнія ихъ безпрерывно мѣняются; когда они ду-

мають приняться за какое нибудь дѣло, нѣсколько другихъ предметовъ уже овладѣваютъ ими и влекутъ ихъ къ себѣ; перебѣгая мысленно отъ одного къ другому, поставленные между двумя крайностями—поступить такъ или иначе, да или нѣтъ, они въ этой странной борьбѣ съ самими собою изнуряютъ свои силы, уже утомлены безъ дѣла, и обыкновенно или ни начто не рѣшаются, или рѣшаются такъ, на удачу, потому что иногда надобно же на что нибудь рѣшиться. Отъ этого они, какъ дѣти, въ семейномъ и общественномъ быту бываютъ въ продолженіи всей жизни, такъ сказать, подъ опекой.

Кажется бы, сантиментальные люди должны быть способны принимать участіе въ другихъ, а на дѣлѣ выходитъ противное: они знаютъ чрезмѣрную раздражительность своего чувства и избѣгаютъ случаевъ, которые бы могли сильно потрясти и растревожить ихъ; участіе требуетъ душевной силы и твердости, чтобы человѣкъ могъ видѣть вблизи, вполнѣ, горе другаго и вытерпѣть муку состраданія; но люди слишкомъ нѣжные изнемогаютъ отъ всякаго скорбнаго чувства. Да и что значитъ ихъ участіе? Пустыя жалобы, вздохи, слезы, или неразсудительная, или мелочная помощь. Что бы облегчать судьбу другаго, нуженъ умъ, нужна дѣятельность, часто постоянная и продолжительная, нужна внимательная заботливость и предупредительность; но это пріобрѣтается наблюдательностію, размышленіемъ, привычкой не только

видѣтся съ людьми, но жить съ ними, вникать въ ихъ нужды, узнавать ихъ потребности и способы ихъ благосостоянія; эта внѣшняя жизнь не для сантиментальныхъ: они вѣчно погружены въ самихъ себя, заняты своими чувствами.

Они даже не могутъ участвовать и въ удовольствіяхъ общественныхъ; имъ и самое наслажденіе въ тягость; они ничего не принимаютъ въ надлежащую мѣру; все поражаетъ ихъ; отъ раздражительныхъ слезъ они переходятъ непосредственно къ истерическому смѣху. Это люди состарѣвшіеся еще въ молодости.

Замѣчательно, что сантиментальные люди болѣе склонны къ меланхолическому или мрачному, нежели веселому расположенію духа: подавляемые впечатлѣніями всякаго рода, они безпрерывно сознаютъ свое слабодушіе и свою страдательную роль: поэтому жаловаться, сожалѣть, роптать для нихъ— потребность, или покрайней мѣрѣ, постоянная привычка; они во всемъ находятъ причины для плаксивости. Они вообще съ какимъ-то особенно-страннымъ сочувствіемъ останавливаются на мелочахъ и любятъ выдумывать для себя миніатюрныя горести.

Они представляются любителями природы и изящныхъ искусствъ: но не имѣя силы души т. е. ни свѣтлаго взгляда ума, ни дѣятельнаго воображенія, ни глубокаго чувства, не сознаютъ живо ни одного впечатлѣнія; все кажется имъ въ какомъ-то

неопредѣленномъ и преувеличенномъ видѣ: все имъ или восхитительно, дивно, священно, божественно, мило, очаровательно, упоительно, или ужасно, гибельно, возмутительно, убійственно, безотрадно и т. д. Они любятъ особенно произведенія словесности, исполненныя несбыточныхъ приключеній, притор-наго нѣжничанья и сценъ говорливой чувствитель-ности. Бѣдная Лиза Карамзина, Идилліи Геснера, Германъ и Доротея Гете, стихотворенія Нелединскаго-Мелецкаго, Г-жи Дезульеръ, Мильвуа—въ ихъ вкусѣ. Языкъ метрическій они предпочитаютъ прозѣ, стихъ плавный и мягкій, хотя вялый — суровому и энергическому.

§ 55.

Преобладаніе воображенія.

Отъ рѣшительнаго преобладанія воображенія надъ другими способностями души происходитъ характеръ мечтательный.

Онъ болѣе другихъ подходитъ къ сантиментальному; однакожъ между ними есть значительныя различія. Мечтательный также, какъ сантиментальный, неспособенъ къ умственному труду, также нелюбитъ отвлеченностей, но не по безсилію души, а по необыкновенной дѣятельности воображенія, которое препятствуетъ ему остановиться на предметѣ и пристально всмотрѣться въ него.

По этому, принявъ за основаніе нѣсколько данныхъ, нѣсколько явленій и опытовъ, и не вникнувъ въ сущностъ ихъ, онъ дѣлаетъ поспѣшныя и

опрометчивыя заключенія, иногда строитъ цѣлыя системы. До какой степени умъ часто порабощается прихотливости необузданнаго воображенія и какъ это вредно наукѣ, слѣдуетъ вспомнить, что даже геніальные люди, отдаваясь мечтательности доходили до необыкновенныхъ странностей: такъ, на примѣръ, Лейбницъ думалъ объяснить созданіе міра слѣдующимъ образомъ: «единица есть символъ Божества; нуль — символъ ничтожества; Богъ произвелъ изъ ничего всѣ существа, какъ изъ нуля посредствомъ единицы производятся всѣ количества.» Эта мысль сильно занимала знаменитаго Математика и Философа. Онъ сообщилъ ее Іезуиту Гримальди, находившемуся въ Китаѣ и надѣялся, что подобная эмблемма созданія міра заставитъ Китайскаго Императора обратиться въ Христіанство.» * Еще страннѣй его идея предуставленной гармоніи (præstabilitae harmoniae) между тѣломъ и душею. Это извѣстно всякому. Знаменитый Италіанскій ученый Вико объясняетъ происхожденіе нѣкоторыхъ словъ совершенно фантастически: на Латинскомъ языкѣ слово *caput* (голова) употребляется вмѣсто *homo* (человѣкъ); это по мнѣнію Вико произошло вотъ какъ: «люди послѣ паденія Адама огрубѣли и разошлись по лѣсамъ, встрѣчаясь часто между вѣтвей и въ кустарникахъ, они видали другъ у друга только голову, не видя остальныхъ частей тѣла. И такимъ образомъ голова

* Essai philosophique sur les probabilités. Laplace. p. 194—195.

сдѣлалась знакомъ человѣка : слово человѣкъ (homo) есть уже выраженіе отвлеченное , общее , философское: оно означаетъ тѣло со всѣми его частями , умъ со всѣми его способностями, сердце со всѣми его наклонностями. * Послѣ этого можно себѣ представить, какъ далеко воображеніе завлечетъ человѣка съ умомъ обыкновеннымъ, или слабымъ отъ природы.

Такое мечтательное направленіе ума тѣмъ вреднѣе, что оно имѣетъ нѣкоторый видъ правдоподобія и логической послѣдовательности; потому что среди множества призраковъ , порожденныхъ воображеніемъ, тутъ бываютъ факты, неподлежащіе сомнѣнію; это не чистая игра фантазіи, которой вполнѣ мы никогда невѣримъ; это—вымыслы, смѣшанные съ дѣйствительностію, и тѣмъ болѣе обманчивые, вымыслы, иногда опирающіеся на опытахъ, конечно, односторонно понимаемыхъ, приведенные въ систему со всѣмъ усиліемъ, со всѣми кажущимися требованіями строгой учености: но въ нихъ даже мы не находимъ и того удовольствія , которое доставляетъ живость , блескъ , иногда внѣшняя красота, или, покрайней мѣрѣ, прихотливость этихъ формъ и образовъ , рождающихся и исчезающихъ въ душѣ безъ всякаго напряженія съ нашей стороны : мечты ума — мечты холодныя , безцвѣтныя , утомительныя.; это логическіе круги , или чертежи разныхъ объемовъ

* Vico. Scienza nuova. Lib. 11. c. 7.

чуждые всякаго содержанія. Человѣкъ неумышленно предается этому обману: изысканія ума идутъ медленно; логическій путь — труденъ и ограниченъ многими условіями, а намъ бы хотѣлось дѣйствовать независимо отъ внѣшности, хотѣлось дать полный просторъ мысли; мы забываемъ что «человѣкъ, только повинуясь природѣ, покоряетъ ее себѣ. *

Это желаніе освободиться, какъ можно болѣе отъ всего, что стѣсняетъ нашу нравственную дѣятельность, причиною, что жизни дѣйствительной, живому человѣческому обществу мы предпочитаемъ міръ фантазіи. Чуждаясь всякихъ занятій, которыхъ требуютъ отъ насъ житейскія отношенія, мечтатель погружается въ себя: привыкаетъ къ предметамъ и существамъ своего особеннаго міра, только въ нихъ однихъ находитъ для себя занимательность и принимаетъ участіе; ко всему, что внѣ его, становится невнимательнымъ, даже холоднымъ.

Когда же необходимость заставляетъ его покинуть на время свои мечты, спуститься въ обыкновенный людской бытъ и приняться за дѣла, онъ впадаетъ въ непростительныя ошибки; его горячность, его восторженность, препятствуютъ ему видѣть вещи въ надлежащемъ свѣтѣ и вести себя соотвѣтственно обстоятельствамъ. Человѣкъ съ необузданнымъ воображеніемъ судитъ о вещахъ только по

* Homo, obediendo naturae, naturam vincit. Baco.

тѣмъ минутнымъ впечатлѣніямъ, которыя онѣ на него производятъ, и поступаетъ соотвѣтственно мечтательному положенію, въ которомъ онъ воображаетъ себя Отъ того мечтатель всегда вдается въ крайности; онъ воображаетъ все или въ самомъ привлекательномъ, волшебномъ, или ужасномъ и отвратительномъ видѣ; міръ для него или рай, или адъ, а не земля, на которой есть добро и зло, горе и наслажденіе; человѣкъ — или ангелъ, или — демонъ; средины нѣтъ. Отъ этого онъ непостояненъ въ жизни и не ровенъ въ своемъ поведеніи, мгновенно бросаетъ то, что мгновенно полюбилъ; у него нѣтъ сильныхъ и глубокихъ привязанностей: малѣйшій недостатокъ уже его разочаровываетъ; малѣйшая непріятность огорчаетъ; первая неудача разрушаетъ планъ, которому онъ хотѣлъ слѣдовать въ продолженіи всей жизни.

Воображая міръ романомъ, или поэмой, мечтатель во всемъ ищетъ чего-то чрезвычайнаго, идеальнаго: люди въ естественную величину для него мелки, презрѣнны, — это толпа, стадо; ему нужны титаны, или хоть, по крайней мѣрѣ, герои Иліады и Освобожденнаго Іерусалима.

За то онъ и несочувствуетъ радостямъ и страданіямъ этого обыденнаго свѣта: онѣ для него мелки, пусты, недостойны участія и вниманія. Ему нужны восторгъ, бѣшенство, изступленіе, а не просто удовольствіе, предаваясь которому, человѣкъ вполнѣ сохраняетъ всю ясность ума и всю силу

воли. Что бы возбудить его состраданіе, ему опять нуженъ романическій герой, — прекрасный собою, рѣдкаго ума, образецъ великодушія, твердости, чувствительности, краснорѣчивый, вкрадчивый, ловкій въ обращеніи, одѣтый, хотя бѣдно, но со вкусомъ, съ изяществомъ, знаменитый по происхожденію, всѣми покинутый, изгнанный изъ отечества и т. д., а простой дѣйствительный бѣднякъ, часто грубый, необразованный. всегда неловкій и дурно одѣтый — возмущаетъ его аристократическое воображеніе, и представляется больше достойнымъ презрѣнія, нежели жалости; онъ, такъ сказать, бережетъ свое участіе для другихъ, болѣе достойныхъ; берется за книгу, идетъ въ театръ, создаетъ самъ разныя великія лица и бѣдствія и плачетъ, или тоскуетъ искренно отъ мечтательнаго горя, и даже убѣжденъ, что онъ истинно чувствителенъ, добръ, что онъ любитъ ближнихъ и исполняетъ, или способенъ исполнять самыя важныя обязанности въ отношеніи къ людямъ, братьямъ своимъ. А это опять только одна мечта, одна игра воображенія.

Мечтатель больше другихъ односторонникъ людей находитъ наслажденія въ изящномъ; это питаетъ его фантазію; міръ искусства, міръ идеальный, удовлетворяетъ больше дѣйствительности его потребностямъ: онъ видитъ въ немъ хотя частію осуществленіе того, чего напрасно искалъ въ жизни.

Но онъ всегда поверхностный цѣнитель художественныхъ произведеній: онъ никогда не проникаетъ

до основной мысли, одушевляющей все созданіе; онъ не обнимаетъ цѣлаго, а останавливается на какой нибудь частности, иногда на мелочи, которая особенно приходится ему по вкусу.

Его занимаетъ всегда больше внѣшняя сторона искусства: въ живописи или скульптурѣ—отдѣлка формы; въ словесномъ произведеніи — преимущественно образы, картины, стиль, плавность рѣчи, размѣръ стиха, новизна риѳмы и т. д. Все яркое и рѣзкое сильно поражаетъ его; онъ рѣдко способенъ понимать прелесть простоты, суровое величіе естественности и красоту, состоящую въ строжайшей соотвѣтственности между частями цѣлаго. По этому жеманныя изображенія театральныхъ страстей, изысканныхъ положеній, внезапности, быстрые переходы изъ одного состоянія въ другое, ему понравятся болѣе, нежели истинное непритворное чувство и снятыя съ природы картины, черезъ которыя знакомишься съ людьми вообще и съ особенностями извѣстнаго общества. Къ тому же мечтатель ищетъ въ искусствѣ только возбужденія для своей фэнтазіи и съ первымъ впечатлѣніемъ онъ уже забылъ о произведеніи артиста, отдается своей обыкновенной привычкѣ — начинаетъ работать мечтою, безъ всякой идеи, безъ всякой цѣли. Значитъ, ему суждено жить всегда только призраками, всегда въ самомъ себѣ, если уже изящное искусство не въ состояніи вызвать его вниманіе во внѣшность и приковать его

мысль къ тому, что составляетъ дѣйствительную красоту и прекрасную дѣйствительность.

§ 56.

Природа, давая человѣку силы, даетъ ему вмѣстѣ и побужденія развивать ихъ ; каждая изъ силъ стремится въ развитіи своемъ превзойти и подавить всѣ другія; отъ этого между ними происходитъ безпрерывная борьба; въ этой борьбѣ и состоитъ внутренняя жизнь человѣка. Если одна изъ силъ беретъ такой рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми другими, что препятствуетъ ихъ естественной , предназначенной природою дѣятельности : то внутренняя жизнь человѣка развивается односторонно ; при этой односторонности, какъ при всякомъ отступленіи отъ требованій природы, человѣкъ лишаетъ другихъ многаго, чего бы они были въ правѣ отъ него требовать, и лишается самъ многаго, чѣмъ бы онъ могъ пользоваться и наслаждаться : но крайности во всякомъ случаѣ рѣдки и составляютъ исключенія.

Гармонія въ развитіи силъ души.

Иногда въ человѣкѣ бываетъ удивительное соединеніе многосторонности природныхъ дарованій и стройное, гармоническое ихъ развитіе, такъ, что ни одна изъ силъ не подавляетъ другихъ и не только не препятствуетъ, но, напротивъ, еще содѣйствуетъ имъ, всѣ силы его развиваются свободно, идутъ объ руку и одна другую поддерживаютъ. Такой характеръ называется поэтическимъ. Слѣдовательно, поэтическій характеръ предполагаетъ свѣтлый умъ , дѣя-

Поэтическій характеръ.

тельную память, живое воображеніе, теплоту сердца и энергію души. Это — чудная полнота силъ, по которой человѣкъ сознаетъ свое сродство со всѣми началами, или стихіями бытія,—со всѣмъ, что облагороживаетъ и возвышаетъ его; для него нѣтъ ничего чужаго; ему все занимательно, все питаетъ его душу, слѣдовательно, все доставляетъ ему наслажденіе.

Онъ любитъ науку, или знаніе: чрезъ идеи онъ вноситъ въ свою душу то, что внѣ его; умомъ онъ постигаетъ неизмѣнную, вѣчную связь всего существующаго. Онъ любитъ стройность, порядокъ въ мысляхъ: это служитъ для него отраженіемъ порядка существующаго въ природѣ.

Его трогаетъ всякое доброе дѣло; потому что добродѣтель, или нравственность есть гармонія поступковъ человѣка съ основными законами жизни вообще и счастіемъ каждаго лица въ отдѣльности.

Онъ наслаждается и красотами внѣшней природы, потому что въ нихъ видимымъ и ощутительнымъ образомъ, въ чувственныхъ формахъ, выражается внутреннее совершенство, внутренній порядокъ, внутренняя гармонія силъ и законовъ, которыми хранится единство и цѣлость природы; потому что чрезъ эти прекрасныя созданія дается чувству нравственное направленіе и мѣрный ходъ дѣятельности души его.

Значитъ, развитіе поэтическаго характера есть высшая задача нашего существованія, и поэтическая душа—прекраснѣйшее явленіе въ человѣческомъ родѣ.

Изъ поэтическаго характера проистекаютъ два свойства, или двѣ силы: 1, способность сочувствовать изящному; 2, способность производить изящное, или творческое дарованіе, творческій талантъ.

Для объясненія, что значитъ сочувствовать изящному и производить изящное, необходимо объяснить сущность изящнаго и общіе виды, или формы его.

Наука объ изящномъ называется эстетикою. Эстетика — слово греческое и буквально значитъ — наука о чувствѣ. Это названіе односторонно и не выражаетъ понятія о предметѣ, къ которому относится. Не входя въ подробныя изслѣдованія объ изящномъ, неимѣя въ виду писать цѣлую систему его теоріи, мы ограничимся только тѣмъ, что имѣетъ самую близкую связь съ теоріею языка и произведеній словесности.

ЭСТЕТИЧЕСКІЯ ПОНЯТІЯ.

§ 57.

Изящное. Слово — изящный происходитъ отъ глагола — изъемлю (выбираю), слѣдовательно, буквально значитъ: выбранный, отборный, отличный, или прекрасный.

Въ обыденномъ разговорѣ мы называемъ прекрасною всякую вещь, которая 1) соотвѣтствуетъ свое-

му назначенію; 2) всякую вещь, которая удовлетворяетъ нашимъ физическимъ потребностямъ, слѣдовательно опять тоже находится въ соотвѣтственности съ нашею чувственною жизнью; 3) всякую мысль, которая удовлетворяетъ потребностямъ ума, т. е. возбуждаетъ его къ дѣятельности, поясняетъ многія изъ идей предыдущихъ и служитъ для многихъ точкою опоры; 4) всякую картину воображенія, въ которой есть черты сильныя, производящія глубокое впечатлѣніе на душу, или между частями которой находится строгая соотвѣтственность; 5) мы называемъ прекраснымъ чувство, которое, доставляя наслажденіе намъ, не разрушаетъ удовольствія другихъ; 6) называемъ прекраснымъ поступокъ, который соотвѣтствуетъ основнымъ требованіямъ человѣческой природы, поступокъ нравственный, благородный, добрый. Слѣдовательно, прекраснымъ, въ полномъ и точномъ смыслѣ, надобно называть то, что болѣе или менѣе, удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ человѣка, что дѣйствуетъ на всѣ стороны, на всѣ силы, или способности его жизни, поддерживая между ними соотвѣтственность, или гармонію, давая ему высшее направленіе, какъ существу мыслящему и нравственному. Это — прекрасное, въ эстетическомъ смыслѣ, или изящное.

Стремленіе къ изящному.

Стремленіе къ изящному не есть прихоть, не есть роскошь, излишество нашей жизни; нѣтъ, начало этого стремленія находится въ природѣ человѣка; оно есть необходимая, естественная и сущест-

венная потребность духовной жизни нашей; въ немъ заключается источникъ нашего усовершенствованія и высочайшаго наслажденія, къ какому только человѣкъ способенъ на землѣ. Это доказывается слѣдующимъ:

Творецъ и первообразъ всего существующаго есть Богъ.

Идея силы и гармоніи въ идеѣ о Богѣ.

Съ идеею о Богѣ въ нашемъ умѣ неразрывно соединяется идея: 1) о безконечной силѣ т. е. могуществѣ дѣйствовать, неограничиваясь ни предѣлами пространства, ни предѣлами времени, никакими формами и условіями. Такъ называя Бога всевѣдущимъ, мы приписываемъ ему безконечную силу ума, всемогущимъ,—безконечную силу творчества.

Съ идеею о Богѣ въ нашемъ умѣ неразрывно соединяется идея: 2) о безконечной мудрости, управляющей силою, иначе—о безконечной гармоніи. Такъ называя Бога промыслителемъ, мы приписываемъ ему свойство сохранять единство, порядокъ, гармонію, какъ въ физическомъ, такъ и нравственномъ мірѣ; называя его верховнымъ, нелицемѣрнымъ судіею, мы видимъ въ немъ существо, которое воздаетъ каждому свое, добру — награду, злодѣянію— казнь, слѣдовательно опять хранитъ порядокъ и гармонію міра.

Проявленіе идеи силы и гармоніи въ физической природѣ.

Природа есть твореніе Божіе: а свойства Творца переходятъ въ его твореніе; по этому, въ природѣ есть неистощимо дѣятельныя силы, развивающіяся по неизмѣннымъ законамъ, слѣдовательно,

гармонически. Это съ одной стороны выражается величіемъ, огромностью, колоссальностью, съ другой— красотою, въ тѣсномъ смыслѣ, граціозностью ея явленій, ея дѣятельности.

§ 58.

Въ душѣ человѣка явственнѣе, нежели въ другихъ созданіяхъ природы, отражается Божественная сила и гармонія: 1) способности человѣка могутъ совершенствоваться до безконечности; нѣтъ предѣла ихъ дѣятельности, ихъ развитію; умъ ищетъ познаній: наблюдаетъ жизнь внѣ и внутри себя, собираетъ разнообразные матеріалы для соображенія, повѣряетъ опыты опытами, дѣлаетъ открытія; сличаетъ ихъ съ открытіями вѣковъ прошедшихъ, извлекаетъ изъ нихъ тысячи выводовъ, словомъ—обогащается идеями многосторонними и глубокими; но жажда къ знанію чрезъ то не утоляется, а еще болѣе возрастаетъ; онъ не можетъ найти удовлетворенія въ пріобрѣтеніи свѣдѣній о нѣкоторыхъ предметахъ, о нѣкоторыхъ сторонахъ жизни; онъ хотѣлъ бы изслѣдовать и узнать все. Сердце ищетъ наслажденій, и упиваясь ими, подобно уму, безпрерывно жаждетъ новыхъ, болѣе глубокихъ, болѣе сильныхъ и продолжительныхъ, и нѣтъ конца его стремленію: ни одно наслажденіе, ни вмѣстѣ всѣ наслажденія, имъ испытываемыя, не могутъ наполнить его; душа всегда чувствуетъ какую-то пустоту, какой-то недостатокъ. Въ практической жизни человѣкъ стре-

Въ душѣ человѣка.

мится къ осуществленію идей, истиннъ ума, для блага ближнихъ: но какъбы много добра онъ ни дѣлалъ, все оно кажется ему слишкомъ слабымъ, ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что бы можно было сдѣлать. Для него недостаточно осчастливить одного человѣка, даже одну страну; онъ желалъ бы осчастливить все человѣчество, весь міръ. Воображеніе ловитъ черты, формы предметовъ, такъ сказать, снимаетъ съ природы безчисленные виды, но принявъ одно впечатлѣніе, уже мгновенно перебѣгаетъ къ другому, требуетъ новой дани; въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ располагаетъ пріобрѣтенные матеріалы, смѣшиваетъ ихъ, преобразовываетъ, создаетъ картины мѣстъ, эпохъ, лицъ, дѣйствій, измѣняетъ составъ этихъ картинъ, окончивъ одну работу, начинаетъ другую, и неутомимая, неистощимая, въ своей дѣятельности, требуетъ безпрерывной новизны, безпрерывнаго обновленія, безпрерывной дѣятельности.

2) Человѣкъ стремится къ стройному, гармоническому развитію своихъ способностей. Въ умѣ это выражается стремленіемъ къ истиннѣ и системѣ; а) къ истиннѣ: умъ требуетъ того, что бы его понятія были не пустыми призраками, но вѣрными мысленными образами предметовъ, или иначе—чтобы представленія его находились въ совершенной соотвѣтственности, или гармоніи съ представляемыми силами, законами и явленіями жизни, словомъ, съ тѣмъ, о чемъ онъ размышляетъ. Намъ бываетъ очень груст-

но, когда замѣтимъ свое заблужденіе: однакожъ мы готовы лучше отвергнуть все, въ чемъ прежде были сильно и долго убѣждены, готовы лучше признать всю безплодность своихъ многолѣтнихъ изысканій, перенести всю горечь разочарованія, нежели принимать обольщеніе за дѣйствительность, обманъ за истинну. b) Къ системѣ: умъ не любитъ безпорядка; онъ требуетъ, чтобы всѣ его мысли поддерживали, объясняли, доказывали одна другую, всѣ вмѣстѣ относились къ одной господствующей идеѣ, развивались послѣдовательно, составляли одно стройное цѣлое, иначе, что бы онѣ гармонировали между собою, и съ своимъ основнымъ началомъ. Въ сердцѣ эта потребность гармоническаго развитія жизни выражается стремленіемъ къ нравственнымъ, духовнымъ наслажденіямъ. Только такія наслажденія не сопровождаются горечью, не отравляютъ ни насъ, ни другихъ; слѣдовательно, стремленіе къ нимъ есть усиліе сохранять гармонію жизни въ самомъ себѣ и поддерживать гармонію съ другими т. е. не разстроивать тѣхъ отношеній, въ которыхъ люди должны находиться между собою, не разрывать тѣхъ связей, по которымъ человѣкъ долженъ другому содѣйствовать жить и наслаждаться жизнью. Въ практической дѣятельности это выражается вѣрностью однажды принятымъ началамъ, или правиламъ, въ истиннѣ, благородствѣ и благодѣтельности которыхъ мы совершенно убѣждены, ровностію характера, постоянствомъ и энергіею воли въ выполненіи предпо-

ложенной нравственной цѣли. Въ воображеніи это выражается стремленіемъ къ связи, къ послѣдовательности и соотвѣтственности между частями образовъ и цѣлыми картинами. Оно переходитъ отъ одной черты къ другой, отъ одного впечатлѣнія къ другому, по отношеніямъ сходства, различія, совмѣстности, современности и преемственности. Этимъ законамъ подчиняется и фантазія въ своихъ, по видимому, совершенно свободныхъ вымыслахъ.

§ 59.

Виды изящнаго.

И такъ изящное приводитъ нашу душу въ поэтическое состояніе только потому, что пробуждаетъ въ ней или 1, идею о безконечномъ величіи; или 2, идею о безконечной гармоніи. Предметы перваго рода называются высокими, предметы втораго рода — граціозными, или прекрасными, въ тѣсномъ смыслѣ.

Конечно, такъ какъ вся природа въ цѣломъ своемъ составѣ, во всеобщемъ развитіи своихъ силъ, отражаетъ безконечность Божественныхъ совершенствъ: то на каждомъ изъ ея явленій есть печать величія и красоты, печать непостижимой творческой силы и гармоніи; но каждое явленіе имѣетъ свой особенный, опредѣленный характеръ, слагающійся изъ извѣстныхъ стихій, или свойствъ, которыя опять находятся въ извѣстномъ между собою отношеніи, нигдѣ ни въ какомъ другомъ предметѣ точь въ точь неповторяющемся; поэтому каждое явленіе по причинѣ своей односторонности, преимущественно пора-

жаетъ насъ или своимъ величіемъ, или своею прелестію. Разумѣется, каждый человѣкъ бываетъ способенъ замѣчать въ предметѣ больше одну, нежели другую, а иногда рѣшительно одну сторону: но этотъ личный взглядъ, это временное чувство человѣка, ни сколько не измѣняетъ господствующаго характера самаго предмета; сущность вещи независитъ отъ того, какъ мы о ней думаемъ, какое впечатлѣніе она производитъ на насъ, или съ какой стороны мы ее разсматриваемъ.

Есть двоякаго рода силы: физическія и нравственныя; первыя суть начала дѣятельности въ природѣ вещественной; послѣднія—начала дѣятельности въ духовной природѣ человѣка.

Физическі-высокое.

Если развитіе силъ физическихъ представляется намъ въ такой степени, въ такихъ размѣрахъ и явленіяхъ, которыя живо напоминаютъ мысль о силѣ, незнающей ни числа, ни мѣры, занимаютъ весь умъ нашъ этою одною мыслью, даютъ намъ непосредственно чувствовать ея присутствіе въ природѣ, отрываютъ наше воображеніе отъ всякой опредѣленной формы, отъ всякаго дѣйствительнаго предмета, и между тѣмъ возбуждаютъ его къ самой сильной дѣятельности: то это называется физически-высокимъ. Это вещественный образъ, кумиръ Безконечнаго въ природѣ *.

Виды физически-высокаго.

Физически-высокое бываетъ трехъ родовъ, или является въ трехъ видахъ: 1, высокое пространства; 2, высокое времени: 3, высокое дѣйствія.

* Cousin. Leçons philosophiques.

Высокое пространства: неизмѣримость высоты, глубины, широты, отдаленія сильно поражаетъ насъ; таковы громады горъ, вершины которыхъ теряются въ облакахъ,—или кряжи которыхъ тянутся на необозримомъ протяженіи, пустыни, степи, равнины океановъ, бездонныя пропасти и т. д. Не обнимая предмета физическими чувствами, мы невольно переходимъ къ мысли о безпредѣльности. Воображеніе, не стѣсняемое ни какими предѣлами мѣста и формъ извѣстнаго предмета вещественнаго, извѣстнаго явленія, не останавливается на чемъ нибудь одномъ, а стремится обнять все, всѣ предметы, всѣ безчисленныя семейства явленій, всѣ формы, всѣ разстоянія; тогда оно воскрешаетъ всѣ свои прежнія впечатлѣнія, сливаетъ въ одно прежде видѣнныя мѣста и картины природы, вымышляетъ новыя, увеличиваетъ, расширяетъ ихъ размѣры, соединяетъ свой вымышленный міръ съ міромъ дѣйствительнымъ, созданія мечты съ созданіями природы; но наконецъ человѣкъ чувствуетъ свое безсиліе и сознаетъ, что есть безпредѣльное, недоступное даже фантазіи, безпредѣльное, недоступное для человѣка не только въ дѣйствительности, но даже въ мечтахъ воображенія.

Чтобы чувствовать эти впечатлѣнія, не надобно быть мыслителемъ, философомъ, ученымъ; для этого надобно только имѣть глазъ и душу; надобно только, чтобы человѣкъ жилъ не какъ животное, мате-

ріально и безсознательно, чтобы онъ хотя изрѣдка обращалъ вниманіе на то, что происходитъ въ немъ. Это — ощущенія повседневныя. Не нужно далеко искать такихъ предметовъ: слѣдуетъ только поднять глаза, и передъ нами — неизмѣримая высота, даль и ширина. И къ счастью человѣчества, эти чувства доступны всякому: они облегчаютъ земное горе.

Высокое времени: настоящее есть одно мгновеніе; слѣдовательно насъ поражаетъ сильно только представленіе прошедшаго и будущаго. Здѣсь тоже для воображенія нѣтъ границъ: какъ бы мы ни громоздили столѣтія на столѣтія, какъ бы ни умножали числа эпохъ, періодовъ, цикловъ, словомъ, всѣхъ отдѣловъ и круговоротовъ времени, воображеніе никогда не можетъ дойти до начала и конца созданія, и отъ мысли о времени, мы невольно переходимъ къ мысли о вѣчности. По этому насъ занимаетъ всякій предметъ, на которомъ есть печать древности, или съ которымъ соединяется мысль о его долговѣчности, словомъ, все, въ чемъ выражается сила, которая можетъ противостоять разрушительному вліянію времени. Таковы, напримѣръ, Римъ, Аѳины, пирамиды и эти осиротѣлые, задумчивые сфинксы, съ береговъ Нила перенесенные на берега Невы.

Впрочемъ отдаленность времени, долговѣчность больше дѣйствуетъ на душу человѣка, привыкшаго размышлять, знакомаго съ исторіей, съ различными

переворотами въ жизни народовъ. Какой нибудь памятникъ древности воспламеняетъ наше воображеніе особенно потому, что мы сравниваемъ его со множествомъ другихъ памятниковъ исчезнувшихъ, что онъ одинъ уцѣлѣлъ среди разрушенія. Не будь у насъ этихъ мыслей, мы бы хладнокровно смотрѣли на всѣ древности.

Высокое дѣйствія является намъ не только въ неожиданныхъ переворотахъ міра матеріальнаго: но и въ постоянномъ, мѣрномъ ходѣ природы; такъ, насъ изумляетъ эта неистощимая энергія стихій и началъ жизни, эта безостановочная, никогда незасыпающая, безпрерывная ихъ дѣятельность, эта смѣна эпохъ дня, временъ года и т. п.

§ 60.

Нравственно-высокое. Нравственно-высокими называются тѣ явленія человѣческой жизни, въ которыхъ обнаруживаются необыкновенныя силы духа, тѣ явленія, которыя даютъ намъ живо чувствовать, что человѣкъ есть существо въ высочайшей степени могущественное и свободное, что онъ если не царь природы, то и не рабъ ея, что, прикованный къ землѣ, онъ не забываетъ своей Божественности, смѣло борется съ чувственностію, подавляющею его нравственныя начала, высшую духовную природу, что независимо отъ физическаго благосостоянія, отъ обстоятельствъ, отъ общества, въ самомъ себѣ можетъ найти опору нравственныхъ дѣйствій, источникъ ничѣмъ невозмути-

маго душевнаго спокойствія и утѣшеній среди неизбѣжныхъ утратъ жизни: сюда относятся: 1) величіе ума, геніальность познавательной силы, обнаруживающейся быстротою, глубокостію, обширностію и оригинальностію взгляда. 2) Величіе характера: а) непоколебимое благородство души противу всѣхъ искушеній золота, чувственности, порывовъ честолюбія, мести и другихъ корыстныхъ, эгоистическихъ, животныхъ страстей; b) исполинская сила воли въ преодолѣніи препятствій на пути къ прекрасной, т. е. нравственной цѣли; с) самоотверженіе, самопожертвованіе для счастія другаго, для спасенія жизни, или чести не только друга, но врага своего и т. д. 3) Величіе поэтическаго дарованія: соединеніе геніальнаго ума съ благородствомъ души, пламеннымъ чувствомъ и воображеніемъ, обнаруживаюшееся необыкновенною силою творчества въ какомъ бы то ни было родѣ изящнаго искуства.

Сочувствіе физически и нравственно-высокому.

Величіе нравственное, величіе духовной природы человѣка, сильнѣе и глубже производитъ на насъ впечатлѣніе, нежели физически высокое: 1) потому, что мы, какъ однородныя существа болѣе сочувствуемъ другъ другу, нежели явленіямъ мертвой природы; 2) потому, что развитію каждаго существа физической природы положены извѣстныя границы, которыхъ оно переступить не можетъ; каждое изъ нихъ остается навсегда въ кругу своего рода, или класса: камень не сдѣлается растеніемъ, растеніе животнымъ; животное не пріобрѣтетъ способности мы-

слить; а человѣкъ способенъ къ безконечному усовершенствованію; 3) потому, что физическія силы дѣйствуютъ механически, безсознательно : великое явленіе природы обязано своимъ величіемъ постороннему вліянію слѣпой силы, а человѣкъ самому себѣ.

По этой же самой причинѣ изъ всѣхъ родовъ человѣческаго величія мы съ особенно живымъ сочувствіемъ и уваженіемъ останавливаемся передъ подвигами великой добродѣтели : сила ума и поэтическаго таланта получается отъ природы; это—ея дары; но твердость характера, чистота и возвышенность нравственныхъ правилъ жизни, постоянство въ ихъ выполненіи, принадлежатъ собственно человѣку ; это — плодъ его усилій, его работы надъ самимъ собою ; это его пріобрѣтеніе, его созданіе : онъ не родится, а дѣлается добродѣтельнымъ: онъ самъ творецъ своего величія и виновникъ счастія другихъ.

§ 61.

Граціозное, или прекрасное.

Граціозными или прекрасными, въ точномъ смыслѣ, называются такіе предметы, такія явленія, или состоянія предметовъ, въ которыхъ выражается и дѣлается доступною для непосредственнаго нашего созерцанія преимущественно идея гармоніи въ развитіи силъ жизни, т. е. идея легкой, безпрепятственной ихъ дѣятельности, и въ тоже время строго, до мелчайшихъ подробностей въ своемъ развитіи подчиненной неизмѣннымъ законамъ бытія.

Такіе предметы не изумляютъ насъ своимъ величіемъ, не волнуютъ нашей души глубокими и бурными ощущеніями, но наполняютъ ее какою-то тихою и свѣтлою радостію; мы не благоговѣемъ, не трепещемъ передъ ними, но питаемъ къ нимъ сладкую привязанность дружбы, нѣжное сочувствіе любви.

Предметы представляются намъ прекрасными, или граціозными не по мѣрѣ, или степени развитія и вліянія силы, но по способу ея дѣйствія, по ея отношеніямъ къ другимъ силамъ, потому, какъ она дѣйствуетъ на другія силы. Листъ цвѣтка, крыло бабочки, колосъ ржи, догадливость, или ласка дитяти, исполнены прелести потому, что въ нихъ видишь соразмѣрность, симметрію, согласіе съ законами жизни. По этому, чтобы наслаждаться прекраснымъ, намъ нѣтъ нужды брать въ разсмотрѣніе продолжительность времени, величину пространства, многосторонность предмета: мы можемъ находить красоту въ одномъ мгновеніи (моментѣ) бытія, въ недѣлимомъ. Такъ мы любуемся каплей росы, свѣтящейся на солнцѣ, песчинкой, искрой, насѣкомымъ и т. д.

Наслажденіе прекраснымъ предполагаетъ: 1) чтобы мы опредѣленно представляли форму предмета и живо чувствовали отношеніе между составными его частями; слѣдовательно, чтобы 2) мы замѣчали, съ одной стороны разнообразіе, съ другой— строжайшее единство.

Въ высокомъ, предметъ служитъ только поводомъ къ возбужденію нашей духовной дѣятельности, служитъ указателемъ чего-то другаго, совершеннѣйшаго, подъ нимъ, или за нимъ скрывающагося; мы вскорѣ отрываемся отъ него: отъ единичнаго, недѣлимаго переходимъ къ цѣлому, ко всеобщему, къ идеѣ о Богѣ, и погрузясь въ ней, часто забываемъ предметъ, который пробудилъ ее; напротивъ, въ прекрасномъ мы заняты преимущественно наглядным проявленіемъ идеи въ чувственной формѣ, въ предметѣ, въ поступкѣ: прекрасный предметъ радуетъ насъ именно тѣмъ, что мы въ немъ видимъ чудное сліяніе духовнаго съ вещественнымъ, образа, или поступка съ мыслію, чувствомъ. Предметъ прекрасный мы любимъ не за то, что онъ познаменуетъ, на что насъ наводитъ, что намъ показываетъ въ отдаленіи; мы любимъ его за него самаго, мы душею привязаны къ нему, мы перебираемъ, пересматриваемъ каждую черту его; намъ бы жаль было разстаться съ нимъ для чего нибудь другаго. Въ высокомъ наслажденіе наше происходитъ отъ предощущенія другаго міра; въ прекрасномъ отъ созерцанія, отъ ощущенія того, что находится передъ нами, здѣсь, на землѣ.

Виды прекраснаго.

Прекрасное, подобно высокому, бываетъ двухъ родовъ: 1) физически-прекрасное; 2) нравственно-прекрасное.

Физически-прекрасное.

Физическій предметъ можетъ быть прекраснымъ или: а) по очерку, по рисунку; или б) по гармоніи красокъ его.

Въ первомъ случаѣ, онъ называется стройнымъ; во второмъ—живописнымъ. Станъ дерева, его сучья и вѣтви могутъ быть стройны; а листья и цвѣты могутъ давать ему живописный видъ.

Безъ сомнѣнія, предметъ бываетъ для насъ вдвойнѣ привлекательнымъ, когда въ немъ соединяется стройность очерка съ живописью. Вотъ одна изъ прекрасныхъ картинъ природы, говоритъ Англійскій писатель Блэръ: «поля покрыты зеленью и усыпаны цвѣтами; тамъ и сямъ разбросаны тѣнистыя деревья; между ними течетъ рѣчка и бродятъ пасущіяся стада; чрезъ рѣчку перекинутъ мостъ; изъ хижинъ, окруженныхъ деревами, вьется дымъ; вдали виднѣется стройное зданіе, озаренное лучами восходящаго солнца.»

Нравственно-прекрасное.

Нравственно-прекрасное выражается также, какъ и высокое; 1) въ развитіи ума; 2) въ развитіи характера, 3) въ развитіи художественнаго дарованія. 1) Въ развитіи ума—не обширность, но ясность понятій, вѣрность взгляда, живость соображенія и особенно игривость мысли, состоящая въ быстромъ и въ тоже время строго логическомъ, послѣдовательномъ ея ходѣ, и въ неожиданномъ, новомъ сближеніи предметовъ.

2) Въ развитіи характера: характеръ называется прекраснымъ тогда, когда если не содѣйствуетъ общему благу, или счастію человѣка, за то, покрайней мѣрѣ не противодѣйствуетъ ему. Этихъ людей мы не уважаемъ; (уваженіе отдается силѣ); но мы любимъ

ихъ; они ничего не создадутъ сами, своею энергіею, для общества, но за то съ умысломъ и не отнимутъ ни у кого собственности, не разрушатъ чужаго удовольствія, не повредятъ ничьей пользѣ.

3) Въ развитіи поэтическаго дарованія это выражается больше воспріимчивостью, нежели творчествомъ, больше сочувствіемъ, нежели производительностію, больше живымъ соотношеніемъ всѣхъ способностей души между собою, нежели ихъ силою и дѣятельностію.

Нравственно-прекрасному мы сочувствуемъ живѣе, нежели прекрасному физически. Свѣтлый взглядъ, исполненный чистоты, невинности, добродушія, говоря безъ всякихъ преувеличеній и метафоръ, въ точномъ смыслѣ слова, прелестнѣй всякой звѣзды; гармоническій стихъ — сладостнѣй журчащей струи ручья; истинному артисту — пѣвцу дѣлаютъ не большую честь, когда называютъ его соловьемъ. Причины этого изложены въ статьѣ о нравственно-высокомъ.

Нравственно-прекрасное въ поступкахъ человѣка, какъ осуществленіе сердечной доброты на самомъ дѣлѣ, есть совершеннѣйшее изъ всѣхъ явленій этаго рода.

Соединеніе высокаго съ прекраснымъ.

Впрочемъ, не смотря на такія различія, обѣ формы изящнаго находятся между собою въ непосредственной связи: ощущенія прекраснаго часто сливаются съ ощущеніями высокаго и на оборотъ: иногда переходы между ними бываютъ не замѣтны.

Высокое всегда прекрасно; потому что развитіе всякой силы, въ какихъ бы колоссальныхъ явленіяхъ, въ какихъ бы видахъ оно ни обнаруживалось, предполагаетъ стройность, гармонію, или служитъ, покрайней мѣрѣ, началомъ стройной, гармонической дѣятельности.

Прекрасное можетъ наводить нашъ умъ на предметы возвышенные. Мыслитель говоритъ: «Безконечное начинается повсюду;*» поэтъ говоритъ: «приближайся съ благоговѣніемъ къ цвѣтку: гдѣ есть цвѣтокъ, тамъ и Богъ есть. ** И поэтъ и мыслитель правы.

§ 62.

Таинственное.

Впечатлѣнія высокаго и прекраснаго увеличиваются таинственностію. Такова природа человѣка: отъ настоящаго онъ стремится вдаль, отъ опредѣленнаго—къ неопредѣленному, отъ даннаго—къ неизвѣстному. Это возбуждаетъ къ дѣятельности всѣ силы его души, сообщаетъ неизъяснимую прелесть тому, что ему знакомо, и озаряетъ какимъ-то волшебнымъ свѣтомъ дѣйствительность, всегда нечуждую недостатковъ, всегда тѣсную, всегда ограниченную, и часто бѣдную.

Отъ этого мы такъ любимъ погружаться въ воспоминанія и мечты о будущемъ: предметы, недо-

* Azaïs.

** Gott iſt, wo die Blume iſt. Klopſtock.

сягаемые для насъ, кажутся несравненно привлекательнѣе тѣхъ, которые находятся у насъ подъ руками; мы украшаемъ ихъ своимъ воображеніемъ. Отъ этого иногда мысль объ утратѣ, о несчастіи, сильнѣе тревожитъ душу, нежели самое несчастіе: мы увеличиваемъ ихъ своимъ воображеніемъ.

Виды таинственнаго.

Таинственное бываетъ двухъ родовъ: 1) естественное и 2) сверхъестественное, или чудесное.

Таинственное—естественное.

Природа, необъятная по пространству, по времени, непзъяснимая въ своихъ силахъ, планахъ, дѣйствіяхъ, представляетъ намъ на каждомъ шагу неразрѣшимыя задачи. Видѣть ясно, въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ, намъ суждено немногое. Какъ тѣсенъ горизонтъ нашего зрѣнія? Какъ недалеко восходитъ не только память одного человѣка, но даже исторія — память человѣчества? И ни на одно мгновеніе впередъ не предвидитъ самый глубокій, проницательный умъ.

Въ каждомъ дѣйствіи природы вещественной и духовной мы видимъ, большею частію, только одну внѣшность, или одно явленіе; а начала, стихіи, источники и законы дѣятельности ускользаютъ отъ нашихъ изысканій. При всѣхъ усиліяхъ, при всѣхъ химическихъ и психологическихъ разложеніяхъ того, что представляется намъ въ опытѣ, мы не доходимъ до основныхъ, первоначальныхъ причинъ и способовъ дѣйствія природы. Что такое вещество? Что такое тяжесть, свѣтъ, пространство, движеніе, душа, мысль, чувство? Какъ вещь, дѣйствительно внѣ меня суще-

ствующая, становится въ умѣ моемъ образомъ, мыслью, и этотъ образъ, эта мысль, не исчезаетъ, когда предметъ перестаетъ на меня дѣйствовать, не уничтожается съ появленіемъ въ душѣ тысячи другихъ мыслей? Какъ извѣстный звукъ пробуждаетъ во мнѣ то, или другое чувство, ту, или другую картину? По какому отношенію—съ извѣстной идеей соединяется извѣстный образъ, извѣстное слово? Всѣ эти и тысячи другихъ вопросовъ остаются безотвѣтными. Эта-то неразгаданность въ дѣятельности природы — причиною, что все, представляющее образъ непостижимаго, неизслѣдуемаго, все неопредѣленное, влечетъ насъ къ себѣ неизъяснимою силою. Оно, предметамъ знакомымъ, даетъ видъ новизны, предметамъ вещественнымъ—видъ чего-то сверхъчувственнаго, фантастическаго. Кто не замѣчалъ во время дороги, что по мѣрѣ нашего удаленія, все какъ-то становится лучше? Дерева, холмы, кустарники, тропинки, желтѣющіе пески, отмѣли рѣчки, деревенскія избы, все какъ-то становится легкимъ, воздушнымъ: линіи дѣлаются болѣе текучими, очерки — болѣе стройными, формы теряютъ свою суровость и жесткость, неровности сглаживаются, все рѣзкое и яркое смягчается . . . . Воротитесь назадъ—и очарованіе исчезнетъ; вы найдете пріятныя мѣста, виды и т. д.; но все не то, что издали. Кого не поражалъ ночью въ полѣ, въ лѣсу, среди всеобщаго безмолвія, звонъ колокола, заунывный напѣвъ ямщика, крикъ ворона, и другіе предметы, на которые днемъ мы

не обратили бы ни малѣйшаго вниманія? Взгляните въ окно въ свою комнату, въ которой всѣ углы вамъ знакомы нѣсколько лѣтъ, вечеромъ, при тускломъ освѣщеніи, особенно при свѣтѣ мѣсяца, и она въ глазахъ вашихъ получитъ особенно занимательный видъ. Но предметы, сами по себѣ прекрасные, при обстоятельствахъ подобнаго рода, получаютъ сверхъестественную прелесть. *

* Живой, истинно художественной картиной этого впечатлѣнія таинственности, сливающейся со впечатлѣніями высокаго изящества, нельзя не наслаждаться въ произведеніи нашего знаменитаго сановника, ученаго и литтератора. Чтобы неослабить ни одной глубокой черты, не утратить свѣжести ни одной краски въ этомъ поэтическомъ изображеніи, повторимъ слова автора: «De toutes les jouissances qu'offre Rome à l'ami des arts, la plus exquise, la plus inespérée est, à mon sens, la visite du Vatican aux torches. Cette nuit passée au milieu du monde ancien, — *nox Vaticana*, n'est pas trop chèrement achetée par des années d'efforts et de privations. Déjà en s'approchant du palais une impression solennelle saisit le coeur: au dessus de nos têtes l'azur foncé du ciel d'Italie et la vive réverbération des astres tant sur la coupole de St-Pierre que dans les admirables fontaines qui, depuis des siècles, s'élancent et retombent avec fracas; au pied du portique, les Suisses du pape, ou plutôt ceux de Michel-Ange, recevant l'étranger, des flambeaux à la main, et le guidant aux galeries; là, l'élite du monde ancien, évoquée au milieu des ténèbres, et forcée, pour ainsi dire, de comparaître aux yeux avides du profane, tout concourt à donner à cette visite un caractère voisin de l'attendrissement. Le marbre est cent fois plus beau, l'illusion plus vive, l'effet plus ravissant qu'à la lumière du jour; tout entière la pensée se porte sur cette féerique représentation; rien ne la trouble, si ce n'est le bruit murmurant et faible de la gracieuse fontaine du Belvédère, et quelque rayon de la lune pénétrant comme

Къ тому же, таинственность, возбуждая любопытство, обѣщаетъ намъ неисчислимое множество новыхъ и разнообразныхъ предметовъ : а новизна и разнообразіе, хотя воображаемыя, питаютъ душу ; мы дѣлаемъ тысячи догадокъ, предположеній, создаемъ мечтательныя сцены, наполняемъ ихъ воображаемыми существами, вымышляемъ для нихъ положенія, дѣйствія, иногда, если у насъ горячо вооб-

par surprise à travers les portiques, et qui semble prendre sa part de cette fête nocturne. Entre moi et les trois personnes qui m'accompagnaient dans cette lente course à travers le Vatican, presque pas un mot ne fut échangé; en effet, on éprouve une sorte de crainte de troubler le charme inexprimable qui vous entoure; l'art infini avec lequel on pose les torches, leur éclat habilement calculé et la faculté de varier à son grè le point de vue, donnent aux statues un degré d'animation imposible à décrire; elles paraissent comme reveillées du milieu de leur sommeil, et il y a je ne sais quelle pudeur qui semble se répandre sur ces formes divines, dévoilées dans leurs plus secrets replis. Non-seulement le sentiment artistique se révèle avec une force inattendue, toutes les impressions de la vie, toutes les méditations de l'âge mûr, toutes les fugitives rêveries de la jeunesse se raniment du même coup; au milieu de cette foule magique, l'imagination, doucement émue croit reconnaître les traits diaphanes, la vague image des objets les plus aimés, le retentissement mystérieux des plus intimes sympathies du coeur ; involontairement les yeux se mouillent de larmes, et nul ne sort de cette enceinte sans bénir la destinée qui a ménagé aux intelligences choisies une incomparable volupté, ample dédommagement de toutes les fatigues d'une longue pérégrination, peut-être même d'une partie des mecomptes de la vie écoulee.

Dans le cours de cette visite nocturne au Vatican, le Faune tenant dans les bras le petit Bacchus, la Pudicité, le Demosthène,

раженіе, цѣлыя драмы; не имѣя причины и желанія останавливаться на чемъ нибудь опредѣленномъ, мы переходимъ отъ мечты къ мечтѣ и такимъ образомъ совершенно отрываемся отъ суровой и часто безотрадной дѣйствительности и живемъ въ своемъ, независимомъ, ничѣмъ житейскимъ нестѣсняемомъ и невозмущаемомъ мірѣ.

Таинственность природы, имѣющая такую силу надъ нашею душею, есть указаніе на жизнь, недоступную ни для усилій ума, ни для фантазіи, и только предощущаемой чистымъ, невиннымъ сердцемъ, въ самыя святыя минуты его восторженности. Отъ таинственнаго—естественнаго мы невольно переходимъ мыслью къ таинственному сверхъ-естественному.

§ 63.

Идея о Богѣ.

Идея о бытіи верховной, безконечной силы составляетъ существенную и первоначальную стихію духовной жизни человѣка; эта всеобъемлющая идея втекаетъ во всѣ дѣйствія нравственныхъ силъ нашихъ

le Nil, le Discobole, la Vénus accroupie, le Méléagre, le Iupiter colossal, le buste de Iupiter, celui d'Auguste jeune, enfin au dessus de tout l'Apollon et le Laocoon, les deux statues par excellence, furent tour à tour l'objet de notre attention particulière. Le lendemain matin, mon premier soin fut de courir au Vatican; c'était beau, resplendissant, magnifique; ce n'était plus la féerie nocturne, la pieuse évocation de la veille.

Etudes de philologie et de critique. p. 403 — 406. C. S. Ouvaroff.

или какъ средоточіе, отъ котораго начинается ихъ развитіе, или какъ окончательная цѣль, окончательный результатъ, къ которому все стремится по совершеніи назначеннаго круга дѣятельности. Это—идея первоначальная, первобытная, коренная, мать всѣхъ идей. Нѣтъ мысли (т. е. истинны), которой бы нельзя было вывести изъ идеи о Богѣ; и нѣтъ мысли отъ которой, на оборотъ, нельзя бъ было взойти къ идеѣ о Богѣ.

Духъ нашъ, какъ живой образъ Божій, естественно, стремится къ своему Первообразу, ищетъ его повсюду, и повсюду находитъ слѣды его; но, предоставленный только самому себѣ, только своимъ силамъ, человѣкъ не можетъ постигнуть тѣхъ отношеній, въ которыхъ созданіе находится къ своему создателю, конечное къ Безконечному. По этому идея о Богѣ, не вмѣщаемая въ умѣ его, или раздробляется въ его сознаніи на идеи о множествѣ силъ, разсыпанныхъ по различнымъ частямъ природы и управляющихъ ими: такимъ образомъ человѣкъ впадаетъ въ политеизмъ—многобожіе; или онъ воображаетъ Бога душею вселенной, почитая каждое существо — отъ камня до человѣка, формою, тѣломъ, непосредственнымъ выраженіемъ этой всеобщей души міра, и такимъ образомъ впадаетъ въ пантеизмъ — всебожіе; * или уму его Богъ представляется въ видѣ силы, которая, будучи отдѣльна отъ природы, не сливаясь съ ней,

* Ученіе пантеистовъ превосходно развито въ сочиненіи: Das alte Indien Bohlen. 1839.

управляетъ всѣми дѣйствіями нравственныхъ и физическихъ существъ — по плану, однажды принятому, по законамъ слѣпой, механической необходимости, въ слѣдствіе которой все идетъ, какъ однажды навсегда заведенная машина. Это — фатализмъ — вѣра въ предопредѣленіе, въ судьбу, или рокъ.

Но истинное понятіе о Богѣ могъ открыть человѣку только самъ Богъ и открылъ ему въ своемъ словѣ. По высокимъ идеямъ Христіанства, Богъ есть безконечно-совершенный духъ, творецъ и хранитель міра. Вселенная есть его созданіе; она относится къ нему, какъ дѣйствіе къ причинѣ.

Богъ далъ созданной вселенной силы, т. е. начала, служащія источниками и опорою ея дѣятельности, ея развитія, ея переворотовъ въ цѣломъ и перемѣнъ въ отдѣльныхъ явленіяхъ. Богъ далъ силамъ вселенной законы т. е. предначерталъ правила, по которымъ силы, соотвѣтственно своимъ свойствамъ и цѣлямъ, должны дѣйствовать.

Но, давъ силы и законы природѣ, Богъ не покинулъ навсегда, не оставилъ самой себѣ, но созерцаетъ и блюдетъ ее. Это тѣмъ болѣе необходимо, что нравственныя существа, по свободѣ, имъ предоставленной, могутъ уклоняться отъ предначертаній Божественныхъ и нарушать гармонію жизни и счастіе существъ чувствующихъ и существъ мыслящихъ.

Желая въ душѣ падшаго созданія сохранить слѣды его высокаго происхожденія и снова направить его къ предположенной цѣли — нравственному совершенству и счастію, Богъ иногда посылаетъ сверхъ-естественныя знаменія святой своей воли. Это называется чудомъ. Чудесное въ христіанскомъ смыслѣ.

Чудеса не противорѣчатъ нравственной свободѣ существъ мыслящихъ; они не увлекаютъ человѣка противъ воли, не клонятъ его насильно къ тѣмъ, или другимъ поступкамъ; они только сильнѣе естественныхъ побужденій дѣйствуютъ на нашу душу, только яснѣй и разительнѣй высказываютъ тѣ уроки, которыхъ человѣкъ болѣе не слышитъ, ни въ языкѣ окружающей его природы, ни въ приговорахъ современнаго общества, ни въ событіяхъ исторіи—этихъ неподкупныхъ голосахъ вѣковъ и поколѣній, ни въ увѣщаніяхъ или укоризнахъ своей совѣсти.

Такимъ образомъ вѣра въ чудесное, или сверхъ-естественное не есть одна обманчивая игра воображенія; начало ея заключается въ глубинѣ души человѣческой, непосредственно вытекаетъ изъ идеи о Богѣ, и есть потребность нашей нравственной природы. Эти идеи освящаютъ природу и жизнь человѣка; поставляя земное созданіе въ родствѣ съ высшимъ міромъ чистыхъ, безтѣлесныхъ существъ, связывая его съ Божествомъ, онѣ для созерцаній ума, для предчувствій сердца, для стремленій воли, для творчества фантазіи отверзаютъ безконечность неба, съ его тайнами, дышащими любовью и святынею, Вѣра въ чудесное.

съ его неизмѣнными утѣшеніями, съ его всевидящимъ судомъ, никогда неумолкающими угрозами и неизбѣжною карою за преступленіе.

Эта вѣра расширяетъ до безконечности кругъ человѣческаго счастія и существованія, (что впрочемъ почти одно и тоже; потому что человѣкъ тогда только дѣйствительно существуетъ, когда наслаждается счастіемъ;) съ ней для насъ нѣтъ безнадежности; потому что нѣтъ границъ творческой попечительности провидѣнія; съ ней для насъ неразрывно соединяется мысль о безсмертіи, и могила не есть предѣлъ жизни.

§ 64.

Чудесное вымышленное.

Есть еще чудесное, или сверхъ-естественное вымышленное, фантастическое: оно состоитъ въ томъ, 1) что мы заставляемъ дѣйствовать существа природы не такъ, какъ бы они должны были дѣйствовать, вопреки ихъ свойствамъ, не согласно съ законами и формами жизни вообще, или только того класса, къ которому они принадлежатъ. Но мы представляемъ ихъ всегда выше, могущественнѣе существъ и силъ дѣйствительной природы. Такъ, напримѣръ, у Пушкина Королевичъ разговариваетъ съ солнцемъ, мѣсяцемъ, вѣтромъ; Гвидонъ превращается въ комара; пѣтушекъ сторожитъ границы царства и даетъ вѣсть о нашествіи непріятелей, бѣлка поетъ пѣсенки и т. д. 2) Чудесное вымышленное состоитъ въ томъ, что мы создаемъ своею фантазіей сущест-

ва, какихъ въ природѣ нѣтъ, и заставляемъ ихъ дѣйствовать, или по законамъ природы, или по прихоти нашего воображенія.

Чудесное-фантастическое иногда принадлежитъ къ вѣрованіямъ народа, которыя образуются всегда по причинѣ ложныхъ понятій его о Богѣ, о природѣ, о человѣкѣ, и объ отношеніяхъ ихъ между собой, и составляютъ его миѳологію; иногда принадлежитъ фантазіи одного человѣка, который изобрѣтаетъ, или вымышляетъ формы для выраженія своихъ мыслей.

Впрочемъ въ обоихъ случаяхъ чудесное — фантастическое бываетъ больше, или меньше аллегоріей, символомъ, т. е. чувственнымъ покровомъ, вещественной оболочкой понятія. Значеніе нѣкоторыхъ миѳологическихъ вымысловъ со всѣмъ потеряно; а въ нѣкоторыхъ оно такъ ясно и рѣзко выражается, что нѣтъ ни малѣйшей двусмысленности.

Сверхъ-естественное, чудесное—вымышленное производитъ на душу эстетическое впечатлѣніе, или въ отдѣльности отъ предметовъ природы, какъ проявленіе физическихъ и нравственныхъ силъ въ формахъ величественныхъ и граціозныхъ, или въ соединеніи съ природой: въ послѣднемъ случаѣ естественное и сверхъ-естественное, взаимно поддерживаютъ впечатлѣніе одно другаго. Образцы такого сочетанія прекрасныхъ вымысловъ съ прекрасными картинами дѣйствительности можно видѣть въ поэмѣ Мура: Пери и Ангелъ, переводъ Жуковскаго.

§ 65.

Эстетическое чувство.

Способность сочувствовать прекрасному и высокому, въ произведеніяхъ природы и искусства, наслаждаться имъ безотчетно, по какому-то удивительному инстинкту души, по живому, хотя темному сознанію ея родства своего съ общею жизнію вселенной, — есть эстетическое чувство.

Оно свойственно только тѣмъ людямъ, 1) которые неодносторонни отъ природы; 2) у которыхъ воспитаніе, или жизнь практическая не убили ни одной изъ силъ души, у которыхъ, слѣдовательно, всѣ дарованія, всѣ начала духовной жизни находятся между собою въ гармоніи.

Соотвѣтственно разнообразнымъ отношеніямъ, въ которыхъ могутъ находиться гармонирующія между собою способности души, чувство эстетическое принимаетъ различныя направленія и бываетъ весьма различно; такъ, напримѣръ, иногда человѣкъ сочувствуетъ болѣе мрачному, меланхолическому, дикому, нежели живописному и т. п. иной, болѣе любуется красотою формы; другой игрою остроумія, или глубокостію мысли; тотъ—чертами мужественными, суровыми, энергическими, тотъ—нѣжными, дѣвственными, дышащими кроткою любовью сердца.

Эстетическое чувство есть страдательная способность: чрезъ него только отражается въ насъ то, что производитъ творческая сила природы и человѣческаго духа: чрезъ него мы только наслаждаемся прекрасными явленіями физическаго и нравственнаго

міра, сами непроизводя ничего; но оно сближаетъ и знакомитъ насъ съ разнообразными формами красоты, съ разнообразными проявленіями творящей силы; оно вноситъ въ нашу душу впечатлѣнія всего, что есть лучшаго въ природѣ, жизни и художествѣ.

Человѣкъ, безъ эстетическаго чувства, есть существо холодное и жалкое. Онъ неспособенъ ни къ религіознымъ, ни къ нравственнымъ ощущеніямъ; потому что ни въ природѣ, ни въ жизни человѣка не видитъ ничего, кромѣ матеріальной стороны; не видитъ Божественнаго въ мірѣ. Жизнь его бѣдна наслажденіями: красоты природы, изящныя произведенія искуства для него не существуютъ; во всѣхъ предметахъ онъ ищетъ только пользы, только удовлетворенія физическимъ, животнымъ потребностямъ. Онъ и на людей смотритъ только какъ на орудія, на вспомогательныя средства сдѣлать жизнь свою удобною, или пріятною.

Если онъ занимается наукой, она становится у него скелетомъ: сухія, общія понятія, отвлеченности не оживляются у него ни теплотою сердца, ни однимъ цвѣткомъ, ни одной блесткой воображенія: мысль его чахнетъ въ какомъ-то печальномъ сиротствѣ, въ отчужденіи отъ участія родныхъ ей и потому всегда питающихъ ее, другихъ силъ души. Такимъ образомъ, думая быть жрецомъ, поклонникомъ науки, онъ самъ первый становится врагомъ ея.

§ 66.

Вкусъ. Но всякое чувство тогда только получаетъ опредѣленное направленіе, когда поддерживается умомъ: чувство — способность врожденная: но находясь въ зависимости отъ временныхъ впечатлѣній, оно зыбко и часто противорѣчитъ самому себѣ. Опору его составляютъ идеи ума, плодъ строгихъ наблюденій и вѣрныхъ выводовъ. Тоже надобно сказать и о чувствѣ эстетическомъ. Чтобы воспитаніе, первоначальное чтеніе, условныя, часто противоестественныя требованія общества, религіозные, нравственные и литературные предразсудки, мода и т. д. не испортили эстетическаго чувства, надобно возводить его къ неизмѣннымъ идеямъ о красотѣ, объ изящномъ, слѣдовательно надобно сохранять и поддерживать естественную чистоту его изслѣдованіями ума.

Причины, содѣйствующія развитію вкуса. Это можно сдѣлать: 1) посредствомъ изысканій психологическихъ, открывая законы дѣятельности ума, чувства, воли, воображенія. Требованія, основанныя на томъ, что свойственно духу человѣческому, т. е. цѣлому человѣчеству, не могутъ быть произвольны и ошибочны; это—требованія природы; а природа не ошибается и не обманываетъ; 2) посредствомъ изысканій историческихъ, открывая общія, постоянно, вездѣ повторяющіяся черты изящества, въ художественныхъ произведеніяхъ всѣхъ формъ — отъ архитектуры до музыки, и всѣхъ народовъ, отъ Индѣйцевъ до нашихъ современниковъ. Предразсудки и заблужденія не могутъ существовать такъ

долго. 3) Посредствомъ сравненій созданія искусства съ созданіями природы. Идеи объ общихъ законахъ развитія силъ и проявленія ихъ въ природѣ, могутъ служить пополненіемъ свѣденій объ изящномъ.

Такимъ образомъ исторія природы, исторія искусства, исторія души человѣческой — психологія, представляя безчисленное множество данныхъ и опытовъ для наблюденія, могутъ предохранить насъ отъ всякаго произвола въ мнѣніяхъ объ изящномъ, просвѣтлять и подкрѣплять идеями безотчетныя движенія сердца.

Эстетическое чувство, соединенное съ сознаніемъ основныхъ законовъ изящества, называется вкусомъ. Слѣдовательно: 1) вкусъ есть только развитіе и усовершенствованіе дара природы — способности сочувствовать прекрасному; 2) мнѣніе, что у всякаго свой вкусъ, надобно понимать такъ: всякій по своему личному характеру, или по настроенности своего духа, способенъ исключительно сочувствовать тому, или другому роду изящныхъ предметовъ, сочувствовать въ большей, или меньшей степени; а основные законы вкуса для всѣхъ одни и тѣже, какъ одни и тѣже для всѣхъ законы души, ума, воображенія, воли и чувства, и законы природы. 3) Старинное мнѣніе, перешедшее въ пословицу: о вкусахъ спорить не должно, de gustibus non est disputandum, совершенно неправильно. Если о вкусахъ не должно спорить, значитъ, въ искусствѣ и литературѣ можно допускать все безобразное, что противо-

Можно ли спорить о вкусахъ.

рѣчитъ здравому смыслу, оскорбляетъ религіозное, нравственное и физическое чувство, потому что есть люди, которымъ и это приходится по вкусу. Значитъ, всякій, кому нравятся площадные фарсы, или пустыя, чуждыя всякой мысли, вычурныя картины, совершенно правъ: у него такой вкусъ. Послѣ этого, критика въ изящной словесности не будетъ ни на чемъ основываться и, слѣдовательно, будетъ совершенно безполезна. Она всегда будетъ состоять въ слѣдующей пустой, смѣшной и безплодной формулѣ: «это сочиненіе мнѣ нравится; слѣдовательно, оно хорошо; а это не нравится, слѣдовательно дурно.*« У кого нѣтъ эстетическаго чувства, у того не можетъ быть и вкуса: но эстетическое чувство еще не есть вкусъ. Вкусъ необходимо предполагаетъ соединеніе ума, богатаго идеями объ изящномъ, съ живою, врожденною способностью отгадывать красоты въ природѣ, поступкахъ человѣка и произведеніяхъ искусства.

Соединеніе вкуса съ умственнымъ развитіемъ.

Иные думаютъ, что всякое умственное развитіе, особенно же точныя идеи, наблюдательность, требующая напряженнаго вниманія, анализъ явленій внѣшней и внутренней жизни, притупляетъ чувство. Это справедливо только при совершенномъ преобладаніи ума, слѣдовательно, при рѣшительной односторонности. Но тѣ ошибаются, которые полагаютъ, что только однимъ чувствомъ можно понимать чув-

* Пушкинъ.

ство. Если бъ это было правда, то мы менѣе всего могли бы имѣть понятія лично о самихъ себѣ. Безъ сомнѣнія, сперва надобно испытать какое нибудь ощущеніе, чтобы быть въ состояніи познавать его. Кто никогда не чувствовалъ привязанности, дружбы, состраданія и т. д., не имѣетъ права говорить о нихъ; но именно въ минуты сильнаго движенія сердца, мы менѣе всего способны изслѣдывать его причины и свойства; слѣдовательно, надобно дѣлать наблюденіе послѣ, если мы хотимъ, чтобы чувства наши перешли въ идеи. Чрезъ наблюденіе мы изучаемъ то, что происходитъ внѣ насъ и въ насъ самихъ. Черезъ него, отыскивая въ душѣ своей отпечатокъ, или слѣдъ того, что происходило прежде, мы снова вносимъ въ свое сознаніе предметы, которые уже не дѣйствуютъ на насъ непосредственно, и снова, хотя не вполнѣ, повторяемъ бывшее впечатлѣніе. Память есть, такъ сказать, лѣтопись души; она сохраняетъ прошедшія ея дѣйствія въ первоначальныхъ ихъ формахъ, съ чертами естественными и живыми, дѣлаетъ снова для насъ присутствующимъ то, чего уже нѣтъ, и потому воскрешаетъ на время уснувшія ощущенія сердца; слѣдовательно, наблюдательность и размышленіе не только не охлаждаетъ нашего чувства, напротивъ продолжаетъ, поддерживаетъ и иногда усиливаетъ его. Человѣкъ по природѣ своей столько же способенъ размышлять, сколько и чувствовать; умъ и сердце ни на минуту не остается у него въ бездѣйственности; не извѣстно, имѣлъ ли бы человѣкъ

какія нибудь понятія, если бы у него не было способности чувствовать; не извѣстно также, могло ли бы у него развиваться чувство, еслибъ у него не было способности составлять понятія и связывать ихъ въ непрерывную цѣпь и перебирать ихъ въ умѣ своемъ. Дыханіе мысли необходимо для дѣйствія чувства, какъ воздухъ необходимъ для дѣйствія огня. Чувство и размышленіе, умъ и сердце нераздѣльны въ природѣ, въ душѣ человѣка: за чѣмъ же дѣлать въ наукѣ этотъ противоестественный разрывъ? *

И такъ намъ нечего завидовать жизни дикаря, нечего жалѣть объ этомъ состояніи невѣжества, суевѣрій и варварскихъ предразсудковъ, когда будто бы человѣкъ — ближе къ природѣ, и въ его душѣ больше чувства, а въ существованіи больше поэзіи: съ развитіемъ наукъ и эстетическое чувство развивается; оно дѣлается многостороннѣй, глубже, постояннѣй и отчетливѣй; только ложныя понятія и ложная гражданственность (цивиллизація) сушатъ его: понятія ложны, когда невыводятся изъ наблюденій, или выводятся не послѣдовательно; гражданственность имѣетъ ложное направленіе, когда въ жизни народа матерільная сторона, внѣшность, форма, подавляетъ духъ, т. е. мысль, нравственность, религію. У Китайцевъ нѣтъ эстетическаго чувства, нѣтъ вкуса къ изящному: у нихъ главныя заботы о

* De l'usage et de l'abus de l'esprit philosophique. T. 1. p. 222 — 223. Portalis.

физическомъ благосостояніи. У древнихъ Римлянъ искусство было только прикрасой жизни и недостигло высокаго, самобытнаго развитія, какъ въ Аѳинахъ: у нихъ все поглощала мысль о завоеваніяхъ и гражданской силѣ. У Французовъ въ XVIII столѣтіи ложныя понятія о религіи и душѣ человѣческой исказили поэтическое чувство народа.

§ 67.

Эстетическія наслажденія.

Когда у человѣка есть эстетическое чувство, а еще болѣе, когда оно при живомъ, многосторонемъ и глубокомъ развитіи внутренней жизни, возводится на степень вкуса: тогда ему доступенъ и понятенъ міръ изящнаго; тогда всякое прекрасное явленіе внѣ его, или въ немъ самомъ, доставляетъ ему чистое духовное наслажденіе.

Это наслажденіе полное, объемлющее все существо человѣка, касающееся всѣхъ сторонъ нашей жизни, наслажденіе, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ силы нашей духовной природы: все, и размышленіе и религіозность, и мечтательность и призывъ къ доброму дѣлу, сливается здѣсь въ одномъ нераздѣльномъ чувствѣ полнаго, надлежащаго, не разстроеннаго человѣческаго бытія; въ это время бываешь убѣжденъ, что именно такъ, а не иначе, долженъ бы жить человѣкъ, что таковъ былъ бы онъ въ состояніи невинности.

Это наслажденіе называется эстетическимъ. Источникъ его заключается въ живомъ сознаніи

сродства нашего духа съ Божествомъ, въ сознаніи стремленія силъ нашей природы къ безконечному совершенствованію. Человѣкъ слабоумный, или холодный, человѣкъ, погрязшій въ мелкихъ расчетахъ и отношеніяхъ жизни, человѣкъ чувственный, животное, неспособны къ эстетическимъ наслажденіямъ. За то, какъ благодѣтельно дѣйствуютъ они на душу, открытую для нихъ. Кто не замѣчалъ, что впечатлѣнія величественныхъ и нѣжныхъ красотъ природы, искусства, словесности, вливаютъ въ душу какую-то свѣжесть и бодрость, дѣлаютъ умъ свѣтлѣй, сердце чувствительнѣй, воображеніе воспріимчивѣй и изобрѣтательнѣй, волю рѣшительнѣй къ предпріятіямъ безкорыстнымъ и благороднымъ?

Дѣйствіе высокаго и прекраснаго на душу человѣка.

Великія явленія природы и человѣчества, дѣйствуя на насъ, какъ бы сообщаютъ намъ часть своего величія, укрѣпляютъ душу. «Люди, живущіе въ городахъ, говоритъ Шиллеръ, дѣлаются изнѣженными, женственными, между прочимъ и отъ того, что рѣдко видятъ величественные предметы природы, въ которыхъ ощутительнѣе, нежели гдѣ нибудь, вѣетъ творческій духъ безконечной жизни.»

Съ другой стороны, при созерцаніи высокаго, въ душѣ нашей невольно поселяется чувство смиренія; отъ этого великіе художники и мыслители съ особенною скромностію говорили о своихъ произведеніяхъ: они имѣли передъ глазами безконечную перспективу, недосягаемый идеалъ совершенства.

«Не знаю, что скажетъ потомство о трудахъ моихъ, говоритъ Ньютонъ; но когда я сравниваю свои изслѣдованія съ неразрѣшимыми задачами природы, то мнѣ кажется, что я не больше, какъ дитя, которое собираетъ кремни и голыши на берегу моря.»

Впечатлѣнія прекрасныхъ предметовъ смягчаютъ сердце человѣка, дѣлаютъ его нѣжнымъ, кроткимъ, поселяютъ въ немъ чувство какого-то свѣтлаго, младенческаго самодовольствія, утончаютъ его вкусъ, дѣлаютъ его способнымъ любоваться всякимъ миніатюрнымъ созданіемъ природы, всякимъ оттѣнкомъ прелести, и потому, на каждомъ шагу, во всѣхъ частяхъ свѣта, во всѣ времена года, во всѣхъ царствахъ природы находить пищу для высшей дѣятельности силъ своей нравственной жизни. Душа этихъ эстетическихъ людей пріобрѣтаетъ удивительную зоркость, съ которою предметы представляются имъ въ милліонъ разъ яснѣй, изящнѣй, стройнѣй и живописнѣй, нежели холоднымъ, матеріальнымъ людямъ. Отъ этого понятно, что Сорванный листокъ (стих. Давыд. и Жуковск.), Маргаритка, срѣзанная сохою (стих. Борнса и Козл.) Падающая звѣзда (Беранжѐ), Птичка, выпущенная изъ клѣтки (стих. Пушк. и Туманск.), Рыбная ловля (стих. Теокр. и Гнѣд.), Молодая лошадь, скачущая по полю (стих. Анакр., Пушк., Язык.), Тройка (стих. Вяземск., Глин., Козл., Пушк.) и тысячи мелкихъ предметовъ, возбуждаютъ въ нихъ такое сочувствіе, столько мыс-

лей, столько сердечныхъ движеній, трогательныхъ воспоминаній, столько свѣтлыхъ видѣній, живописныхъ мѣстъ, дышащихъ нѣгою, или поэтическою грустью цвѣтовъ фантазіи.

Иногда эстетическое наслажденіе наполняетъ всю нашу душу до такой степени, что мы забываемъ себя, такъ сказать, теряемъ свою личность, совершенно погружаемся въ предметъ, сливаемся съ нимъ въ одно нераздѣльное существо; тогда можно сказать, о душѣ, что съ ручьемъ она — ручей и съ птичкой-птичка; съ нимъ журчитъ; летаетъ въ небѣ съ ней.»

Это состояніе есть поэтическое созерцаніе прекраснаго предмета; но это еще не творчество. Не всякій, кто живо сочувствуетъ изящному, кто способенъ наслаждаться имъ до восхищенія, у кого есть врожденное эстетическое чувство и образованный вкусъ, можетъ уже самъ создавать изящное, есть уже художникъ, поэтъ. Творчество особенный даръ, или лучше, особенное соединеніе (combinatio) многихъ даровъ природы, которые всѣ вмѣстѣ мы называемъ поэтическимъ талантомъ, творческимъ дарованіемъ.

§ 68.

Творчество.

Творить значитъ: 1) осуществлять, проявлять мысль во внѣшности; слѣдовательно, поэтъ долженъ быть богатъ познаніями, наблюденіями надъ жизнію внѣшней и внутренней, и идеями; 2) выражать

мысль въ живыхъ ощутительныхъ картинахъ, а не въ отвлеченныхъ, сухихъ формахъ; слѣдовательно, воображеніе его должно быть богато впечатлѣніями внѣшней стороны жизни природы и человѣка: онъ долженъ собирать матеріалы изъ всѣхъ царствъ жизни, изъ всѣхъ вѣковъ: естественныя науки, исторія, географія, со всѣми отраслями, напримѣръ, археологіей, нумизматикой, геральдикой и т. д. откроютъ ему неисчерпаемыя сокровища. Но ни одна форма, ни одна картина, взятая изъ современной природы и жизни, или воспоминаній прошедшаго, вполнѣ, прямо не годится для выраженія нашей мысли; слѣдовательно, поэтъ: 3) долженъ создавать свою форму; у него должна быть изобрѣтательная, самобытная фантазія. Чтобы вымыслъ фантазіи, чувственная форма, сливались въ одно живое цѣлое съ мыслью, отвлеченнымъ, сверхъчувственнымъ понятіемъ ума, человѣкъ долженъ имѣть силу, которая бъ была посредницей между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ, въ которой бы соприкасались между собою образы и идеи, которая бы равно принимала впечатлѣнія тѣхъ и другихъ, и въ тѣхъ и другихъ принимала живое участіе, и тѣмъ и другимъ живо сочувствовала — т. е. поэтъ 4) долженъ быть одаренъ чувствительнымъ сердцемъ.

Но если мысль, чувство и мечта, мелькнувъ въ нашей душѣ, мгновенно изглаживаются какимъ нибудь новымъ предметомъ, неожиданнымъ, случайнымъ впечатлѣніемъ: то изъ нихъ не образуется, не

составляется ничего художественнаго; они не перейдутъ въ дѣйствительное явленіе, не выразятся во внѣшности; слѣдовательно, для поэта, художника 5) необходима извѣстная сила, энергія души, способность—исключительно сосредоточиваться на одномъ предметѣ до такой степени, чтобы идея, родившаяся въ его душѣ, приняла самый опредѣленный образъ, чтобы этотъ образъ слился съ идеей въ одно неразрушимое существо, чтобы съ представленіемъ этого образа непремѣнно для художника соединялась извѣстная, задуманная имъ мысль, и наоборотъ, извѣстная мысль осуществлялась только въ этомъ одномъ образѣ. При такой поэтической твердости души, художника ничто не развлечетъ, ничто не испугаетъ, не охладитъ: ни заботы жизни, ни болѣзнь, ни продолжительность механическаго труда, какъ напримѣръ, въ зодчествѣ, ваяніи, живописи и обширныхъ произведеніяхъ словесности, ни потребность пріобрѣтенія вспомогательныхъ знаній, ни необходимость отдыха, ни даже другія поэтическія явленія души его: идея, однажды олицетворившаяся въ его сознаніи, уже никогда не умираетъ и никогда непзглаживается, подобно видѣнію Рафаэля. Этою твердостію, этимъ постоянствомъ поэтической любви къ созданіямъ творческой мечты своей, отличались всѣ великіе художники; «Есть одинъ таинственный образъ, который часто навѣщаетъ мою душу,» говоритъ творецъ Мадонны. И этотъ образъ навѣщалъ его душу многіе годы. Мысль о Фаустѣ занимала Гёте въ продол-

женіи шестидесяти лѣтъ; планы трагедій Шиллера показываютъ, что онѣ были плодомъ продолжительнаго и глубокаго сочувствія одному предмету. Ода—Богъ, этотъ гимнъ для всѣхъ временъ и поколѣній, эта міровая поэма, написана не въ одинъ пріемъ. Священная поэма (divina comedia) Данте — созданіе многолѣтнихъ думъ и страданій великаго изгнанника; Петрарка до двадцати разъ переправлялъ нѣкоторые изъ своихъ изящныхъ, подобно алмазамъ, ограненныхъ сонетовъ.

Иногда художественное произведеніе бываетъ плодомъ одной минуты: но это—почти всегда поэтическія игрушки, отголоски легкихъ впечатлѣній, бѣдные мыслью и чувствомъ и занимательные только по изяществу, свободѣ, новизнѣ и затѣйливости внѣшней формы.

§ 69.

Вдохновеніе или одушевленіе.

По самый геніальный художникъ не всегда можетъ производить изящное: для этого необходимо какое-то необыкновенное, почти всегда неожиданное, для самихъ поэтовъ необъяснимое возбужденіе души къ творчеству, къ художественной производительности; художникъ не ищетъ, не призываетъ, но ждетъ вдохновенія или одушевленія. Это—чудное и сладостное состояніе души: всѣ силы ея воспламеняются и дѣйствуютъ быстро, сильно, и дружно. Тогда умъ дѣлается свѣтлѣй, легче, глубже, многосторонней понимаетъ и соображаетъ предметы; память раскры-

ваетъ все богатство пріобрѣтенныхъ идей и находитъ между ними тысячи новыхъ отношеній и переходовъ; чувство становится нѣжнѣй, способнѣе отзываться на самыя легкія впечатлѣнія образовъ и мыслей, замѣчать самыя тонкія черты въ явленіяхъ природы и человѣка; въ воображеніи возникаютъ давно забытые образы со всею свѣжестію перваго впечатлѣнія; фантазія получаетъ новую силу создавать картины однѣ другихъ изящнѣе, величественнѣй, самобытнѣй; въ человѣкѣ чувствуется непреодолимая потребность выразить свою душу во внѣшности, чувствуется какой-то избытокъ внутренней жизни, который не вмѣщается въ одномъ его существѣ и требуетъ взаимности, родной сочувствующей души, просить образовъ и звуковъ у природы, чтобы ожить въ нихъ на радость человѣку, на украшеніе всему созданію; тогда художникъ сознаетъ въ себѣ особенное владычество надъ внѣшними формами мысли: линіи, краски, ноты, стихи ложатся свободно подъ рукой его и прямо, метко и выразительно означаютъ идеи и оттѣнки ихъ.

Въ эти-то минуты умственнаго просвѣтленія, сердечной растроганности и душевной энергіи, поэтомъ овладѣваетъ одна мысль, поглощаетъ все его вниманіе, наполняетъ все его существо, становится, на нѣкоторое время, средоточіемъ его нравственной жизни, высшимъ предметомъ его наслажденія, его любви, или благоговѣнія: и художникъ невольно, безотчетно, только изъ любви, или благоговѣнія къ

этому прекрасному явленію души своей стремится выразить его во внѣшности.

§ 70.

Пробужденіе одушевленія.

Одушевленіе пробуждается иногда: 1) впечатлѣніями внѣшней природы; она, какъ проявленіе безконечно-творческихъ силъ въ вещественныхъ формахъ можетъ трогать всѣ способности наши и воспламенять насъ. Впрочемъ, это зависитъ не только отъ свойствъ предмета, насъ поражающаго, но и отъ внутренняго развитія и состоянія нашей души.

Отъ впечатлѣній природы.

Такъ какъ отношеній между мыслію и внѣшнею природою безчисленное множество: то, не будучи въ состояніи постигнуть ихъ, мы не можемъ сказать, что тронетъ насъ глубже и сильнѣй.

Впрочемъ не надобно думать, что будто изъ множества впечатлѣній внѣшней природы непремѣнно хотя одно возбудитъ въ насъ творческую силу; и что будто, слѣдовательно, намъ стоитъ только искать разнообразія жизни, мѣстности и т. д. и мы будемъ безпрерывно въ поэтическомъ одушевленіи. Это мнѣніе опровергается каждодневнымъ опытомъ.

Еще страннѣе понятіе, что можно возбудить въ себѣ одушевленіе какими нибудь физическими, искусственными средствами. То, что раздражаетъ организмъ, горячитъ кровь, кружитъ голову, не способно давать ни пищи уму, ни огня религіозному и нравственному чувству, ни легкаго полета фантазіи. Смѣясь надъ этимъ понятіемъ, которое приходитъ въ голову толь-

ко человѣку чувственному, Мармонтель говоритъ: «я былъ въ Шампани, въ винномъ погребѣ; кругомъ меня стояло болѣе шести тысячь бутылокъ, и, увѣряю васъ, изъ нихъ не вырвалось для меня ни одной поэтической искры.»

Извѣстно однакожъ, что иногда нѣкоторыя вещи, нѣкоторыя обстоятельства и привычки, имѣютъ вліяніе на одушевленіе того, или другаго художника; но, нѣсколько содѣйствуя творческой работѣ его, онѣ не служатъ главнымъ и единственнымъ источникомъ одушевленія.

От впечатлѣній искусства.

Иногда 2) душа настроивается къ поэтической игрѣ впечатлѣніями изящныхъ созданій человѣка, — изъ формъ статуи, картины, изъ звуковъ музыки, или стиха мысль и чувство повѣютъ на открытую душу и взволнуютъ ее; кто же можетъ живѣе тронуть сердце художника, какъ не художникъ? Художники—братья между собою —

сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ;
Они жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ.

п

Случается, что на нѣкоторыхъ художниковъ искусство дѣйствуетъ сильнѣе природы; это зависитъ, или отъ случайныхъ привычекъ ихъ воспитанія и жизни;

или отъ того, что въ художественномъ произведеніи мысль представляется въ формахъ болѣе ясныхъ, опредѣленныхъ, такъ сказать, очищенныхъ отъ примѣси всего посторонняго, что бы могло развлекать вниманіе;* отъ того что форма художественнаго произведенія, въ цѣломъ своемъ составѣ, всею полнотою частей, прямо и непосредственно, одна выражаетъ свою идею; а въ природѣ каждое явленіе имѣетъ смыслъ только въ связи съ другими, какъ буква въ словѣ, и выражаетъ свое значеніе только въ полномъ развитіи, а не въ одномъ временномъ, минутномъ состояніи; или, можетъ быть, отъ того, что глубокое поэтическое созерцаніе природы требуетъ большей наблюдательности, и точныхъ и обширныхъ знаній.

Впрочемъ, не можетъ быть человѣка, который бы, сочувствуя искусству, не сочувствовалъ природѣ; такая односторонность невозможна: природа и искусство выражаютъ тоже — вѣковѣчныя идеи религіи, нравственности и науки; — тѣмъ же языкомъ — образами и звуками; — въ тѣхъ же формахъ — граціозныхъ и величественныхъ, или величественныхъ и граціозныхъ вмѣстѣ.

Но тотъ не поэтъ, кто бы вздумалъ искать одушевленія въ музеумѣ, или картинной галлереѣ, или въ театрѣ. Такъ механически распоряжаться силой творчества невозможно.

* Schiller. Über das Erhabene.

От размышленія. Иногда душа возбуждается къ творчеству 3) чрезъ размышленіе: углубляясь въ предметъ, душа, мало-по-малу, согрѣвается; разныя стороны предмета, при его раскрытіи, разныя до тѣхъ поръ незамѣченныя его свойства, отношенія, виды и законы бытія, трогаютъ наши чувства, призываютъ въ нашу душу тучи воспоминаній, сожалѣній, надеждъ, и, мы увлекаемся имъ: онъ овладѣваетъ нами вполнѣ, онъ становится нашимъ избраннымъ, нашимъ любимымъ. Размышленіе низводитъ въ душу творческую силу, подобно тому, какъ молитва низводитъ благодать на землю. * Но напрасно поэтъ желалъ бы поставить для себя правиломъ — углубляться въ мысль, чтобы возбудить въ себѣ восторгъ для произведенія чего-нибудь изящнаго. Этотъ расчетъ уже показываетъ, что душа его холодна, покрайней мѣрѣ, холодна въ ту минуту, когда онъ это задумываетъ, и къ тому предмету, который онъ хочетъ сдѣлать темою для своего творчества; а холодный расчетъ препятствуетъ увлеченію, безъ котораго мы не можемъ освоиться съ предметомъ, сдѣлать его стихіею своей жизни и, слѣдовательно, матеріаломъ для произведенія художественнаго созданія. Самыя прекрасныя черты въ поэтическомъ произведеніи тѣ, которыя непредвидѣнно и неожиданно возникаютъ изъ глубины вскипѣвшей души;

* V. Hugo. Melanges litteraires et philosophiques.

это сокровища, только во время сильнаго волненія выбрасываемыя на берегъ моремъ.

4) Иногда безъ размышленія, вдали отъ предметовъ природы и искусства, которые могли бы трогать душу, среди заботъ, механическихъ занятій службы, въ такомъ обществѣ, гдѣ все усыпляетъ духовную дѣятельность, вдругъ всѣ силы внутренней жизни отъ чего-то встрепенутся, вся душа наполнится какъ будто отъ прикосновенія какого нибудь высшаго существа необыкновенною бодростію, и передъ ней разовьется въ чудныхъ формахъ и размѣрахъ одна мысль, до тѣхъ поръ, или казавшаяся обыкновеннымъ, холоднымъ понятіемъ, или давно уже затерявшаяся въ толпѣ другихъ, или никогда невходившая въ сознаніе, и какъ будто родившаяся, подобно искрѣ отъ искры, отъ соприкосновенія другихъ идей. Безотчетность одушевленія.

Объ этомъ-то внезапномъ, неразгаданномъ, таинственномъ одушевленіи поэтъ, какъ прорицатель, съ благоговѣніемъ говоритъ:

Deus est in nobis; agitante calesimus illo. Horat.

т. е.

«Во мнѣ присутствуетъ Богъ; его огонь волнуетъ меня.»

§ 71.

Но, какъ объяснить явленіе, столько же странное, сколько противное нравственному чувству и Заказы работъ художникамъ.

святынѣ творчества — заказныя произведенія скульптуры, живописи, музыки и поэзіи? Или, въ самомъ дѣлѣ, горькая нищета, корыстолюбіе и свойство рабской, презрѣнной души — лесть, могутъ, подобно высшимъ, чистѣйшимъ, благороднѣйшимъ побужденіямъ, давать человѣку силу производить прекрасное? Или, безъ сатирической двусмысленности и желчи, можно будетъ сказать съ Персіемъ:

Quodsi dolosi spes refulserit nummi,
Corvos poëtas et poëtricas picas
Cantare pegaseium melos credas?

т. е.

. . . . . что если передъ окомъ
Металлъ обманчивый лучемъ своимъ блеснетъ,
Такъ — языкомъ боговъ ворона и сорока
Тотчасъ заговоритъ и сладко запоетъ.

Какъ безъ чувства презрительнаго сожалѣнія, видѣть импровизатора, который является передъ толпой любопытныхъ—хвастаться продажнымъ одушевленіемъ? Какъ не удивляться, что нарочно назначенный, сухой, или еще хуже, пошлый, избитый предметъ, въ минуту, неболѣе, какъ въ одну минуту, зажигаетъ поэтическимъ огнемъ душу человѣка, и внушаетъ ему стихи, полные мысли, живописи и гармоніи, и все это потому, что этотъ человѣкъ обязался одушевляться, непремѣнно долженъ говорить стихами въ такой-то вечеръ, во столько-то часовъ,

обо всемъ, о чемъ угодно публикѣ, напередъ уже заплатившей деньги?

Въ оправданіе художниковъ и въ защиту искусства, это, хотя нѣсколько, можно объяснить развѣ тѣмъ, что есть 1) люди необыкновенно живые, необыкновенно легко воспламеняющіеся; имъ слѣдуетъ только на нѣкоторое время остановиться на какомъ бы то нибыло предметѣ, и онъ тотчасъ является имъ въ поэтической формѣ и одушевляетъ ихъ; 2) люди богатые идеями и картинами фантазіи, свободно владѣющіе механическою стороною своего искусства; по этому, за какой бы предметъ ни взялись они,— къ нему тотчасъ привьются давно уже живущія въ душѣ ихъ поэтическія думы; 3) если предметъ заказа недостоинъ поэзіи и цѣль низка: то всѣ усилія художника останутся безплодными; если предметъ и цѣль благородны, то они могутъ и достойны находить отголосокъ въ сердцѣ человѣка; 4) многіе заказы не стѣсняютъ таланта, указывая ему только родъ произведенія, а предоставляя на выборъ предметъ и всѣ подробности его развитія и отдѣлки. Такъ, напримѣръ, это бы не много связывало дарованіе романиста, еслибъ ему заказали написать повѣсть изъ той, или другой эпохи русской исторіи; потому что онъ выбралъ бы такое происшествіе, которое болѣе другихъ занимаетъ его, и было много разъ предметомъ его размышленія. Впрочемъ, все же бы онъ писалъ не по внушенію своей свободной, не-

зависимой думы и не со всею горячностію сердечнаго выбора.

Безсознательность художественной дѣятельности.

Чѣмъ бы, и отъ какихъ бы причинъ ни пробуждалось одушевленіе, художникъ всегда долженъ имѣть въ виду опредѣленную идею, мысль; она должна быть основою, зародышемъ созданія. Мнѣніе, будто художникъ творитъ безсознательно, какъ природа, не основывается ни на опытѣ, ни на общихъ свойствахъ духовной дѣятельности; каждое дѣйствіе мыслящаго духа сопровождается яснымъ сознаніемъ; въ этомъ именно и заключается сущность нашей собственно — человѣческой природы. Порывы чувства, самые сильные и продолжительные, не освѣщаемые и не управляемые мыслію, всегда остаются пустымъ, совершенно безплоднымъ и даже изнурительнымъ для другихъ силъ раздраженіемъ; мечты фантазіи, самыя блестящія и затѣйливыя, неподчиняемыя единству мысли, избранной умомъ, будутъ представлять безсвязную игру, воздушную цѣпь призраковъ. Что выдетъ и въ обыкновенныхъ житейскихъ занятіяхъ человѣка, если онъ будетъ поступать безсознательно, т. е. не зная что, какъ и для чего дѣлаетъ?

§ 72.

Практическая цѣль художественныхъ произведеній.

Иногда художникъ, свободно одушевляясь мыслью, воспламеняясь сочувствіемъ къ предмету, не теряетъ изъ виду и практической цѣли, т. е. тѣхъ нравственныхъ послѣдствій, которыя должны проистекать

отъ его произведенія. Возвышенность, или, покрайней мѣрѣ, чистота цѣли, естественно, не только неохлаждаетъ души, но еще болѣе питаетъ и поддерживаетъ огонь ея; кому не представится привлекательнымъ и отраднымъ поэтическій трудъ, когда онъ подумаетъ что прекрасное созданіе искусства повторится въ жизни прекраснымъ поступкомъ, что гимнъ перейдетъ въ Бого-угодное, т. е. благотворное для человѣчества дѣло, что сатира сдѣлаетъ, хотя для одного изъ тысячи, презрѣннымъ и ненавистнымъ наглый порокъ, что пронзительный вопль о безотрадной судьбѣ труженика, умирающаго съ голоду, отравитъ хоть на мигъ наслажденіе холоднаго счастливца, и заставитъ бросить другому нищему недоѣденный кусокъ,— что чувство братской симпатіи къ человѣчеству, высказанное въ романѣ, въ драммѣ, заставитъ кого-нибудь стыдиться вражды, порождаемой предразсудками воспитанія, историческими происшествіями, мелкими личностями? Слѣдовательно, если есть много холодныхъ сочиненій, написанныхъ съ религіозною и нравственною, или философскою цѣлью: то не философія, не религія, не нравственность причиною этаго, не то, что онѣ были въ виду у писателя; но недостатокъ сочувствія къ такимъ священнымъ предметамъ, или недостатокъ силы творчества.

Полная независимость художественной дѣятельности.

Иногда же художникъ въ минуты творчества не имѣетъ въ виду ничего, кромѣ искусства, кромѣ наслажденія осуществить свою любимую мысль въ прекрасныхъ формахъ, осуществить потому, что она

требуетъ осуществленія, потому что она рвется изъ души наружу. Вотъ признаніе поэта, столько же глубоко чувствительнаго, сколько остроумнаго:

«Благоуханьемъ роза дышетъ,
Созвучьемъ дышетъ соловей,
Хотя никто его не слышетъ,
Никто не радуется ей.

Печально горлица воркуетъ
На свѣтломъ праздникѣ весны,
Луна златымъ лучемъ цѣлуетъ
Лѣсовъ пустынныхъ глубины.

Такъ безкорыстенъ, безотчетенъ
Въ своихъ явленіяхъ поэтъ;
Онъ объ успѣхѣ беззаботенъ,
Равно ему: есть цѣль, иль нѣтъ.

Надъ нимъ минутнаго вліянья
Всесиленъ роковой законъ:
Безъ думы, скорби, иль вниманья
Поетъ, страдаетъ, любитъ онъ.

Вяземскій.

Эта безотчетная преданность одной мысли, это глубокое и чистое наслажденіе, эта неотвратимая, роковая потребность творчества, неразрывно соединяются съ сознаніемъ благородства такой дѣятельности, нравственнаго значенія искусства, съ убѣжде-

ніемъ, что подобное явленіе поэтической души можетъ имѣть вліяніе на раскрытіе высшихъ потребностей человѣческой природы.

Во всякомъ случаѣ, художникъ тогда только дѣйствуетъ со всею свойственною ему творческою силою, когда освобождается отъ мелкихъ расчетовъ и отношеній жизни, когда все чувственное, низкое, корыстное, всякая личность, всякая эгоистическая заботливость о самомъ себѣ, хотя, покрайней мѣрѣ, въ минуту поэтическаго труда, совершенно исчезаютъ передъ мыслью и чувствомъ, которыя имѣютъ общечеловѣческую занимательность, т. е. расширяютъ кругъ познаній и облагораживаютъ сердце, дѣлаютъ человѣка умнѣй и добрѣй. Съ такимъ самоотверженіемъ для мысли и чувства человѣкъ дѣйствуетъ уже какъ міровая сила, какъ одно изъ творческихъ началъ природы, по вѣчнымъ законамъ и потребностямъ духа, для безчисленныхъ послѣдствій, для безсмертія; потому что прекрасное, какъ выраженіе истины и добра, никогда не умираетъ: оно будетъ вѣчно переходить изъ души въ душу, изъ искусства въ жизнь, въ поступокъ, изъ жизни обратно отразится въ тысячѣ думъ и движеній сердца. Только при такомъ условіи возможно одушевленіе и творчество: иначе, какихъ средствъ ни употребляй, какихъ пособій ни призывай на помощь, какъ ни раздражай свое воображеніе и чувство, человѣкъ не произведетъ ничего изящнаго. И какъ оскорбительны не только для искусства, высшей дѣятельности таланта, но

вообще для человѣческаго достоинства эти корыстныя, въ какомъ бы то нибыло отношеніи, оды, посланія, сатиры, эпиграммы, мадригалы, гимны! Какъ чужды поэзіи многія изъ стихотвореній, даже замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей! Урокъ поразительный: значитъ, никакая сила дарованія и искусства не въ состояніи замѣнить одушевленія.

§ 73.

Идеалъ художественнаго произведенія.

Изъ предыдущаго видно, что прежде, нежели поэтъ приступаетъ къ механической работѣ надъ своимъ произведеніемъ, онъ уже ясно созерцаетъ умомъ идею, объемъ и планъ ея развитія, онъ уже наслаждается при ея созерцаніи, она осуществилась въ его воображеніи, приняла живую форму, превратилась въ опредѣленное явленіе, въ которомъ есть душа, сила, — мысль, есть и тѣло, — вещественность, образъ; въ немъ уже совершилась тайна творенія; онъ уже носитъ въ самомъ себѣ не зародышъ, но полный, совершенный мысленный образецъ изящнаго произведенія; этотъ образецъ называется идеаломъ художественнаго созданія. Слѣдовательно, идея и идеалъ не одно и тоже: идея есть мысль, отвлеченность, общее понятіе, или, можетъ быть, правильнѣе, созерцаніе ума, иногда одного ума, покрайней мѣрѣ, безъ живаго участія чувства и фантазіи. Отъ идеи еще нѣтъ непосредственнаго перехода къ творчеству, къ художественной, поэтической дѣя-

Различіе между идеаломъ и идеей.

тельности; напротивъ, иногда совершенное погруженіе въ идею, глубокая мысленная работа, при односторонности духовнаго развитія, можетъ вредить одушевленію. Идеалъ есть идея, согрѣтая чувствомъ и облекшаяся въ образъ, созданный для нея фантазіею. Слѣдовательно, идеалъ есть явленіе совокупной дѣятельности всѣхъ силъ души, и создавать идеалы — свойственно только людямъ съ характерами художественными, поэтическими. Но идеала безъ идеи быть не можетъ. Чѣмъ же тронется сердце, для чего фантазія будетъ создавать форму, когда нѣтъ мысли? Совершенно одна и таже мысль можетъ быть выражена въ различныхъ формахъ, — слѣдовательно, можетъ служить основаніемъ различныхъ идеаловъ; такъ въ Юріи Милославскомъ и Рославлевѣ выражена одна мысль, именно, что при всѣхъ измѣненіяхъ Россіи въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ, остались неизмѣнными основныя черты русскаго характера — любовь къ вѣрѣ и отечеству. Значеніе Евгенія Онѣгина и Героя нашего времени — одно: модное наше воспитаніе, чуждое всякихъ идей, убиваетъ въ душѣ всѣ начала благородной дѣятельности и порождаетъ людей ничтожныхъ, презрѣнныхъ, которые въ тягость себѣ и другимъ. Фаустъ Гете, Фаустъ Клингера, Манфредъ Байрона развились также изъ одной идеи: все различіе въ формѣ, созданной фантазіею для осуществленія идеи.

Различіе идеаловъ.

Слѣдовательно, каждый художникъ способенъ создавать свои идеалы; это зависитъ: 1) отъ того, на

какую сторону мысли онъ болѣе обратитъ вниманіе; потому что мысль, какъ умственная общность, какъ отвлеченность, можно развивать съ различныхъ точекъ зрѣнія; 2) отъ степени сочувствія, которое пробуждаетъ въ немъ идея: одна и таже идея: одинаково понимаемая, не одинаково дѣйствуетъ на сердце различныхъ людей: одного она взволнуетъ до глубины души и оставитъ въ немъ неизгладимый слѣдъ; въ другомъ произведетъ легкое и минутное впечатлѣніе; 3) въ душѣ каждаго идея отзывается чувствомъ особеннымъ, не только по степени силы, но по самому свойству, по характеру: что одного радуетъ другаго печалитъ, досадуетъ или заставляетъ смѣяться; 4) облекая идею въ картину воображенія, художникъ кладетъ на нее печать своей личности, печать свойствъ страны и общества, среди которыхъ онъ живетъ.

Не смотря на такія различія въ формахъ идеаловъ есть однакожъ общіе законы, которымъ всякій художникъ подчиняется: это законы, вытекающіе изъ основныхъ началъ физической и духовной природы человѣка. Отъ этого, что было прекрасно за двѣ тысячи лѣтъ, прекрасно и теперь и останется навсегда прекраснымъ.

§ 74.

Осуществленіе идеала.

Осуществить идеалъ — значитъ выразить его во внѣшности, въ дѣйствительныхъ, а не воображаемыхъ только, чувственныхъ формахъ. Это переходъ

явленія души, внутренней нашей жизни, въ явленіе природы; это и есть собственно творчество, или, покрайней мѣрѣ, важнѣйшая, рѣшительная минута творчества. Есть люди, способные создавать самые изящные идеалы, способные одушевляться сильно, и долго сохранять въ себѣ теплоту одушевленія: но какъ только принимаются за механическую работу, энергія души ихъ покидаетъ и образъ созданія, созерцаемаго умомъ и воображеніемъ, не проявляется во внѣшности, не принимаетъ тѣла.

Осуществить идеалъ во всей его полнотѣ, во всемъ его совершенствѣ, такъ, какъ онъ представляется внутреннему созерцанію художника, не возможно. Этому препятствуетъ 1) то, что художникъ невполнѣ владѣетъ матеріальными формами, которыя употребляетъ для выраженія идеала; онъ не можетъ совершенно покорить себѣ внѣшней природы. Какой поэтъ скажетъ, что слово вполнѣ покорно ему, что его незатрудняло выраженіе, размѣръ, риѳма и т. д? Какой музыкантъ, живописецъ не грустилъ, что у него нѣтъ звуковъ, нѣтъ красокъ, что звуки и краски не соединяются такъ, какъ бы ему хотѣлось, какъ ему думалось и чувствовалось; 2) душа есть высшая изъ силъ природы: духовное всегда выше, совершеннѣе чувственнаго; никакая вещественная форма не можетъ принять и отразить въ себѣ того, что человѣкъ мыслитъ, чувствуетъ и рисуетъ своимъ воображеніемъ; 3) Каждая форма, по свойству своему, односторонна: звукъ не можетъ переда-

вать того, что передаетъ образъ, покрайней мѣрѣ, точно также. Отъ этого художники бываютъ всегда недовольны своими произведеніями; въ душѣ ихъ всегда остается много безъименнаго, невыразимаго; произведеніе всегда кажется имъ блѣдною копіей, снятой съ идеала, неточнымъ, неполнымъ отголоскомъ языка души, безсловнаго разговора ея съ самой собою.

Выборъ матеріаловъ и формъ для осуществленія идеаловъ.

Думаютъ, что недостатки въ осуществленіи идеала зависятъ преимущественно отъ недостатка знаній въ механической части искусства, или отъ недостатка навыка. Безъ сомнѣнія, всякое искусство требуетъ продолжительнаго изученія, постояннаго прилежанія и самаго разнообразнаго и разносторонняго упражненія: но чѣмъ болѣе дарованіе художника велико и обширно, тѣмъ легче онъ пріобрѣтетъ механическую ловкость, легкость въ отдѣлкѣ формы и привычку овладѣвать матеріалами; истинный художникъ чувствуетъ естественную потребность давать форму всему, что занимаетъ его душу, и давать именно ту, а не другую форму. Это не есть слѣдствіе расчета; идея, картина, фантазія и влеченіе выразить ее въ той или другой формѣ, рождаются у него не постепенно, не поодиночкѣ, но вдругъ, вмѣстѣ, въ одну творческую минуту, при одномъ порывѣ вдохновенія. Душа музыканта, напримѣръ, требуетъ для своего проявленія положительно звуковъ и сознаетъ живо, убѣдительно, что только въ звукахъ можетъ выразить свое чувство, даже, что въ звукахъ того, или

другаго инструмента; поэтъ неминуемо избираетъ тотъ или другой родъ словесности, пѣсню, драмму, повѣсть, потому что сознаетъ непосредственное сродство и единство между этой формою выраженія и идеаломъ, и настроенностію души своей. И тотъ и другой ни минуты не колеблются въ выборѣ матеріаловъ и формы; всякое сомнѣніе, всякая нерѣшительность въ этомъ случаѣ показали бы, что форма не имѣетъ прямаго, непосредственнаго и исключительнаго отношенія къ идеѣ, что, слѣдовательно, между ними внутренняго сродства нѣтъ, и они не могутъ составлять одного живаго созданія. Этотъ даръ, это опредѣленное влеченіе художника выражать свои мысли такъ, а не иначе, не есть только потребность его души, нѣтъ, это соединяется всегда съ практическою способностію, съ природною ловкостію къ извѣстной механической работѣ; эти два условія художества всегда неразрывны въ одномъ и томъ же человѣкѣ, когда онъ истинный артистъ. Такъ у пластическаго художника это соединяется съ зоркостію глаза, съ вѣрностію руки, у музыканта съ тонкостію слуха, у поэта съ особенною находчивостію меткихъ выраженій, съ особеннымъ тактомъ въ выборѣ размѣра, расположенія стиховъ и т. д. Однимъ стараніемъ, изученіемъ, навыкомъ, этого пріобрѣсти нельзя.

Такое исключительное предрасположеніе и дарованіе къ извѣстнымъ формамъ художественнаго проявленія мысли замѣчается даже у цѣлыхъ наро-

довъ; такъ на прим., пѣніе и мелодія исключительно принадлежатъ италіанцамъ; это преимущество, данное имъ природой; поэзія эпическая и скульптура—достояніе древнихъ Грековъ; Германія—страна фантастическихъ балладъ, мечтательныхъ сказокъ, глубокихъ и меланхолическихъ драммъ.

§ 75.

Составныя части художественнаго произведенія.

Художественное произведеніе искусства, какъ осуществленіе идеала, имѣетъ двѣ стороны: внутреннюю и внѣшнюю, духъ и образъ, мысль и проявленіе мысли — иначе, идею и форму; но идея и форма суть только стихіи художественнаго произведенія; ни одна изъ нихъ, въ отдѣльности, не составляетъ его; совершенное преобладаніе одной изъ нихъ надъ другою также разрушаетъ всякую художественность, уничтожаетъ творчество.

Отношеніе между ними.

Чтобы изъ идеи, какъ начала духовнаго, и формы, какъ начала вещественнаго, образовалось одно живое, недѣлимое, опредѣленное созданіе, необходима между ними непосредственная, органическая связь, необходима между ними совершенная гармонія, чтобы идея, подобно жизненной силѣ въ тѣлѣ человѣческомъ, проникала весь составъ формы; чтобы, наоборотъ, каждая сторона, каждая грань, или черта формы—отражала въ себѣ идею, какъ свою душу.

Высокое и граціозное въ произведеніяхъ искусства.

Произведенія искусства, подобно созданіямъ природы, бываютъ двухъ родовъ: высокія и граціозныя.

Художникъ можетъ выражать высокое положительно, или отрицательно; положительно, когда пробуждаетъ въ нашей душѣ преимущественно идею о безконечной силѣ,—какъ началѣ добра, жизни, творчества; отрицательно,—когда пробуждаетъ идею о необыкновенной силѣ,—какъ началѣ зла, разрушенія, разстройства, безпорядка, хаоса. Впечатлѣніе перваго сопровождается чувствомъ сладкаго благоговѣнія; впечатлѣніе втораго—чувствомъ ужаса, или глубокой тоски. Но чувство ужаса и тоски, пробуждаемое отрицательно-высокимъ, всегда опять разрѣшается въ наслажденіе; это происходитъ: 1, отъ того, что мы по закону соприкосновенности противоположностей, отъ картины разрушенія невольно переносимся умомъ и воображеніемъ къ мысли о неисчерпаемости жизни, которая изъ разрозненныхъ стихій, изъ обломковъ формъ, изъ разстроенныхъ организмовъ можетъ возсоздать рои новыхъ существъ, что смерти и уничтоженія въ природѣ нѣтъ, а есть только переходы изъ одной формы существованія въ другія; 2, отъ того, что иногда съ чувствомъ ужаса соединяется чувство участія и состраданія къ гибнущимъ твореніямъ; а это чувство благородное, возвышенное, святое, и потому сладостное; 3, при видѣ разрушительно-дѣйствующей силы, мы представляемъ, какъ она можетъ сдѣлаться и часто дѣлается благотворною, при другомъ направленіи. Отъ этого на насъ иногда эстетически дѣйствуютъ художественныя изображенія сильныхъ характеровъ, страстей и поступковъ, совер-

Положительная и отрицательная форма высокаго.

шенно противонравственныхъ: напримѣръ, неумолимая месть, честолюбіе, готовое пожертвовать милліонами людей для своего удовлетворенія, невѣріе, отвергающее все святое, мизантропія, недоступная ни одному нѣжному чувству. Таковы адъ Данта, сатана Мильтона, Адрамелехъ Клопштока, Леди Макбетъ-Шекспира, Филиппъ II Алфіери, Демонъ Пушкина.

Положительная и отрицательная форма граціознаго.

И граціозное можно также выражать въ художественномъ произведеніи положительно, или отрицательно. Положительно, когда произведеніе цѣлымъ составомъ своимъ пробуждаетъ въ насъ непосредственно идею стройной и легкой дѣятельности физическихъ, или нравственныхъ силъ, соотвѣтственно законамъ природы, для сохраненія бытія и счастья созданныхъ существъ; отрицательно, когда художникъ, рисуя картину безобразія физическаго или нравственнаго, въ рѣзкомъ нарушеніи всякаго порядка и соразмѣрностей, въ отступленіи отъ надлежащаго, (нормальнаго) естественнаго развитія силъ, даетъ намъ живо чувствовать потребность гармоніи и красоты; отталкивая насъ отъ безобразнаго, поселяя чувство негодованія, презрѣнія, или отвращенія, заставляетъ искать, или предугадывать бытіе такихъ предметовъ, такихъ явленій, которыя влекутъ душу къ себѣ, успокоиваютъ ее и заставляютъ радоваться своимъ существованіемъ и существованіемъ другаго.

Безобразное.

И такъ безобразное, употребляемое, какъ одно изъ средствъ, одинъ изъ матеріаловъ искусства, и само по себѣ, въ отдѣльности, можетъ производить

эстетическое впечатлѣніе , т. е. возбуждать силы нашей души къ высшей и гармонической дѣятельности. Дать человѣку почувствовать безобразіе чего нибудь, значитъ уже пробудить въ немъ идею стройности, совершенства, согласія съ законами природы, или, по крайней мѣрѣ, значитъ заставить его желать чего-то небезобразнаго, чего-то другаго, чего-то лучшаго. Безобразное есть противоположность прекрасному, есть отрицаніе прекраснаго; представить безобразное отталкивающимъ и возбуждающимъ идею красоты значитъ отрицать его ; а два отрицанія равны утвержденію ; это законъ логическій и математическій.

Еще чаще изображеніе безобразнаго употребляется, какъ только одна изъ составныхъ частей художественнаго произведенія ; въ такомъ случаѣ оно дѣлаетъ болѣе видными , поразительными и привлекательными черты прекраснаго, граціознаго ; противоположности, поставленныя рядомъ такъ, чтобы мы могли не только сличать ихъ, но вдругъ, непосредственно чувствовать впечатлѣнія обоихъ, дѣйствуютъ на насъ гораздо сильнѣе, нежели въ то время, когда мы ихъ беремъ по одиночкѣ. * Безобразіе костюма и манеръ *Медвѣдя* поражаютъ особенно рѣзко на балу. Чацкій особенно прекраснъ , когда встрѣчается съ полковникомъ Скалозубомъ , олицетвореннымъ автоматомъ, площаднымъ героемъ. Красота Эсме-

* Quinctilianus. Opposita, juxta se posita, magis elucescunt.

ральды прекраснѣе въ присутствіи Казимодо. Но во всякомъ случаѣ, изображенія безобразнаго надобно употреблять: 1, съ большою осторожностію: уродливость—во всѣхъ отношеніяхъ, есть отступленіе отъ общаго порядка вещей; слѣдовательно, останавливаться преимущественно на изображеніи уродливостей—противоестественно; картины безобразія часто повторяющіяся, своею дисгармоніей могутъ утомить чувство; 2, надобно опасаться, чтобы картины безобразнаго не были физически отвратительны: это повредитъ эстетическому впечатлѣнію: искусство дѣйствуетъ на душу чрезъ чувственную сторону человѣка. Къ тому же, сила творчества состоитъ не въ томъ, чтобы перенести въ искусство всю грязную дѣйствительность; но въ томъ, чтобы возбудить въ человѣкѣ живое сознаніе высшихъ потребностей — мысли, добродѣтели, изящества; 3, главное же, при введеніи безобразнаго, надобно помнить, что оно должно служить покровомъ идеи. Умъ, доброта сердца, сила характера, ничѣмъ невознаграждаемый, неутомимый и безотрадный трудъ, облагороживаютъ нищету, дѣлаютъ какъ-то если непривлекательными, то почтенными лохмотья бѣдняка, и мы съ участіемъ пожмемъ руку, черную, какъ руда, и какъ руда, крѣпкую и полезную. Тоже и въ искусствѣ: идея облагораживаетъ форму.

Употребленіе безобразнаго.

§ 76.

Смѣшное. Художникъ можетъ еще выражать отрицатель-

но, или правильнѣе, косвенно, высокое и граціозное при помощи смѣшнаго.

Здѣсь не разумѣется смѣхъ чисто-физическій, происходящій только отъ потрясенія нервъ; не улыбка—выраженіе нѣжнаго чувства свѣтлой радости, или тихой меланхоліи, какъ напримѣръ, улыбка молодой матери, склонившейся надъ колыбелью ея младенца, или улыбка старика, который на веселомъ пиру смотритъ какъ «бунтуетъ вѣтренная младость;» смѣхъ, о которомъ идетъ рѣчь, проистекаетъ изъ другихъ источниковъ.

Мнѣнія о смѣшномъ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ, чувство смѣшнаго возбуждается въ насъ тогда, когда мы замѣчаемъ, что какая нибудь глупость, дурная страсть, привычка, странное желаніе, или порокъ подвергаются заслуженному наказанію.

Дѣйствительно, смѣшно, когда глупый метафизикъ, покушающійся рѣшать самые трудные вопросы, занесшись мыслью за облака, не видитъ ничего, что у него подъ ногами и падаетъ въ яму; смѣшно и пріятно, когда русскій купецъ съ наглымъ самодовольствіемъ безсовѣстнаго торгаша, хвалится передъ своимъ племянникомъ, что старый, подмоченный, гнилой кусокъ польскаго сукна» за англійское сукно сбылъ,»—и тутъ же узнаетъ, что покупщикъ далъ ему фальшивую бумажку; смѣшно, когда закоренѣлое лихоимство людей, посѣдѣвшихъ въ почетной службѣ, встрѣчаетъ соперника въ лихоимцѣ юнаго, образующагося, петербургскаго поколѣнія чи-

новниковъ — Хлестаковѣ. Но 1) мы смѣемся надъ глупостью и тогда, когда не видимъ, что она наказывается; 2) не всякій порокъ, не всякое дурное дѣло, и не всякое наказаніе возбуждаютъ смѣхъ; 3) есть явленія смѣшныя, тогда какъ въ нихъ нѣтъ ни глупости, ни порока, ни наказанія. На прим., рыболовъ Мазаніэлло, сдѣлавшись правителемъ Неаполя, изнемогъ душею подъ тяжестію восьмидневнаго царствованія, и помѣшался; между тѣмъ, еще незная объ этомъ, къ нему являются правительственные люди; онъ принимаетъ ихъ спокойно, съ важностію, свойственною своему сану, разбираетъ дѣло одного изъ нихъ очень умно, рѣшаетъ его справедливо: но лишь только проситель оборотился къ двери, чтобы уйти, Мазаніэлло даетъ ему пинокъ въ спину. Это смѣшно, а между тѣмъ здѣсь нѣтъ ни одной изъ вышеприведенныхъ причинъ смѣха.

По мнѣнію иныхъ, мы смѣемся надъ недостатками другаго потому, что въ самихъ себѣ не сознаемъ этихъ недостатковъ; надъ замѣшательствомъ другаго — потому, что сами въ это время не бываемъ предметомъ насмѣшекъ, и радуемся этому. Но очень часто къ смѣху нашему не примѣшивается нисколько эгоистическихъ чувствъ и расчетовъ; и мы вообще, смѣемся отъ души только тогда, когда ни мало собой не заняты и не думаемъ сравнивать себя и свое положеніе съ другими, или положеніемъ другихъ.

Думаютъ также, что смѣхъ возбуждается всегда неожиданностію какой нибудь встрѣчи въ жизни, какого нибудь сочетанія понятій, какой нибудь новизны. Основаніе этого мнѣнія слѣдующее: шутка, которую мы предвидимъ, уже невозбуждаетъ смѣха; и напротивъ, во всякой остротѣ, заставляющей насъ смѣяться, есть что нибудь неожиданное.

Но неожиданность, новизна, только поддерживаютъ, усиливаютъ впечатлѣніе смѣшнаго, а не служатъ главнымъ и единственнымъ источникомъ его. Мы знаемъ напередъ остроты Крылова, Грибоѣдова, Гоголя и, читая ихъ, въ сотый разъ, не можемъ удержаться отъ смѣха. Притомъ же, не все неожиданное смѣшно; есть неожиданности, поражающія ужасомъ, печалью, или возбуждающія изумленіе, восторгъ.

Впрочемъ, каждое изъ этихъ мнѣній, будучи неправильно въ полномъ приложеніи къ предмету, больше, или меньше правильно въ частности.

Общія условія смѣшнаго.

Во всемъ, что мы называемъ смѣшнымъ, постоянно заключаются слѣдующія черты: 1) смѣшны бываютъ только поступки человѣка; предметы неодушевленной природы, сами по себѣ, безъ всякаго примѣненія къ человѣку, безъ всякаго сближенія съ дѣйствіями человѣка, никогда не возбуждаютъ въ насъ смѣха; форму камня, дерева, скалы, дома, мы называемъ странною, необыкновенною, уродливою, но никогда смѣшною; животныя—смѣшны только въ басняхъ, гдѣ они — аллегорическія фигуры,

олицетворенія человѣческихъ свойствъ, понятій, страстей и поступковъ; или, мы, сличая ихъ дѣйствія съ своими поступками, въ какомъ нибудь отношеніи, именно только поэтому сличенію, находимъ въ нихъ что нибудь смѣшнымъ; 2) смѣшно всякое дѣйствіе, въ которомъ рѣзко и неожиданно обнаруживается противорѣчіе общимъ законамъ духовной природы человѣка, — требованіямъ здраваго смысла, нравственности, вкуса; 3) или противорѣчіе законамъ физической природы человѣка, надлежащему (нормальному) развитію нашего организма, естественной гармоніи и соразмѣрности частей тѣла; 4) или принятымъ формамъ и условіямъ общества; 5) или какимъ нибудь случайнымъ обстоятельствамъ, отношеніямъ, встрѣчамъ, однакожъ всегда такъ, что это 6) не дѣлаетъ никому существеннаго вреда, не влечетъ за собою гибельныхъ послѣдствій и потому не возбуждаетъ болѣзненныхъ ощущеній: смѣхъ несовмѣстенъ съ чувствомъ страданія; * если человѣкъ смѣется въ горѣ, значитъ онъ можетъ стать выше своей потери; можетъ, покрайней мѣрѣ, на ту минуту, когда смѣется, побѣдить и забыть болѣзненное чувство. Смѣхъ бываетъ выраженіемъ страданія только въ сумашествіи, или въ бѣшенствѣ, въ отчаяніи, — состоянія, когда человѣкъ близокъ къ сумашествію, и совершенно не владѣетъ собой; но тогда смѣхъ обыкновенно переходитъ въ хохотъ.

* Cicero. De oratore. Lib. II. p. 58 — 59.

Иногда предметъ представляется смѣшнымъ только по случайному, или личному взгляду человѣка; то, что одного смѣшитъ, въ другомъ возбуждаетъ негодованіе, или слезы: они смотрятъ на предметъ различно, всякій по своему; впечатлѣнія, производимыя предметомъ, связываются въ душѣ каждаго изъ нихъ съ такими мыслями, воспоминаніями, служатъ основою для такихъ послѣдствій, которыя чужды уму другаго. Но, во всякомъ случаѣ, тотъ, кто смѣется, замѣчаетъ въ предметѣ только одну несообразность, не представляя ничего, что бы могло производить въ душѣ страданіе, участіе, сожалѣніе, печаль, ужасъ и т. п. Эта мысль прекрасно олицетворена Пушкинымъ въ слѣдующей сценѣ между Моцартомъ и Сальери:

. . . . . .

Сальери.

Ты здѣсь? Давноль?

Моцартъ.

Сей часъ. Я шелъ къ тебѣ,
Несъ кое-что тебѣ я показать;
Но проходя передъ трактиромъ, вдругъ
Услышалъ—скрипку... Нѣтъ, мой другъ, Сальери!
Смѣшнѣе отъ роду ты ничего
Неслыхивалъ . . . Слѣпой скрипачъ въ трактирѣ
Разыгривалъ: voi che sapete . . . чудо!
Не вытерпѣлъ, привелъ я скрипача,
Чтобъ угостить тебя его искусствомъ:
Войди.

(Входитъ слѣпой старикъ со скрипкой)

Изъ Моцарта намъ что нибудь!

(Старикъ играетъ арію изъ Донъ-Жуана ; Моцартъ хохочетъ.)

Сальери.

И ты смѣяться можешь?

Моцартъ

Ахъ, Сальери,

Ужель и самъ ты не смѣешься?

Сальери.

Нѣтъ,

Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный
Мнѣ пачкаетъ Мадонну Рафаэля;
Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный —
Пародіей безчеститъ Алигьери!
Пошелъ, Старикъ!

Моцартъ.

Постой же: вотъ тебѣ;
Пей за мое здоровье.

Это разногласіе двухъ великихъ художниковъ въ дѣлѣ, касающемся искусства, очень понятно: Моцарту казалось только страннымъ, глупымъ, что его Донъ-Жуанъ попалъ въ трактиръ и служитъ забавою для пьяной черни, что слѣпой старикъ покушается разыгрывать его созданіе, играетъ передъ нимъ самимъ, и, можетъ быть, думаетъ своею игрой ему доставить большое удовольствіе. Сальери досадуетъ потому, что видитъ въ этомъ оскорбленіе святыни искусства и величія генія, разрушеніе гармоніи, обезображеніе красоты, — низкое торгаше-

ство, которое готово бы за кусокъ хлѣба, за кружку пива, на рынкѣ продавать то, что достойно благоговѣнія.

§ 77.

Художественное изображеніе смѣшнаго.

Но смѣшное само по себѣ еще не дѣйствуетъ поэтически на душу; и не всякое изображеніе смѣшнаго есть художественное созданіе; мы смѣемся фарсамъ паяца,—костюму, кривляньямъ и плоскимъ выходкамъ шута: но этотъ смѣхъ — не эстетическое чувство, не выраженіе души, глубоко потрясенной какимъ нибудь впечатлѣніемъ, души, силы которой внезапно приведены въ движеніе, и этотъ потѣшникъ черни, конечно, не поэтъ; часто его костюмъ, его языкъ, его манеры, — глупы, безсмысленны. Смѣшное тогда только восходитъ на степень художественнаго явленія, получаетъ поэтическую занимательность, когда служитъ средствомъ для выраженія идеи, тѣсно связанной съ высшими требованіями нашей духовной жизни, — религіи, науки, нравственности.

Комическое.

Жизнь дѣйствительная—фактическая т. е. развитіе силъ человѣка, или народа въ извѣстное время, на извѣстномъ пространствѣ, представляетъ множество рѣзкихъ противорѣчій, поразительныхъ несообразностей съ благороднѣйшими, безкорыстными, чуждыми всякой эгоистической расчетливости, влеченіями духа; если художникъ, замѣтивъ эти несообразности, вѣрно схвативъ ихъ, представивъ картину

странностей, нелѣпостей, картину искаженія человѣческой природы, заставитъ насъ смѣяться, тогда онъ живо даетъ намъ чувствовать идею величія и красоты, къ осуществленію которой человѣкъ призванъ, но отъ которой онъ отступилъ; онъ возбудитъ въ насъ сознаніе своего человѣческаго достоинства, рѣшимость дѣйствовать соотвѣтственно этому сознанію, бороться съ низкими, безнравственными, мелочными требованіями общества, привычки, мертвыхъ формъ, превратившихся отъ долговременности въ правила, или непреложные законы: тогда и только тогда онъ—комикъ, и произведеніе его есть истинное творчество. Поэтому комическое не надобно считать только забавой, шуткой, или шутовствомъ, которое странною, неожиданною уродливостью формъ поражаетъ въ насъ преимущественно физическое чувство; нѣтъ, комическое можетъ трогать самыя тонкія пружины сердца, можетъ пробуждать самыя сильныя, глубокія ощущенія, можетъ въ высшей степени потрясать душу. Смѣшное есть только одна стихія комическаго, и, можно сказать, внѣшняя сторона его; подъ юродивой формой комическаго можетъ скрываться пламенный энтузіазмъ, чувство презрѣнія, сострадания, благороднаго негодованія, поэтической грусти, любви и т. д. Такой смѣхъ «достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеньемъ и—цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха.*» Отъ этого, комическимъ, какъ высокимъ

* Гоголь. Мертв. души.

и прекраснымъ, не можетъ наслаждаться человѣкъ, чуждый идей, высшаго воззрѣнія на жизнь,—человѣкъ, въ которомъ не пробуждено хотя тусклое сознаніе и предчувствіе идеальнаго совершенства нашей природы. Чернь находитъ только смѣшное въ Гамлетѣ, когда онъ разговариваетъ съ гробовщикомъ—въ скупомъ, когда онъ приходитъ въ бѣшенство, узнавъ, что у него украли деньги,—въ горѣ отъ ума, когда глупцы, взяточники, картежники, презрѣнныя сплетницы, святоши, объявляютъ Чацкаго сумасшедшимъ. Это помнитъ всякій, бывавшій въ театрѣ; чернь понимаетъ только внѣшность, пестрый арлекинскій костюмъ; до внутренняго значенія комическихъ сценъ она не доходитъ; ей, бѣдной, доступны только фарсы, грубыя, площадныя шутки; онѣ съ перваго раза кидаются ей въ глаза, по своему рѣзкому противорѣчію съ обыденными требованіями отношеній между людьми, отношеній между предметами и условіями приличія всякаго общества, по безобразію физическихъ формъ, движеній, одежды и т. д. Внутренняя дисгармонія дѣйствительной жизни съ основными началами религіи, нравственности, философіи—выше ея разумѣнія; а между тѣмъ дать почувствовать эту дисгармонію и есть собственно благородное, высокое назначеніе комедіи.

Всмотримся въ нѣкоторыя комическія сцены изъ отечественныхъ писателей.

Отрывокъ изъ воздушныхъ за́мковъ Хмельницкаго.

Альнаскаровъ, отставной мичманъ, мечтаетъ, на казенный счетъ объѣхать свѣтъ, найти какое нибудь государство, завоевать его въ свою пользу, сдѣлаться какимъ нибудь царемъ какихъ нибудь подданныхъ, какъ нибудь побѣдить Алжирцевъ и внимать торжественные клики:

«Да здравствуетъ нашъ Царь, да здравствуетъ великій!

Онъ ѣдетъ въ Петербургъ, чтобъ отправиться въ экспедицію; на дорогѣ ломается у него карета; его приглашаютъ въ гости въ одинъ господскій домъ; между тѣмъ какъ баринъ мечтаетъ въ залѣ, или кабинетѣ, слуга его, Викторъ, тоже фантазеръ, мечтаетъ въ передней.

ВИКТОРЪ (одинъ.)

Ну,—баринъ мой проказитъ не путемъ;
Онъ хочетъ сдѣлаться, бездѣлица, царемъ.
Вотъ мѣсто славное для мичмана въ отставкѣ!
Тогда бъ не грѣхъ Царя... просить мнѣ о прибавкѣ
Сотняги лишней въ годъ. Но... что ни говори,
А вѣрно, не прыгнешь изъ мичмановъ въ цари.
Какъ въ голову войдетъ дурачество такое?
Вотъ я такъ, напримѣръ, оно совсѣмъ другое:
Я лотерейный взялъ дорогою билетъ;
И какъ не взять, когда увидѣлъ изъ газетъ,
Что скоро разыграть хотятъ часы съ лихими
Курантами, ну такъ, что не разстался бъ съ ними?

Рискнулъ—и за билетъ взнесъ кровныхъ пять рублей.
Въ сто тысячь выигрышъ! Да кто жъ себѣ злодѣй?
Сто тысячь! Боже мой! Въ твоей все это волѣ!
Пусть баринъ мой себѣ храбрится на престолѣ,
Да сто-то тысячь Ты пошли его слугѣ!
А подлинно бъ, онѣ пришли мнѣ по рукѣ.
Что еслибъ мнѣ... хоть часть досталася на долю...
Что сдѣлаю?... Тотчасъ я выкуплюсь на волю,
Тутъ въ службу, выслужусь, и черезъ годъ, какъ разъ,
Вдругъ, Викторъ нашъ махнетъ въ четырнадцатый классъ!
О, честолюбіе! оставь меня въ покоѣ.
Нѣтъ, Викторъ, нѣтъ, мой другъ, затѣялъ ты пустое.
Изъ службы не всегда, вѣдь, выдешь съ барышомъ.
Такъ, лучше... рѣшено: я дѣлаюсь купцомъ,
Хоть третьей гильдіи, чтобы поменьше сумму
Съ имѣнія платить мнѣ въ городскую думу.
Тутъ я, благословясь, пущусь тотчасъ въ торги;
По лавочкамъ мои всѣ заплачу долги;
Потомъ куплю себѣ я домикъ презатѣйной,
Сперва въ полку, а тамъ, пожалуй, на Литейной
Обзаведусь и самъ женюся наконецъ....
И Саша мнѣ жена! и Викторъ ужъ отецъ!
И вотъ вокругъ меня цыпляточки, малютки!
Я стану говорить имъ сказки, прибаутки,
И въ счастьи проживу, конечно, до ста лѣтъ!...
Однакожъ посмотрѣть, здоровъ ли мой билетъ!
(шаритъ въ карманахъ.)
Гдѣ жъ онъ? кой чертъ! не то все въ руки попадаетъ!
Билетъ! Билетъ!—меня по кожѣ подираетъ!
Ахъ, Боже мой!

Саша (вбѣгая.)

Сей часъ васъ баринъ приказалъ
Позвать къ себѣ.

Викторъ

Я все билета не сыскалъ...
Безъ васъ со мной ударъ убійственный случился!

Саша.

Да, что же сдѣлалось?

Викторъ.

Супругъ вашъ разорился!
Что будетъ съ нашими несчастными дѣтьми!

Хмельницкій.

Конечно, это смѣшно; но съ этимъ смѣхомъ невольно соединяется чувство презрительнаго сожалѣнія о безсмысленныхъ надеждахъ, основывающихся не на честномъ трудѣ, умѣренности, трезвости, постоянствѣ, расчетливости, экономіи, а на лотереѣ; невольно рождается чувство негодованія, грусти, участія и проч., когда представляешь этотъ мечтательный восторгъ человѣка, выкупившись на волю, вдругъ «махнуть въ четырнадцатый классъ,» или ужъ, если это счастье слишкомъ возвышенно, то сдѣлаться купцомъ, хоть третьей гильдіи; и между тѣмъ среди этихъ скорбныхъ мыслей, иногда возникаетъ въ воображеніи картина простаго крестьянскаго счастья: свой кусокъ хлѣба, довольство, здоровье, веселость, трудолюбіе, истинная набожность, любовь, спокойствіе, царствующія въ семействѣ — словомъ идеалъ скромнаго, патріархальнаго быта простолюдина. Безъ

сомнѣнія, у каждаго изъ читателей или зрителей, пробудятся больше одни, или другія чувства; мысль получитъ свое особенное направленіе и развитіе, облечется въ тѣ, или другія картины; но только однимъ смѣхомъ впечатлѣніе этой сцены для мыслящаго человѣка не кончится; оно пойдетъ въ глубь души.

Отрывокъ изъ мертвыхъ душъ Гоголя.

«У васъ, матушка, хорошенькая деревенька. Сколько въ ней душъ?

—Душъ-то въ ней, отецъ мой, безъ малаго 80, сказала хозяйка; да бѣда, времена плохи; вотъ и прошлый годъ былъ такой неурожай, что Боже сохрани!

«Однако жъ мужички на видъ дюжіе, избенки крѣпкія А позвольте узнать фамилію вашу? Я такъ разсѣялся... пріѣхалъ въ ночное время.

— Коробочка, коллежская секретарша.

«Покорнѣйше благодарю. А имя и отечество?

— Настасья Петровна.

«Настасья Петровна? Хорошее имя — Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери,—Настасья Петровна.

— А ваше имя какъ? спросила помѣщица. Вѣдь вы, я чай, засѣдатель?

«Нѣтъ матушка, отвѣчалъ Чичиковъ, усмѣхнувшись. Чай не засѣдатель, а ѣздимъ такъ, по своимъ дѣлишкамъ.

— А, такъ вы покупщикъ! Какъ же жаль, право, что я продала медъ купцамъ такъ дешево, а вотъ бы ты, отецъ мой, у меня, вѣрно, его купилъ.

«А вотъ меду и не купилъ бы.»

— Что жъ другое? Развѣ пеньку? Да, вишь, и пеньки-то у меня теперь маловато: полпуда всего.

«Нѣтъ, матушка, другаго рода товарецъ: скажите, у васъ умирали крестьяне?»

— Охъ, батюшка, осьмнадцать человѣкъ! сказала старуха вздохнувши. И умеръ такой все славный народъ, все работники. Послѣ того, правда, народилось, да что въ нихъ; все такая мѣлюзга, а засѣдатель подъѣхалъ, подать, говоритъ, уплачивать съ души. Народъ мертвый, а плати, какъ за живаго. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ, такой искусный кузнецъ и слесарное мастерство зналъ.

«Развѣ у васъ былъ пожаръ, матушка?»

— Богъ приберегъ отъ такой бѣды: пожаръ бы еще хуже; самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось, черезъ чуръ выпилъ, только синій огонекъ пошелъ отъ него, весь истлѣлъ, истлѣлъ и почернѣлъ, какъ уголь, а такой былъ преискусный кузнецъ! И теперь мнѣ выѣхать не начѣмъ, некому лошадей подковать.

«На все воля Божія, матушка! сказалъ Чичиковъ вздохнувши; противъ мудрости Божіей ничего нельзя сказать . . . Уступите-ка ихъ мнѣ, Настасья Петровна?

— Кого, батюшка? —

«Да вотъ этихъ-то всѣхъ, что умерли.»

— Да, какъ же уступить ихъ?»

«Да, такъ, просто. Или пожалуй продайте: я вамъ за нихъ дамъ деньги.

— Да, какъ же?...я, право, въ толкъ-то не возьму. Не што хочешь ты ихъ откапывать изъ земли?

Чичиковъ увидѣлъ, что старуха хватила далеко, и что необходимо нужно ей растолковать, въ чемъ дѣло. Въ немногихъ словахъ объяснилъ онъ ей, что переводъ, или покупка будетъ значиться только на бумагѣ, и души будутъ прописаны какъ бы живыя.

— Да на что жъ онѣ тебѣ? сказала старуха, выпучивъ на него глаза.

«Это ужъ мое дѣло.»

— Да, вѣдь онѣ жь мертвыя. —

«Да, кто жъ говоритъ, что онѣ живыя? Потому-то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите, а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще сверхъ того дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?»

— Право, незнаю, произнесла хозяйка съ разстановкой. Вѣдь, я мертвыхъ никогда еще не продавала.

«Еще бы! Это бы скорѣй походило на диво, еслибъ вы ихъ кому нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какой нибудь прокъ?»

— Нѣтъ, этого-то я не думаю. Что жъ въ нихъ за прокъ? Проку никакого нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ, что онѣ ужъ мертвыя. —

Ну, баба, кажется, крѣпколобая! подумалъ про себя Чичиковъ. — Послушайте, матушка. Да вы разсудите только хорошенько: вѣдь вы разоряетесь, платите за него подать, какъ за живаго» . . .

— Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ, подхватила помѣщица. — Еще третью недѣлю взносла больше полутораста. Да засѣдателя подмаслила.

«Ну, видите, матушка. А теперь примите въ соображеніе только то, что засѣдателя вамъ подмасливать больше не нужно, потому, что теперь я плачу за нихъ; я, а не вы; я принимаю на себя всѣ повинности. Я совершу даже крѣпость на свои деньги, понимаете ли это?»

Старуха задумалась. Она видѣла, что дѣло точно, какъ будто выгодно, да только ужъ слишкомъ новое и небывалое; а потому начала сильно побаиваться, чтобы какъ нибудь не надулъ ее этотъ покупщикъ; пріѣхалъ же, Богъ знаетъ, откуда, да, еще въ ночное время.

«Такъ что жъ, матушка, по рукамъ что ли? говорилъ Чичиковъ.»

— Право, отецъ мой, никогда еще не случалось продавать покойниковъ. — Живыхъ-то я уступала, вотъ и третьяго года Протопову двухъ дѣвокъ по сту рублей за каждую и очень благодарилъ; та-

кія вышли славныя работницы: сами салфетки ткутъ. —

«Ну, да не о живыхъ дѣло; Богъ съ ними. Я спрашиваю мертвыхъ.»

— Право, я боюсь на первыхъ-то порахъ, чтобы какъ нибудь не понести убытку. Можетъ быть ты, отецъ мой, меня обманываешь, а они того... они больше какъ нибудь стоятъ. —

«Послушайте, матушка... Эхъ какія вы! Что жъ они могутъ стоить? Разсмотрите: вѣдь, это прахъ. Понимаете ли? Это просто прахъ. Вы возмите всякую негодную, послѣднюю вещь, напримѣръ, даже простую тряпку; и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть, покрайней мѣрѣ, купятъ на бумажную фабрику; а вѣдь, это ни на что не нужно. Ну скажите сами, на что оно нужно?»

— Ужъ это точно правда. Ужъ со всѣмъ ни на что не нужно; да, вѣдь, меня одно только и останавливаетъ, что, вѣдь, они уже мертвые. —

«Экъ ее дубинно-головая какая! сказалъ про себя Чичиковъ, ужъ начиная выходить изъ терпѣнія: пойди ты, сладь съ нею; въ потъ бросила, проклятая старуха! Тутъ онъ, вынувши изъ кармана платокъ, началъ отирать потъ, въ самомъ дѣлѣ выступившій на лбу. Отерши потъ, Чичиковъ рѣшился попробовать, нельзя ли ее навести на путь, какою нибудь иною стороною. «Вы, матушка,» сказалъ онъ, «или не хотите понимать словъ моихъ, или такъ, нарочно говорите, лишь бы что нибудь го-

ворить ... Я вамъ даю деньги — пятнадцать рублей ассигнаціями. Понимаете ли? Вѣдь, это деньги. Вы ихъ не сыщете на улицѣ. Ну, признайтесь, почемъ продали медъ?—

— По двѣнадцати рублей пудъ.

«Хватили немножко грѣха на душу, матушка. По двѣнадцати не продали.»

— Ей Богу продала.

«Ну, видитель? Такъ за то это медъ. Вы собирали его, можетъ быть, около года съ заботами, со стараніемъ, хлопотами: ѣздили, морили пчелъ, кормили ихъ въ погребѣ цѣлую зиму, а мертвыя души дѣло не отъ міра сего. Тутъ вы съ своей стороны никакого не прилагали старанія; на то была воля Божія, чтобъ онѣ оставили міръ сей, нанеся ущербъ вашему хозяйству. Тамъ вы получили за трудъ, за стараніе, двѣнадцать рублей, а тутъ вы берете ни за что, даромъ, да и не двѣнадцать, а пятнадцать, да и не серебромъ, а все синими ассигнаціями.» Послѣ такихъ сильныхъ убѣжденій Чичиковъ почти уже не сомнѣвался, что старуха подастся.

— Право, отвѣчала помѣщица, мое такое неопытное вдовье дѣло! Лучше жъ я маленько повременю; авось, понаѣдутъ купцы, да примѣнюсь къ цѣнамъ.

«Страмъ, страмъ, матушка! Просто страмъ! Ну что вы это говорите? Подумайте сами! Кто жъ станетъ покупать ихъ? Ну, какое употребленіе онъ можетъ изъ нихъ сдѣлать?

— А, можетъ, въ хозяйствѣ-то, какъ нибудь подъ случай, понадобятся. . . возразила старуха, да и не кончила рѣчи, открыла ротъ, и смотрѣла на него почти со страхомъ, желая знать, что онъ на это скажетъ.

«Мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хватили! Воробьевъ развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ, что-ли?

— Съ нами крестная сила! Какія ты страсти говоришь! проговорила старуха крестясь.

«Куда жъ еще вы ихъ хотѣли пристроить? Да, впрочемъ, вѣдь, кости и могилы все вамъ остается: переводъ только на бумагѣ. Ну, такъ что же? Какъ же? Отвѣчайте, по крайней мѣрѣ!»

Старуха вновь задумалась.

«О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?»

— Право, я все не приберу, какъ мнѣ быть; лучше я вамъ пеньку продамъ.

«Да что жъ пенька? Помилуйте, я васъ прошу со всѣмъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете! Пенька пенькою; въ другой разъ пріѣду, заберу и пеньку. Такъ какъ же, Настасья Петровна?»

— Ей Богу, товаръ такой странный, совсѣмъ не бывалый!

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ терпѣнія, хватилъ въ сердцахъ стуломъ объ полъ и посулилъ ей чорта.

Чорта помѣщица испугалась необыкновенно. — «Охъ не припоминай его, Богъ съ нимъ! вскрикнула

она, вся поблѣднѣвъ. Еще третьяго дня всю ночь снился мнѣ, окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе-то Богъ и наслалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога-то-длиннѣе бычачьихъ. —

«Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ одного христіанскаго человѣколюбія хотѣлъ: вижу бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду... Да пропади и околѣй со всей вашей деревней!» . . .

— Ахъ, какія ты забранки пригинаешь! сказала старуха, глядя на него со страхомъ.

«Да не найдешь словъ съ вами! Право, словно какая нибудь, не говоря дурнаго слова, дворняшка, что лежитъ на сѣнѣ: и сама не ѣстъ сѣна, и другимъ не даетъ. Я хотѣлъ было закупать у васъ хозяйственные продукты разные, потому что я и казенные подряды разные веду» . . . Здѣсь онъ прилгнулъ, хоть и вскользь, и безъ всякаго дальнѣйшаго размышленія, но неожиданно удачно. Казенные подряды подѣйствовали сильно на Настасью Петровну; по крайней мѣрѣ, она произнесла уже почти просительнымъ голосомъ: «Да чего жъ ты разсердился такъ горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсѣмъ тебѣ и не прекословила.

«Есть изъ чего сердиться! Дѣло яйца выѣденнаго не стоитъ, а я стану изъ-за него сердиться!»

— Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнаціей! Только смотри, отецъ мой, на счетъ подрядовъ-то: если случится муки брать ржа-

ной, или гречневой, или крупъ, или скотины битой, такъ ужъ, пожалуста, не обидь меня. —

Гоголь.

Помѣщица, барыня, при всѣхъ объясненіяхъ и толкованіяхъ, не понимающая очевиднаго умысла наглаго торгаша, опасающаяся продавать мертвыхъ потому, чтобы не понести убытку, потому, что этѣ души, уже принадлежащія одному Богу, можетъ быть, еще въ хозяйствѣ понадобятся, иногда показывающая какое-то безотчетное, инстинктуальное чувство отвращенія и робости, наводимое неясно сознаваемой мыслью о святотатствѣ—торговать костями, могилами и душами покойниковъ; безстыдство Чичикова, который такъ положительно и отчетливо, аналитически доказываетъ, чтобы Коробочка продала ему мертвыхъ, его циническій матеріализмъ, когда онъ ставитъ умершаго человѣка хуже всякой негодной, послѣдней вещи, хуже тряпки, хуже выѣденнаго яйца — это такія идеи, которыя послѣ смѣха невольно заставляютъ задуматься и какимъ-то могильнымъ холодомъ охватываютъ душу.

§ 78.

Соединеніе комическаго съ другими формами выраженія изящнаго

Изъ выше изложенныхъ понятій о комическомъ очевидно, что оно можетъ быть соединяемо съ прямыми формами выраженія всякаго рода идей и чувствъ, нисколько не разрушая единства и гармоніи худо-

жественнаго произведенія. Примѣры этому есть у всѣхъ великихъ писателей — Гомера, Шекспира, Гете, Байрона, Пушкина.

Вотъ сцена изъ Русалки Пушкина.

Князь.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила:
Знакомыя, печальныя мѣста!
Я узнаю окрестные предметы:
Вотъ мельница: она ужъ развалилась;
Веселый шумъ ея колесъ умолкнулъ;
Сталъ жерновъ: видно, умеръ и старикъ;
Дочь бѣдную оплакивалъ онъ долго!
Тропинка тутъ вилась — она заглохла . . .
Давно, давно сюда никто не ходитъ.
Тутъ садикъ былъ съ заборомъ — не ужели
Разросся онъ кудрявой этой рощей?
Ахъ, вотъ и дубъ завѣтный! Здѣсь она,
Обнявъ меня, поникла и умолкла . . .
Возможно ли?...(Идетъ къдверямъ; листья сыплются.)
Что это значитъ? листья,
Поблекнувъ, вдругъ свернулися, и съ шумомъ,
Какъ дождь, посыпалися на меня!
Передо мной стоитъ онъ голъ и черенъ,
Какъ дерево проклятое. (Входитъ старикъ въ лохмотьяхъ и полунагой.)

Старикъ.

Здорово,
Здорово, зять!

...

Князь.

Кто ты?

Старикъ.

Я здѣшній воронъ.

Князь

Возможноль! Это мельникъ.

Старикъ

Что за мельникъ?
Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ,
А денежки отдалъ на сохраненье
Русалкѣ, вѣщей дочери моей;
Онѣ въ песку Днѣпра-рѣки зарыты;
Ихъ рыбка одноглазка сторожитъ.

Князь.

Несчастный, онъ помѣшанъ! Мысли въ немъ
Разсѣяны, какъ тучи послѣ бури.

Старикъ.

Зачѣмъ вечоръ ты не пріѣхалъ къ намъ?
У насъ былъ пиръ, тебя мы долго ждали.

Князь.

Кто ждалъ меня?

Старикъ.

Кто ждалъ? Вѣстимо, дочь.
Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы.
И волю вамъ даю: сиди она
Съ тобою хоть всю ночь, до пѣтуховъ,
Ни слова не скажу я.

Князь.

Бѣдный мельникъ!

Старикъ.

Какой я мельникъ! Говорятъ тебѣ,
Я воронъ, а не мельникъ. Чудный случай!
Когда (ты помнишь?) бросилась она
Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ
И съ той скалы прыгнуть хотѣлъ, да вдругъ
Почувствовалъ: два сильныя крыла
Мнѣ выросли внезапно изъ подъ мышекъ
И въ воздухѣ сдержали. Съ той поры
То здѣсь, то тамъ летаю, то клюю
Корову мертвую, то на могилѣ
Сижу, да каркаю.

Князь.

Какая жалость!
Кто жъ за тобою смотритъ?

Старикъ.

Да, за мной
Присматривать не худо: старъ я сталъ
И шаловливъ. За мной, спасибо, смотритъ
Русалочка.

Князь.

Кто?

Старикъ.

Внучка.

Князь.

Невозможно
Понять его! Старикъ, ты здѣсь въ лѣсу
Иль съ голоду умрешь, иль звѣрь тебя заѣстъ.
Не хочешь ли пойти въ мой теремъ,
Со мною жить?

Старикъ.

Въ твой теремъ? нѣтъ, спасибо!
Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,
Удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ,
И сытъ, и воленъ. Не хочу въ твой теремъ!
(Уходитъ.)

Князь.

И этому все я виною! страшно
Ума лишиться! Легче умереть:
На мертвеца глядимъ мы съ уваженьемъ,
Творимъ о немъ молитвы: смерть ровняетъ
Съ нимъ каждаго. Но человѣкъ, лишенный
Ума, становится не человѣкомъ;
Напрасно рѣчь ему дана — не правитъ
Словами онъ; въ немъ брата своего
Звѣрь узнаетъ; онъ людямъ въ посмѣянье;
Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судитъ...
Старикъ несчастный! Видъ его во мнѣ
Раскаянья всѣ муки растравилъ.

Здѣсь смѣшное такъ непосредственно сливается съ трогательнымъ, въ этомъ юродивомъ языкѣ старика такъ много горечи, въ его безсвязномъ, по видимому, безсмысленномъ разсказѣ видно такое живое чувство тоски, потери, одиночества, такое живое воспоминаніе о позорѣ и погибели дочери, что тѣшиться надъ странностію рѣчей бѣднаго мельника едва ли кто нибудь въ состояніи; притомъ кому не придетъ на мысль, какое величіе, какое божественное могущество надъ природой даетъ человѣку умъ и какъ ужасно его лишиться; какъ низокъ и отвра-

тителенъ съ своимъ участіемъ развратникъ, когда думаетъ, что можетъ за двѣ погубленныя души—утопившуюся дочь и обезумѣвшаго старика, расплачиваться, давая этому несчастному ѣсть, спасая его отъ голода, отъ звѣря, для такого жалкаго существованія.

§ 79.

Исключительное направленіе художника.

Каждый художникъ имѣетъ особенный поэтическій характеръ; поэтому, смотритъ на предметъ съ своей стороны, или съ своей точки зрѣнія, по своему сочувствуетъ ему, по своему даетъ въ своемъ воображеніи облики мыслямъ и чувствамъ, и обработываетъ свое произведеніе, по особенной, ему одному свойственной методѣ, съ отличительными пріемами, зависящими отъ его личности. Отъ этого одинъ болѣе способенъ создавать высокое, другой граціозное; одинъ—въ прямой, непосредственной, другой—въ косвенной формѣ. Есть дарованія многостороннія; но и въ нихъ всегда видно одно господствующее, преобладающее, исключительное направленіе.

Школа художниковъ.

Художники, раздѣляющіе одинакія понятія объ изящномъ, о сущности, назначеніи искусства, объ условіяхъ осуществленія идеаловъ, слѣдующіе одинаковой методѣ — въ выборѣ матеріаловъ, въ употребленіи ихъ для состава формы и въ технической, механической, или внѣшней отдѣлкѣ художественныхъ произведеній, составляютъ одну школу. Это—благородное братство людей, иногда раздѣленныхъ

вѣками и далекими разстояніями, но единомыслящихъ, единодушныхъ, связанныхъ святымъ союзомъ сочувствія къ прекрасному и творческой силы, не вмѣщаемой и не истощаемой не только однимъ человѣкомъ, но даже однимъ, хотя самымъ цвѣтущимъ, періодомъ искусства.

Раздѣленіе изящныхъ искусствъ.

Такъ какъ художникъ, для осуществленія своего идеала, употребляетъ или образы, или звуки : то всѣ изящныя произведенія искусства, по внѣшней формѣ, или правильнѣе, по матеріаламъ, изъ которыхъ слагается ихъ форма, раздѣляются на образовательныя или очертательныя (пластическія) и звуковыя (тоническія).

Звуки бываютъ двухъ родовъ: простые и сложные, или члено-составные, члено-раздѣльные — т. е слова ; поэтому, тоническія изящныя произведенія подраздѣляются на двѣ отрасли: музыку и изящную словесность т. е. художественныя произведенія, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ.

Образовательныя искусства суть : архитектура (зодчество), скульптура (ваяніе) и живопись—со всѣми ихъ видами и отраслями. По эстетическому совершенству, т. е. по большей способности ясно, живо, многосторонно выражать идеи , ваяніе — выше зодчества, живопись—выше ваянія. Но, разумѣется, всякое искусство имѣетъ средства , ему одному принадлежащія и потому составляющія его богатство , его преимущества.

Образовательныя искусства.

Дѣйствуя непосредственно на чувство зрѣнія, образовательныя искусства сильно поражаютъ насъ или огромностію, величіемъ видимыхъ формъ, или стройностію, симметріей, соразмѣрностью составныхъ частей произведенія, или разнообразною игрою свѣта и тѣни, очарованіемъ перспективы. Идеи ума и движенія сердца получаютъ въ нихъ естественную, живую ощутительность, становятся наглядными, осязательными, выходятъ изъ души человѣка наружу, во внѣшность, въ рядъ созданій физической природы; въ нихъ душа человѣка овеществляется.

Музыка.

Звукъ, кажется, болѣе другихъ явленій природы, имѣетъ сродство съ нашимъ сердцемъ; потому, онъ есть непосредственный органъ, языкъ чувства. Ни одно искусство такъ, какъ музыка, не можетъ передавать нашихъ ощущеній въ ихъ неизмѣримой глубинѣ, въ ихъ быстрой измѣнчивости, въ ихъ тревожныхъ волненіяхъ, въ ихъ заповѣдной таинственности, непроницаемой, недоступной для самаго глубокаго и тонкаго ума, неисчерпаемой и часто неуловимой для самой пламенной, изобрѣтательной и художественно-плодовитой фантазіи.

Музыка дѣйствуетъ на сердце безъ посредства ума и воображенія: музыкальное произведеніе не сообщаетъ ясно никакой опредѣленной идеи; никакого опредѣленнаго образа; но настраивая чувство на извѣстный тонъ, религіозно-торжественный, свѣтло-радостный, глубоко-унылый, или тихо-меланхолическій, самою своею загадочностію, своею таинствен-

ностію, своимъ, такъ сказать, сумракомъ, возбуждаетъ умъ и фантазію къ самой сильной, напряженной, кипучей дѣятельности, наводитъ насъ на множество идей, бросаетъ въ воображеніе тысячи картинъ, соотвѣтственныхъ состоянію воспламененнаго чувства, и такимъ образомъ даетъ намъ возможность живо предощущать идею, изъ которой развилось все художественное произведеніе артиста. Слѣдовательно, музыка не усыпляетъ души, * напротивъ, вызываетъ ее изъ усыпленія, сообщаетъ энергію дремлющимъ и ослабѣвшимъ ея силамъ, и касается самыхъ сокровенныхъ стихій ея бытія.

Изящная словесность.

Въ изящной словесности пластика и музыка сливаются вмѣстѣ; недостигая вполнѣ музыкальной гармоніи, также какъ и наглядности искусствъ образовательныхъ, изящная словесность имѣетъ однакожъ передъ ними свои преимущества: поэтъ рѣчью можетъ рисовать предметы въ безконечно-огромныхъ размѣрахъ, или такія идеальныя формы красоты, съ такими тонкими, нѣжными, фантастически-разнообразными лучами, которые неуловимы для другихъ искусствъ. Къ томуже, въ словесномъ произведеніи болѣе, нежели въ какомъ нибудь другомъ, становится намъ понятною поэзія мысли, въ ея многосторонней и глубокой общности: только въ словесномъ произведеніи мысль разлагается на многочисленные ряды идей подчиненныхъ и достигаетъ свободнаго и

* Ancillon. Essais.

самаго разнообразнаго развитія. Поэтому названіе поэзіи исключительно принадлежитъ изящной словесности: она въ ряду искусствъ тоже, что человѣкъ въ ряду существъ природы,—вѣнецъ созданія.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Академии Наук СССР

ИЗДАНІЯ

Н. КОРАБЛЕВА и М. СИРЯКОВА,

КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПРИДВОРНОЙ ПѢВЧЕСКОЙ КАПЕЛЛИ, ДЕПАРТАМЕНТА КОРАБЕЛЬНЫХЪ ЛѢСОВЪ И РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ,» ИЗДАВАЕМАГО ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

СВЯЩЕННЫЯ ПѢСНОПѢНІЯ древняго Сіона, или стихотворное переложеніе псалмовъ, составляющихъ Псалтирь. 1846 года. 2 р. сер. съ перес.

СОЧИНЕНІЯ ИННОКЕНТІЯ, Епископа Пензенскаго и Саратовскаго. Въ трехъ томахъ, съ біографіею и портретомъ Преосвященнаго. Напечатанныя на веленевой бумагѣ. 1845 года. Цѣна съ перес. 5 р. сер.

СЛОВЕСНОЕ МЛЕКО или собраніе словъ, произнесенныхъ къ Курской паствѣ Иліодоромъ, Архіепископомъ Курскимъ и Бѣлоградскимъ. Второе, дополненное изданіе. 2 ч. 1844 г. Цѣна съ пер. 1 р. 75 к. сер.

БЕСѢДЫ И СЛОВА, произнесенныя къ Курской паствѣ Иліодоромъ, Архіепископомъ Курскимъ и Бѣлоградскимъ. Изданіе второе, съ прибавленіемъ **ВОСКРЕСНЫХЪ БЕСѢДЪ**. 1844 г — Цѣна. 1 р. 75 к. сер. съ пересылкою.

ИСТОРІЯ ІУДЕЕВЪ, со времени упадка племени Маккавеевъ до VI вѣка. Съ присовокупленіемъ краткаго очерка до нашихъ временъ. Изданіе второе. 1846 г. 1 р., вѣс. за 2 ф.

КРАТКАЯ ЛАТИНСКАЯ СИНОНИМИКА, изложена по *Дёдерлейну*, *Яковомъ Ильенковымъ*. Удостоенная второстепенной Демидовской преміи. 1845 г. Цѣна 2 р. сер., вѣс. за 2 ф.

КНИГА ДЛЯ ПОСТЕПЕННЫХЪ ПЕРЕВОДОВЪ съ Русскаго языка на Нѣмецкій. Составленная *Е. Гугелемъ*. Изданіе 4-е 1845 г. Цѣна 1 р. сер. съ перес.

ЛЕДИ АННА ИЛИ СИРОТА. Дѣтская повѣсть. Съ Англійскаго. Съ 6-ю картинками отлично рисованными *Р. Жуковскимъ*, и отпечатанными въ два тона, на веленевой бумагѣ. 1845 года. Цѣна 1 р. сер. съ перес.

САМОУЧИТЕЛЬ НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА, или руководство научиться, безъ помощи учителя, читать, писать и говорить по нѣмецки. 2 ч. 1845 г. Цѣна 75 к., съ пер. 1 р. сер.

САМОУЧИТЕЛЬ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА или руководство научиться безъ помощи учителя, читать, писать и говорить по французски. Изданіе 2-е, исправленное, 2 ч. 1846 г. Цѣна 75 к., съ пер. 1 р. сер.

КРАТКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ГРАММАТИКА *Ноэля* и *Шапсаля*. Съ 26 Парижскаго изданія безъ перемѣны. 1845 г. 30 к. сер.

ПРАКТИЧЕСКАЯ АНГЛІЙСКАЯ ГРАММАТИКА для русскихъ, составленная профессоромъ англійс. языка *Е. Гласко*, въ 2 частяхъ. 1846 г. 1 р. 50 к.

ХРЕСТОМАТІЯ НѢМЕЦКАЯ, или выборъ образцовъ нѣмецкихъ прозаиковъ и стихотворцевъ, съ Нѣмецко-Русскимъ словаремъ. 1847 г. 1 р. сер.